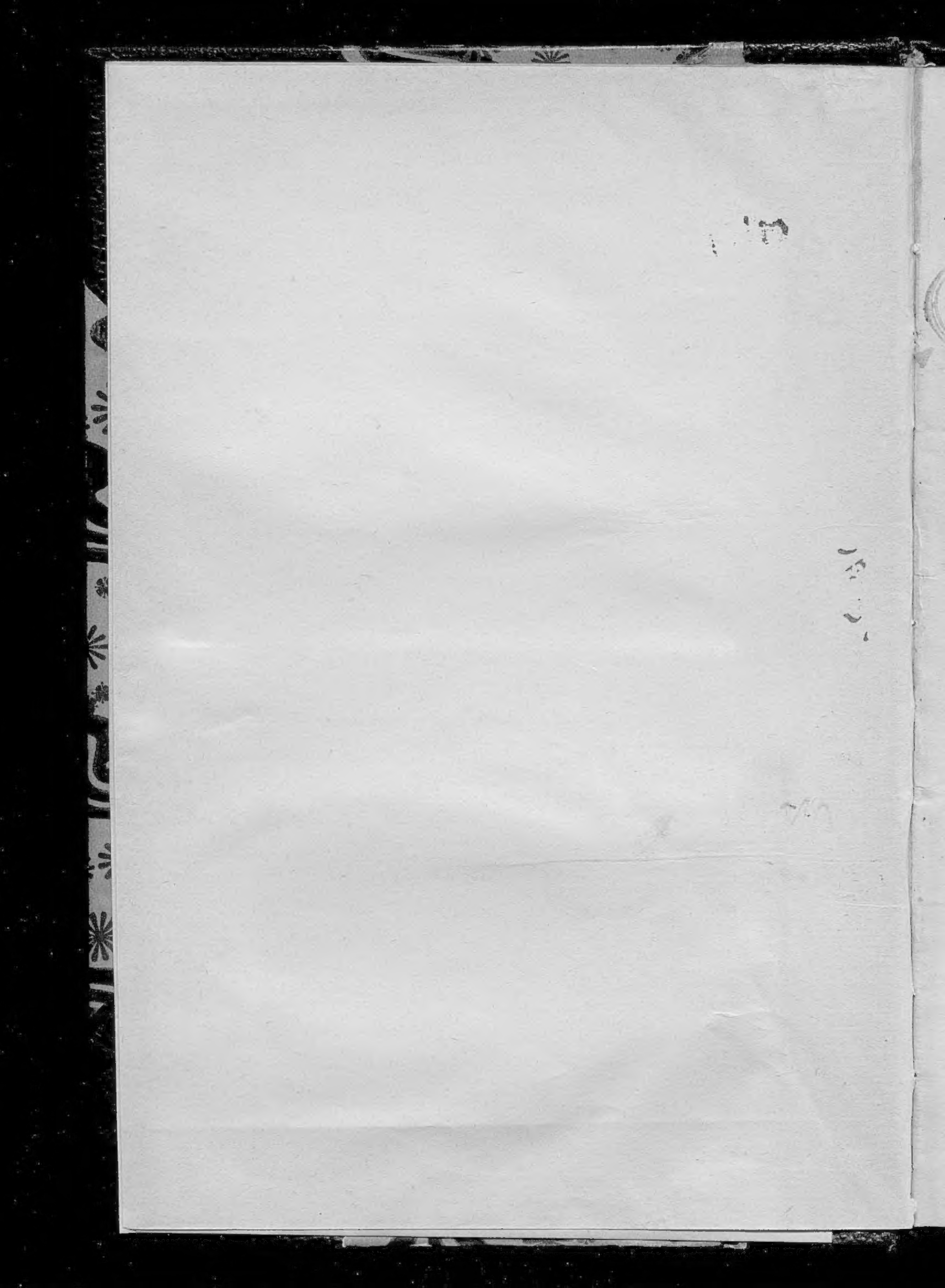

ПЕТРЪ ВЕЙНБЕРГЪ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

ОБЪ

ИВАНѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ

ГРОЗНОМЪ.

2-е изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126 (уг. Суворов.).
1908.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

(1872 г.)

Русскимъ историческимъ пѣснямъ не посчастливилось въ наукѣ такъ, какъ русскому богатырскому эпосу, съ которымъ онѣ, во многихъ отношеніяхъ, состоятъ въ тѣсной связи. На долю ихъ не пришлось и сотой доли тѣхъ изслѣдованій, которыя пролили такъ много свѣта на былины, воспѣвающія древнихъ русскихъ богатырей и подвинули такъ далеко впередъ разработку нашей народной словесности. Между тѣмъ, отрицать важность историческихъ пѣсенъ какъ въ историческомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, было бы такъ же странно, какъ было бы излишне доказывать эту важность. Съ другой стороны, извѣстно, что ни въ одной изъ славянскихъ литературъ, за исключеніемъ сербской, нѣтъ такого богатства историческихъ пѣсенъ, въ количественномъ и качественномъ отношеніи, какъ въ словес-

ности русской. О такъ называемыхъ историческихъ пѣсняхъ западныхъ народовъ мы не говоримъ, — потому что ихъ, написанныхъ *извѣстными лицами, отдѣльными сочинителями*, нельзя назвать народными, въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. созданными всѣмъ народомъ.

Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, нашими историческими пѣснями никто не занимался спеціально. Появившаяся въ 1846 г. книга „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи", въ которой, впрочемъ, больше говорится о малороссійскихъ пѣсняхъ и очень мало о русскихъ, уже потому, что въ то время собранный матеріалъ былъ еще очень скуденъ,—предисловія и примѣчанія въ „Запорожской Старинѣ" г. Срезневскаго, тоже касающіяся пѣсень малороссійскихъ,—статья г. Буслаева „Русская поэзія XVII вѣка" (въ его „Историческихъ Очеркахъ"),—„Замѣтки" г. Безсонова въ сборникахъ пѣсень Кирѣевскаго и нѣсколько журнальныхъ библіографическихъ замѣтокъ по поводу сборниковъ народныхъ пѣсень,—вотъ все, что мы нашли въ этомъ отношеніи.

Настоящій трудъ есть опытъ изложенія и разъясненія одного отдѣла нашей истори-

ческой поэзіи—пѣсень объ Иванѣ Грозномъ. Мы начали съ нихъ потому, что, какъ объяснено нами ниже, онѣ первыя могутъ быть названы историческими въ полномъ значеніи этого слова, а во-вторыхъ вслѣдствіе того, что въ нихъ историческое и художественное значеніе народной поэзіи, воспѣвающей дѣйствительныя событія и лицъ, выказывается такъ ярко, какъ ни въ одной изъ пѣсень послѣдующаго времени.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Со времени выхода настоящаго труда прошло тридцать шесть лѣтъ; но то, что сказано въ предисловіи къ первому изданію объ отсутствіи изслѣдованій въ области русскихъ историческихъ пѣсень, мы должны повторить и теперь: за это продолжительное время, къ поименованнымъ въ первомъ предисловіи работамъ не прибавилось, сколько намъ извѣстно, ни одной. Точно также, собственно по отношенію къ Ивану Грозному, не появилось, а

слѣдовательно не найдено, ни одной новой пѣсни, ни одного новаго варіанта прежнихъ.

По этимъ причинамъ настоящее изслѣдованіе выходитъ безъ измѣненій сравнительно съ первымъ изданіемъ; съ тою только разницей, что прибавлено „Приложеніе“, содержащее наиболѣе важные варіанты пѣсень, о которыхъ въ книгѣ идетъ рѣчь.

Пѣснями объ Иванѣ Грозномъ начинается въ русской словесности рядъ тѣхъ пѣсень, которыя могутъ быть названы *историческими* въ строгомъ значеніи этого слова, т. е. такими, въ которыхъ и основа и подробности тѣсно связаны съ дѣйствительною исторіею, разнясь отъ этой послѣдней только частностями, настолько, насколько разнится отъ научно историческаго изложенія художественное воспроизведеніе историческаго факта. Въ этомъ отношеніи, историческая пѣсня, создаваемая народомъ, то же, что историческій романъ, историческая драма и т. п. роды поэзіи, входящіе въ область литературы письменной.

Русская *былина*, не смотря на свою чисто миѳическую основу и не менѣе миѳическія подробности, не можетъ быть рѣзко отдѣлена отъ исторической пѣсни, не можетъ быть признаваема за нѣчто, не имѣющее родства съ этою послѣдней, потому что почти въ каждой изъ этихъ былинъ ясно видно пріуроченье къ извѣстнымъ *историческимъ* мѣстностямъ и событіямъ. Многіе изъ богатырей, дѣйствующихъ въ нашихъ былинахъ, дѣйствительно существовали; многія событія дѣйствительно совершались, если не въ такомъ видѣ, какой придаетъ имъ фантазія автора-народа, то все-таки съ

нѣкоторымъ сходствомъ въ извѣстныхъ подробностяхъ [1]). Но исторія стоитъ тутъ на второмъ мѣстѣ; историческій фактъ служитъ какъ бы дополненіемъ, или, вѣрнѣе сказать, едва замѣтною рамкою, въ которую вставляются образы, не имѣющіе ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительности. Пѣсня историческая построена уже на чисто исторической основѣ, и если входятъ въ нее, особенно въ первое время, подробности или миѳическаго, или легендарнаго свойства, то это совершается, во 1-хъ, какъ замѣчено выше, въ силу того поэтическаго процесса, который не можетъ воспроизводить исторію, какъ воспроизводитъ ее лѣтописецъ, т. е. безъ всякой примѣси фантазіи, безъ участія художественнаго чувства; а во 2-хъ потому, что народное творчество, выходя изъ періода *героическаго* и вступая въ слѣдующій—*историческій*, не можетъ вдругъ отрѣшиться отъ преданій перваго и заноситъ ихъ во второй въ неприкосновенности, часто доходящей до сходства въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Говоря, что пѣснями объ Иванѣ Грозномъ начинается въ русской народной словесности отдѣлъ чисто исторической поэзіи, мы имѣемъ въ виду не то, что̀ дѣйствительно было, а то, что̀ дошло до насъ изъ этой поэзіи; что касается до дѣйствительно бывшаго, создавшагося въ этой области, то

[1]) Попытка сблизить указанія былинъ съ лѣтописными свидѣтельствами сдѣлана, хотя съ нѣкоторыми натяжками, въ сочиненіи Л. Майкова: „Былины Владимирова Цикла", стр. 23—29

мы считаемъ невозможнымъ предположить, чтобы творчество историческое было чуждо народу до временъ Ивана, чтобы только съ этихъ поръ оно создалось какимъ-то крутымъ поворотомъ отъ эпоса былиннаго. Такого предположенія не допускаютъ ни простое соображеніе, основанное на историческихъ данныхъ, ни несомнѣнныя указанія, сохранившіяся въ нашемъ эпосѣ.

Соображеніе говоритъ намъ, что если, напр., такое отдаленное время, какъ княженіе Олега, не осталось чуждымъ для народнаго творчества, занесшаго, хотя въ сильно затемненномъ видѣ, нѣкоторыя подробности этого княженія въ былину о Вольгѣ [1]), то не могло это творчество съ равнодушіемъ пройти мимо другихъ, позднѣйшихъ событій, когда историческая жизнь народа развилась уже гораздо полнѣе и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ событіяхъ и лицахъ, игравшихъ въ нихъ болѣе или менѣе важную роль, было много такого, что̀ давало обильную пищу поэтическому творчеству. Не могли остаться чуждыми для этого послѣдняго удѣльныя междуусобія, полныя истиннаго, чисто народнаго трагизма, татарское нашествіе, собираніе русской земли Иваномъ Калитою, княженіе Ивана III съ такими событіями какъ

[1]) О тождествѣ Олега съ Вольгою см. замѣтку г. Безсонова въ I томѣ сборника пѣсенъ Рыбникова, хотя это мнѣніе можно принимать не иначе, какъ съ большими ограниченіями, на что, между прочимъ, указалъ и г. Миллеръ въ своемъ „Опытѣ историческаго обозрѣнія русской словесности“, ч. I, стр. 207.

паденіе Великаго Новгорода, уничтоженіе татарскаго владычества, и т. п. Какъ могъ образоваться такой пробѣлъ, если съ царствованія Ивана Грознаго наша историческая пѣсня представляетъ какъ бы сплошное историческое изложеніе въ строгой послѣдовательности, слѣдя чуть не шагъ за шагомъ за всѣми царствованіями, всѣми главнѣйшими эпизодами ихъ? [1]).

Обращаясь затѣмъ къ вышеупомянутымъ указаніямъ, заключающимся въ нашемъ историческомъ эпосѣ, мы, оставляя въ сторонѣ такія произведенія, какъ былина о Вольгѣ, гдѣ историческое начало совершенно затемнено миѳическими подробностями, или такія, гдѣ историческаго — только имя дѣйствующаго лица, или отдаленный намекъ на дѣйствительно бывшее событіе [2]), мы останавливаемся на пѣсняхъ, относящихся ко времени татарскаго владычества. Уже г. Буслаевъ [3]) справедливо изумлялся замѣчанію, сдѣланному Кирѣевскимъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1852 г., о совершенномъ будто-бы отсутствіи пѣсенъ объ эпохѣ „такъ называемаго татарскаго ига“. Кирѣевскому по всей вѣроятности показалось слишкомъ недостаточнымъ количество этихъ пѣсенъ, встрѣ-

[1]) Ср. 7-й выпускъ пѣсень Кирѣевскаго, гдѣ хронологически помѣщены пѣсни о Ѳедорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ, убіеніи царевича Димитрія, первомъ Самозванцѣ, Скопинѣ Шуйскомъ, Тушинскомъ ворѣ, междуцарствіи и т. д. вплоть до Петра I-го.

[2]) Ср. „Былины Владимирова Цикла“ Л. Майкова, стр. 29.

[3]) Историческіе Очерки т. I, стр. 544.

ченныхъ имъ въ сборникѣ Кирши Данилова. Ихъ дѣйствительно въ этомъ изданіи немного: это пѣсни о Щелканѣ Дудентьевичѣ, Калинѣ Царѣ и отчасти—царѣ Саулѣ Леванидовичѣ [1]); но кромѣ этихъ *цѣлыхъ* пѣсень, посвященныхъ татарамъ, сколько въ томъ же сборникѣ подробностей, относящихся къ тому же времени, вошедшихъ въ пѣсни съ совершенно инымъ содержаніемъ! Илья Муромецъ полопилъ своего „воронка" въ большой Ордѣ [2]); Иванъ Гостинный сынъ „бывалъ въ Золотой Ордѣ" и тамъ нашелъ невѣсту для князя Владимира [3]); Владимиръ—тесть Этмануйла Этмануйловича, короля „Орды немирныя" [4]); этотъ самый Этмануйлъ посылаетъ къ Владимиру брать съ него дань за 12 лѣтъ [5]). Въ пѣснѣ о Михайлѣ Казариновѣ русская полоняночка „изъ Волынца города изъ Галичья" попадаетъ въ руки трехъ наѣздниковъ-татаръ, и одинъ изъ нихъ обѣщаетъ не продавать ее, „дѣвицу, дешево", а отдать „за сына за любимаго, за мирнаго сына въ Золотой Ордѣ" [6]). Воспоминаніе о татарской эпохѣ сохранялось въ народной фантазіи весьма долго: ничѣмъ инымъ, полагаемъ, нельзя объяснить то напримѣръ обстоятельство, что Иванъ Грозный въ Москвѣ упоминаетъ о Куликовомъ Полѣ, прика-

[1]) Древнія Россійскія Стихотворенія, стр. 31, 242 и 252.
[2]) Ibid. стр. 55.
[3]) Ibid. стр. 86.
[4]) Ibid. стр. 196.
[5]) Ibid. стр. 126.
[6]) Ibid. стр. 210.

зывая на этомъ мѣстѣ казнить своего сына [1]). Наконецъ, безпрестанно встрѣчающіяся и въ древнѣйшихъ, и позднѣйшихъ пѣсняхъ выраженія: „злой-татаринъ", „собака-татаринъ" и т. п., очевидно указываютъ на впечатлѣніе, оставленное въ народѣ этимъ несчастнымъ временемъ [2]), и если *цѣлыхъ* пѣсень о событіяхъ его мало, то это, по нашему мнѣнію, объясняется только тѣмъ, что большая часть изъ нихъ или вовсе утрачена, или еще не записана; такъ напр. въ сборникѣ Кирши Данилова, какъ мы видѣли, были только три такихъ пѣсни, а съ появленіемъ сборника Рыбникова число ихъ умножается: въ 3-мъ томѣ находимъ значительно распространенную пѣсню о Калинѣ царѣ въ двухъ варіантахъ и двѣ совершенно новыя— о Батыгѣ Батыговичѣ, (хотя этотъ Батыга повидимому тотъ же Калинъ), и о царѣ Бахметѣ съ Авдотьею женою Рязаночкою [3]).

Независимо отъ этихъ „татарскихъ" пѣсень, встрѣчаемъ и другія документальныя указанія, что пробѣлъ, существующій въ исторической поэзіи

[1]) Рыбниковъ, т. I, стр. 397. Замѣтилъ, что эта пѣсня записана собирателемъ не по близости отъ Куликова Поля (въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно бы иначе объяснить эту подробность), а въ петрозаводскомъ уѣздѣ.

[2]) Къ пѣснямъ, относящимся къ татарской эпохѣ, или, по крайней мѣрѣ, сложившимся подъ вліяніемъ воспоминанія о нихъ, принадлежатъ и не-эпическія; напр. извѣстная свадебная

„Братецъ-татаринъ
Продалъ сестру за талеръ" и т. д.

[3]) Рыбн. т. III, стр. 206—229.

до Ивана Грознаго, образованъ не отсутствіемъ пѣсень, а утратою ихъ, или еще не совершившимся открытіемъ. Такое документальное указаніе представляетъ напримѣръ сборникъ Рыбникова, т. III, гдѣ въ отдѣлѣ „былинъ княженецкихъ, молодецкихъ и безъимянныхъ", помѣщена пѣснь о двухъ Ливикахъ, герой которой—князь Романъ Дмитріевичъ, и т. I, гдѣ эта же пѣсня повторена въ трехъ варіантахъ [1]). Г. Безсоновъ, видящій въ этой чисто-эпической, легендарной фигурѣ Романа Дмитріевича—князя Романа Волынскаго и находящій возможнымъ сблизить воспѣваемое въ былинѣ событіе съ однимъ изъ занесенныхъ въ лѣтопись, замѣчаетъ: „Мудрено допустить, чтобы этотъ князь, названный въ лѣтописи „приснопамятнымъ", былъ забытъ въ русскихъ пѣсняхъ, памятливыхъ и на другія, менѣе крупныя, лица" [2]). Совершенно соглашаясь съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ, мы думаемъ, что если осталась воспѣтою личность князя Романа, то могли ли, опять-таки, пройти незамѣченными мимо народнаго творчества другія фигуры и событія вышесказаннаго промежутка, игравшія въ жизни народа гораздо болѣе замѣтную роль, чѣмъ князь Романъ и его походы?

Какъ бы то ни было, а на самомъ дѣлѣ, т. е. на основаніи того, что дѣйствительно *есть* у насъ, пѣсни объ Иванѣ Грозномъ открываютъ собою

---

[1]) Рыбн. т. III, стр. 277 и т. I, стр. 422—443.

[2]) Въ 1 т. Рыбникова см. Замѣтку стр. IV.

рядъ исторических пѣсень. Тѣ, въ которыхъ поется о татарскомъ нашествіи, или только что упомянутыя о Романѣ Дмитріевичѣ не могутъ быть отнесены къ историческимъ въ строгомъ смыслѣ,—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ,—ибо существовавшій въ нихъ, въ чемъ, кажется, невозможно сомнѣваться, чисто историческій элементъ до такой степени затемненъ миѳическими и другого рода подробностями, что опредѣлить историческое значеніе того или другого изъ воспѣваемыхъ въ этихъ произведеніяхъ факта или лица, указать съ точностью соотвѣтствіе ихъ съ дѣйствительно-историческимъ фактомъ или лицомъ можно въ большей части случаевъ только посредствомъ предположенія и догадки. Въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ уже нѣтъ мѣста такому сомнѣнію; народное творчество идетъ рука объ руку съ исторіею, создавая почти *одновременно* съ дѣйствительнымъ событіемъ и передавая его въ неприкосновенности, которой конечно не мѣшаютъ ни анахронизмы и мелкія невѣрности, постоянно свойственныя эпической поэзіи, ни нѣкоторыя подробности не-историческаго свойства, создавшіяся подъ вліяніемъ поэтической фантазіи и въ этомъ отношеніи сближающія историческую пѣсню съ былиною.

Количество пѣсень, относящихся къ царствованію Ивана Грознаго, съ перваго раза не можетъ не поразить того, кто станетъ перелистывать стра-

ницы нашихъ лучшихъ сборниковъ народной поэзіи.

Уже въ „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореніяхъ“ находимъ шесть такихъ пѣсень: 1) О Мастрюкѣ Темрюковичѣ, 2) „На Бузанѣ Островѣ“, 3) „Ермакъ взялъ Сибирь“, 4) „Взятіе Казанскаго царства“, 5) „По краю моря Синяго стоялъ Азовъ городъ“ и 6) „Никитѣ Романовичу дано село Преображенское“.

Въ сборникѣ Сахарова напечатаны четыре пѣсни: одна изъ нихъ разсказываетъ исторію о неудавшейся казни сына [1]), одна—эпизодъ изъ исторіи Казани [2]) и двѣ, помѣщенныя въ отдѣлѣ „казацкихъ пѣсень“—сношенія Ивана Грознаго съ Ермакомъ [3])“.

Якушкинъ записалъ пять пѣсень: Одна изъ нихъ относится къ осадѣ Казани [4]), двѣ воспѣваютъ женитьбу Ивана и единоборство Кастрюка [5]), и двѣ—покушеніе на жизнь сына [6]).

[1]) Сказанія Русскаго Народа. т. 1, стр. 253.

[2]) Ibid стр. 252.

[3]) Ibid стр. 240 и 244.

[4]) Народныя русскія пѣсни изъ собранія П. Якушкина, Спб. 1865. стр. 68.

[5]) Ibid. стр. 69 и 73: во второй изъ нихъ впрочемъ о единоборствѣ не упоминается и дѣло ограничивается женитьбой; но такъ какъ, по замѣчанію собирателя, старуха, пѣвшая эту пѣсню, дойдя до того мѣста, гдѣ Иванъ сталъ худѣть и сохнуть отъ жены, спуталась и не хотѣла продолжать дальше, ссылаясь на то, что „стыдно, нехорошее такое поется“, то весьма можетъ быть, что и въ эту пѣсню вошелъ разсказъ о единоборствѣ.

[6]) Ibid. стр. 74 и 77.

Въ сборникѣ Кирѣевскаго весь 6-й выпускъ (212 страницы) посвященъ царствованію Ивана Грознаго. Здѣсь, къ осадѣ Казани отнесено двадцать пять пѣсень (стр. 1—35); къ взятію Сибири и вообще къ Ермаку—пять пѣсень (стр. 36—54); тринадцать воспѣваютъ покушеніе на жизнь сына (стр. 55—109); двадцать двѣ—свадьбу Ивана и единоборство Кастрюка (109—186); одна—осаду Пскова (стр. 187—190); одна—пребываніе въ Серпуховѣ и Вологдѣ (190 — 194); одна — правежъ (194—201); три — ссылку царицы въ монастырь (202—204); смерть Ивана и сопровождающіе ее „плачи" составляютъ предметъ девяти пѣсень (стр. 201—252).

У Рыбникова находимъ: пять пѣсень, относящихся къ исторіи съ сыномъ [1]), семь, воспѣвающихъ единоборство Кастрюка [2]) и одну, разсказывающую на половину въ прозѣ, на половину въ стихахъ, о покореніи Сибири Ермакомъ и принесеніи этимъ послѣднимъ покорности Ивану Грозному [3]). Сверхъ того, во II т. помѣщенъ прозаическій и чисто легендарнаго свойства разсказъ „Отчего на Руси завелась измѣна", въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Иванъ Грозный [4]).

---

[1]) Т. I, стр. 383, 389 и 396; т. II, стр. 211, т. IV, стр. 81.

[2]) Т. I, 403, т. II, 221, 224, 227, т. III, 257, т. IV, 85, 87.

[3]) Т. II, стр. 230.

[4]) Мы ограничиваемся только этими нѣсколькими сборниками, потому что, во 1-хъ, только въ нихъ первыхъ находимъ пѣсни, несомнѣнно принадлежащія *народу*—(хотя Са-

Но все это—только *видимое* количество. Уже изъ вышеприведеннаго перечня видно, что эпизодовъ или событій, воспѣваемыхъ народомъ, немного; точно также немного и самихъ пѣсень, ибо большая часть изъ нихъ составляетъ ничто иное, какъ варіанты, иногда разнящіеся другъ отъ друга весьма незначительными подробностями, такъ что, если свести ихъ въ одно, то получится небольшое число цѣльныхъ разсказовъ. Притомъ, бываетъ и такъ, что въ нѣкоторыхъ сборникахъ только перепечатано то, что помѣщено уже въ другихъ. Такъ напр. у Сахарова пѣсня о взятіи Казани цѣликомъ взята изъ сборниковъ Чулковскаго и Новиковскаго, съ самыми незначительными разнорѣчіями [1]); тоже самое сдѣлалъ Сахаровъ съ пѣснью о покушеніи на жизнь сына; 6-й выпускъ сборника Кирѣевскаго, наиболѣе изобилующій ко-

харовъ позволялъ себѣ, какъ извѣстно, поправки)—а во 2-хъ, въ сборникъ напр. Кирѣевскаго вошли не только пѣсни, записанныя или собранныя имъ самимъ, но и заимствованныя изъ другихъ печатныхъ источниковъ. Замѣтимъ еще здѣсь, что мы начинаемъ съ Кирши Данилова, хотя, до появленія этого сборника, въ нѣкоторыхъ пѣсенникахъ встрѣчались уже пѣсни объ Иванѣ Грозномъ; такъ напр. въ такъ называемомъ „Новиковскомъ" пѣсенникѣ и Чулковскомъ есть пѣсни о взятіи Казани и покушеніи царя на жизнь сына. Но воспользоваться ими, какъ вполнѣ *оригинальными* произведеніями, нельзя вслѣдствіе многочисленныхъ поправокъ и даже дополненій со стороны самихъ издателей. (См. подробности объ этихъ и другихъ пѣсенникахъ въ I т. „Сказаній Русскаго Народа", статья „Пѣсни Русскаго Народа").

[1]) Разнорѣчія эти указаны въ сборникѣ Кирѣевскаго, вып. 6-й, стр. 6 и 7.

личествомъ пѣсень, заключаетъ въ себѣ много перепечатокъ изъ сборниковъ Кирши Данилова, Чулковскаго и Новиковскаго, собранія Якушкинскаго и другихъ изданій, напр. „Русской Старины“ Корниловича, „Этнографическаго Сборника“ и т. д. Но здѣсь надо имѣть въ виду одно, весьма важное, по нашему мнѣнію, обстоятельство, составляющее, такъ сказать противовѣсіе къ только что указанному: это—большое количество мѣстностей, часто весьма отдаленныхъ одна отъ другой, въ которыхъ записывались, а слѣдовательно и пѣлись, разные варіанты. Такъ пѣсни, напечатанныя въ сборникѣ Кирши Данилова, записаны, (по крайней мѣрѣ, большая часть), по всей вѣроятности, въ Сибири, (это особенно ясно, какъ увидимъ ниже, въ пѣсняхъ о Ермакѣ); помѣщенныя въ сборникѣ Кирѣевскаго записаны въ губерніяхъ московской, саратовской, пермской, симбирской, орловской, архангельской, вологодской, самарской, владимирской, новгородской, нижегородской, калужской, курской тульской; Рыбниковъ записалъ въ олонецкой и пермской. И—что тоже очень важно—очень многія пѣсни записывались въ губерніяхъ, весьма отдаленныхъ отъ того мѣста, гдѣ совершалось воспѣваемое событіе; напримѣръ, пѣсня о Ермакѣ записана въ орловской грберніи отъ раскольника—старика [1]), о взятіи Казани—въ орловской [2]) и даже архангельской [3]) и т. п.,—и все это въ разныхъ

[1]) Кирѣевскій, вып. 6-й, стр. 42.
[2]) Ibid. стр. 14.
[3]) Ibid. стр. 17.

варіантахъ, иногда съ весьма характеристическими измѣненіями. Придаемъ этому обстоятельству важное значеніе и считаемъ его противовѣсіемъ бѣдности пѣсень объ Иванѣ Грозномъ въ количественномъ отношеніи потому, что оно, свидѣтельствуя, какъ далеко разносились и какъ постоянно видоизмѣнялись эти пѣсни, свидѣтельствуетъ тѣмъ самимъ, какую важную роль играло это царствованіе въ памяти и представленіи народа.

Возвращаясь къ количественной бѣдности пѣсень объ Иванѣ, мы полагаемъ наиболѣе удобнымъ, для нагляднаго доказательства этого мнѣнія, всѣ отдѣльные эпизоды и событія, воспѣваемыя этими пѣснями, изложить общими сводами всѣхъ варіантовъ, съ указаніемъ на наиболѣе важные изъ этихъ послѣднихъ; изложеніе это послужитъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для дальнѣйшихъ выводовъ о значеніи произведеній, составляющихъ предметъ настоящаго изслѣдованія, для характеристики выведенныхъ въ нихъ лицъ и событій, для сличенія народнаго повѣствованія съ лѣтописными сказаніями и т. д.

Въ изложеніи этомъ мы не станемъ держаться хронологическаго порядка событій, воспѣваемыхъ пѣснями, а начнемъ съ тѣхъ пѣсень, которыя, по своему легендарному, а въ иныхъ мѣстахъ и мифическому характеру, находятся въ наиболѣе тѣсной связи съ былинами, и будемъ постепенно переходить къ тѣмъ, въ которыхъ чисто историческій элементъ очищается все болѣе и болѣе.

2*

1. Женитьба Ивана Грознаго и единоборство Кастрюка.

Мы ставимъ эти два эпизода вмѣстѣ, потому что они почти вездѣ разсказываются нераздѣльно одинъ отъ другого. Тѣмъ не менѣе, каждый изъ нихъ можетъ быть изложенъ какъ отдѣльное цѣлое.

А) *Женитьба.* Это—собственно вторая женитьба, совершающаяся послѣ смерти „благовѣрной царицы“ Софьи Романовны [1]). Софья, умирая, даетъ мужу разные совѣты, (къ которымъ мы еще обратимся), и между прочими—не жениться ни въ „проклятой *Литвѣ*, на Марьѣ Темрюковнѣ“, ни на „*супавѣ татарской*“, а брать себѣ невѣсту въ каменной Москвѣ [2]). Иванъ не исполняетъ совѣта Софьи: онъ беретъ себѣ жену, по одному пересказу—въ „землѣ крымской, въ жидовской“ (Рыбн. т. IV, стр. 85), по другому—въ Золотой Ордѣ (Кирша Даниловъ, стр. 37), по третьему—въ землѣ Черкас-

[1]) Здѣсь, вѣроятно, народъ смѣшалъ *имя* одной государыни и *отчество* другой: *Софьи* Ѳоминишны, жены Іоанна III, и Анастасьи *Романовны*, жены Ивана Грознаго. Впрочемъ, объ исторической вѣрности пѣсень мы будемъ говорить ниже.

[2]) Кирѣевск. вып. 6-й, стр. 115, 120. Въ одномъ изъ этихъ варіантовъ стихи, по справедливому замѣчанію г. Безсонова, перепутаны. Именно, сказано:

„Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ
На той-ли Марьѣ Темрюковнѣ,
А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ,

кой (Рыбн. т. II, 221, Кирѣевскій, VI, 25), по четвертому—въ проклятой Литвѣ (Кирѣевскій, VI, 116, 138), по пятому — „въ землѣ польской, у короля у Церконовскаго (?) у Литовскаго", и т. д., при чёмъ иногда происходятъ любопытныя смѣшенія, (о которыхъ мы будемъ еще имѣть случай говорить), напр. Литвы съ татарской землей (Кирѣевскій, VI, 151) [1]). Избранною женою оказывается вездѣ одно и тоже лице — Марья Темрюковна, (только въ нѣкоторыхъ варіантахъ встрѣчаемъ нѣкоторыя измѣненія въ имени и отчествѣ) [2]), *купава*, какъ она называется во многихъ варіантахъ, т. е. красавица [3]), приносящая мужу большое при-

На той супазѣ татарскіе,
Хотя есть у вей много приданаго".

А должно быть: „Не женись ты на той супавѣ, хотя есть... а женись ты въ каменной Москвѣ".

[1]) Замѣтимъ, что не по всѣмъ пересказамъ царь вступаетъ въ этотъ бракъ, сдѣлавшись вдовцемъ. Въ большинствѣ ихъ говорится просто о женитьбѣ.

[2]) Вотъ самыя замѣтныя изъ нихъ: *Василиса* Темрюкова (Кирѣевск. IV, 163), *Катерина* Темрюковна (Ibid. 167, 169), Марья *Димiюрьевна* (Ibid. 170), Марья *Демрюковна* (Рыбн. II, 221).

[3]) Вышеприведенное *супава*, употребляющееся въ пѣснѣ и какъ собственное имя, есть конечно испорченное *купава*, которое нельзя произвесть ни отъ чего иного, какъ отъ корня *куп*=бѣлый, роскошно растущій; (см. объясненіе г. Буслаева во II т. Исторіи Россіи Соловьева, въ приложеніи). Такое замѣчаніе можно, между прочимъ, съ безошибочностью вывести изъ слѣдующихъ словъ одного варіанта пѣсни о Кастрюкѣ:

„Царица крымская,
Дочь царя турскаго,
Красно снарядилася *купаво*".
(Рыбн. II, 227).

даное, въ составѣ котораго находимъ и татаръ, и „пятьсотъ донскихъ казаковъ", и тристо „уланищевъ", и три земли, изъ которыхъ „первая земля—польская, другая—литовская, третья—черкаская", и серебра и жемчуга безъ счету и вѣсу. Вмѣстѣ съ новою царицей пріѣзжаетъ въ Москву и братъ ея—Кастрюкъ, или Мастрюкъ, или, какъ онъ называется иногда, Кастрюкъ-Мастрюкъ [1]).

Оба гостя—и Марья, и Кастрюкъ—лица, многими чертами напоминающія дѣйствующихъ лицъ богатырскаго эпоса. Она—„паленица удалая" по однимъ варіантамъ, и женщина-колдунья, злая чаровница, по другимъ, очень напоминающая соблазнительницу Добрыни, Маринку. Объ этихъ зловѣщихъ свойствахъ ея говоритъ уже Софья Романовна въ своихъ предсмертныхъ совѣтахъ мужу:

[1]) Любопытенъ варіантъ, въ которомъ Кастрюкъ является мужемъ дочери Ивана:

„У того-то было царь-богатыря,
У Ивана-то свѣтъ Васильевича
Отдавалася замужъ дочь большая
„За Кастрюка-Мастрюка,
„Молодого Севрюковича".

(Кирѣевск. VI, 178).

По нѣкоторымъ варіантамъ, и сестра Кастрюка, и онъ самъ пріѣзжаютъ въ Москву не по случаю выхода послѣдней въ замужество за Ивана Грознаго, а просто съ цѣлью вызвать московскихъ людей на единоборство съ Кастрюкомъ — „отвѣдать сила богатырская, плечо молодецкое," (Рыбник. III, 258, I 403, II, 224). Есть еще варіантъ (Кирѣевск. VI, 172), по которому Кастрюкъ—сынъ царевны крымской, пріѣзжающей съ нимъ въ Москву тоже для того, чтобы найти ему поединщика.

„Принесетъ она (Марья Темрюковна) рубашки красна золота:
Не моги надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,
Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыхъ:
Увидишь тутъ чудо великое!..“

(Кирѣевскій, VI, 120).

И предсказаніе сбывается: Марья Темрюковна приноситъ въ подарокъ своимъ пасынкамъ рубашки „красна золота“. Чуть только надѣли ихъ на ядовитыхъ псовъ, какъ этихъ послѣднихъ разорвало. Затѣмъ, зловѣщая сила Марьи начинаетъ оказываться на самомъ царѣ. Онъ начинаетъ худѣть, и на вопросъ дядьки о причинѣ этого, отвѣчаетъ: „не могу *поляницей удалой владѣть*: рукуногу закинетъ на меня жена—не могу духу перевести“. (Ibid.). И потомъ Иванъ расправляется съ ней *по былинному*; онъ ведетъ ее „въ далече-чисто поле“ и стрѣляетъ ей „въ ретиво сердце“. Марья владѣетъ и даромъ оборотничества: по одному варіанту, (Кирѣевск. VI 109), послѣ пораженія Кастрюка она въ видѣ сороки, (какъ въ послѣдствіи Марина Мнишекъ), улетаетъ изъ Москвы.

Въ Кастрюкѣ еще болѣе такихъ чертъ; въ разсказѣ о немъ, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ изложенія эпизода о его единоборствѣ, весьма ясно сквозитъ мифическая основа, близко роднящая этотъ эпизодъ съ героическимъ эпосомъ. Кастрюкъ — богатырь, со всѣми атрибутами и признаками эпическаго богатырства. Онъ „пятьсотъ борцовъ поборолъ и пятьсотъ городовъ за себя

побралъ“; [1]) онъ, когда идетъ, то „самъ шатается, переклады сгибаются, подмосты колыблются“ [2]); онъ наконецъ по однимъ варіантамъ мужчина, по другимъ оказывается женщиной [3]), совершенно подобно тому, какъ въ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ дочерью оказывается женщиной баснословный богатырь. Сверхъестественныя черты и свойства Кастрюка проявляются еще яснѣе въ его поединкѣ съ московскими бойцами.

Б) Единоборство. Иванъ, привезя изъ чужой земли Марью Темрюковну и „принявши съ ней золотые вѣнцы“, дѣлаетъ на радости пиръ своимъ боярамъ и могучимъ богатырямъ. Почетнѣйшій гость на этомъ пирѣ — братъ новой царицы, Кастрюкъ. На пирѣ идетъ похвальба гостей, близко напоминающая похвальбу богатырей на пирахъ князя Владиміра [4]). Всѣ пьяны и веселы; одинъ задумчивъ и грустенъ — шуринъ царскій, Мастрюкъ Темрюковичъ; онъ—

„ . . . . Хлѣба, соли не ѣсть,
Хлѣба, соли не кушаетъ,
Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
Зеленаго вина въ ротъ не беретъ...“ [5])

---

[1]) Рыбн. II, 222.

[2]) Ibid. I, 404.

[3]) Кирѣевскій, VI, 119. Рыбниковъ, IV, 89. и II, 224, въ примѣчаніи.

[4]) Весьма близкое, почти буквальное сходство пировъ Ивана съ пирами Владиміра мы увидимъ ниже, при изложеніи эпизода о покушеніи царя на жизнь сына.

[5]) Кирѣевскій, VI, 121.

И на вопросъ о причинѣ такого состоянія, Кастрюкъ отвѣчаетъ изъявленіемъ желанія побороться съ московскими людьми по „татарскому“ [1]). Иванъ вызываетъ охотниковъ, (по однимъ варіантамъ онъ самъ дѣлаетъ этотъ кличъ, по другимъ—поручаетъ это дѣло своему „дядюшкѣ“, Никитѣ Романовичу, съ которымъ мы не разъ еще встрѣтимся). Охотники являются въ разныхъ варіантахъ съ разными именами: Мишка Борисовичъ и Потанька (у Кирши Данилова, послѣдній и у Кирѣевскаго), два брата Иванъ-Иванычи изъ села Ивановскаго (у Кирѣевскаго), Вася Хрономогенькой (тамъ-же), два брата Андрея Андреевича (тамъже), Гришута и Мишута (тамъ же), Илеюшка Хроменькій и Иванушка Маленькій (тамъ же) и т. д. [2]).

[1]) Въ тѣхъ вышеуказанныхъ варіантахъ, въ которыхъ Кастрюкъ представляется пріѣзжающимъ въ Москву не вслѣдствіе женитьбы Ивана на его сестрѣ, онъ, вмѣстѣ съ сестрою, останавливается передъ городомъ и посылаютъ въ Москву посла — требовать поединщика, при чемъ обращаются къ Ивану съ высокомѣріемъ и дерзостью грозятъ „все царство его приплѣнить, и головней покатить“, и самого царя взять въ плѣнъ. (Рыбн. III, 259). Впрочемъ, честолюбіе и горделивые замыслы Кастрюка обнаруживаются и при родственной связи его съ Иваномъ; онъ и тутъ, сидя на пирѣ у своего зятя, думаетъ взять въ плѣнъ Москву, взойти въ Кремль, начать брать пошлины съ московскихъ людей, творить судъ и расправу (Кирѣевскій VI, 122); думаетъ „Москву загонять, сильно царство московское“ (Ibid 146); онъ хочетъ „запереть всю каменную Москву“, подобно тому какъ заперъ землю шведскую и литовскую. (Ibid., 154).

[2]) Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ дѣйствуютъ и въ былинахъ; напр. Потанюшка Хроменькій и Васенька Маленькій дерутся съ Васильемъ Буслаевымъ (Рыбн. II, 203).

Указываются и мѣстности, изъ которыхъ они: о селѣ Ивановскомъ мы только что упомянули; кромѣ того, встрѣчаемъ деревеньку Онихину (Кирѣевскій VI, 126), Новгородъ (Ibid. 123), слободу Александровскую средь Юрьева Повольскаго (Ibid. 146 и 153), вологодскую губернію (Ibid. 179) и т. п. Опредѣлительность выражается и въ подробностяхъ, указывающихъ, къ какому сословію и даже къ какой профессіи борцы принадлежатъ; они крестьяне, вообще деревенскіе люди [1]); профессія нѣкоторыхъ изъ нихъ—скоморошество: въ одномъ пересказѣ, борцы Гришута и Мишута прямо называются *шутами* [2]), а что здѣсь „шутовство" принимается именно какъ профессія, скоморошество—доказывается описаніемъ ихъ костюма (у Кирши Данилова они въ „саксонскомъ платьѣ, сапоги съ раструбами, бороды бритыя, усы торженые") [3]), ихъ умѣнья бороться по ученому (Илеюшка Хроменькій „идетъ въ маленькое колесо" [4]). Въ одномъ варіантѣ, гдѣ Иванъ Грозный почему-то замѣненъ какимъ-то княземъ Михаиломъ (Рыбник. IV, 87), князь не вызываетъ желающихъ побороться, а прямо посылаетъ за „вдовиными сыновьями", Иванушкой, Михайлушкой и Потанюшкой, какъ специально занимающимися этимъ дѣломъ. Сверхъ того,

[1]) Крестьянское званіе съ особенною яркостью выставлено въ варіантѣ, помѣщенномъ у Кирѣевскаго VI, 184.

[2]) Ibid, 130.

[3]) Г. Безсоновъ сближаетъ это описаніе съ описаніемъ латынскаго платья Добрыни, (Кирѣевск. VI, 147).

[4]) Кирѣевск. VI, 160.

во многихъ варіантахъ борцы неоднократно называются „учеными". Большею частью это ребята невзрачные, на что указываютъ уже и самые эпитеты: „хроменькій, маленькій" и уменьшительныя имена; въ одномъ варіантѣ (Кирѣевскій, VI, 183), борецъ описывается такъ:

„ . . . . крестьянскій сынъ:
Съ ноги на ногу прихрамываетъ,
Съ ноздри на ноздрю присапываетъ,
Языкомъ пришепетываетъ..."

Но пѣсня не забываетъ указать на богатырскія свойства ихъ уже до описанія поединка; у Ѳедьки борца, который „на ножку легокъ",—

„Полверсты было во поскокѣ,
А по четыре въ помахѣ..." [1])

Они-то, съ разрѣшенія царя, вступаютъ въ бой съ Кастрюкомъ, о богатырскихъ, баснословныхъ свойствахъ котораго мы уже говорили, Кастрюкъ относится къ своимъ противникамъ съ презрѣніемъ, внущаемымъ ему ихъ невзрачнымъ видомъ; глядя на нихъ, онъ замѣчаетъ, что ему „не на комъ бѣлыхъ рукъ патрать" [2]), онъ хвалится, что „на ладонь ихъ посадитъ, другой рукой раздавитъ" [3]). Но, тѣмъ не менѣе, вступаетъ съ ними въ бой.

Вся эта борьба отличается сверхъестественнымъ

[1]) Рыбник. 1, 405.

[2]) Кирѣевск. VI, 160. „Патрать", по объясненію г. Безсонова (Ibid.) тоже, что марать, грязнить.

[3]) Кирша Даниловъ, 42.

характеромъ. Кастрюкъ, бросаясь на своихъ противниковъ, „зашипѣлъ по змѣиному, заревѣлъ по звѣриному“ [1]; онъ изъ комнаты, гдѣ сидѣлъ, скачетъ

„Черезъ столы бѣлодубовы, чрезъ яства
сахарныя, чрезъ питья медвяныя,
Лѣвой ногой задѣлъ за столы бѣлоду-
бовы,
Повалилъ онъ тридцать столовъ,
Да прибилъ триста гостей,
Живы-да негодны, на корачкахъ ползаютъ
по палатѣ бѣлокаменной.“ [2])

Результатъ поединка во всѣхъ пѣсняхъ одинъ и тотъ-же: пораженіе Кастрюка; но подробности различны. Встрѣчающееся наиболѣе часто — „вылупленіе“ Кастрюка изъ платья, оставленіе его нагимъ, послѣ чего побѣжденный бѣжитъ „зажавши свой соромъ“ [3]), въ подклѣть „на конюшій

[1]) Рыбн. 127.

[2]) Кирша Даниловъ, 41. Въ другихъ варіантахъ—тотъ же пріемъ, только съ нѣкоторыми различіями: онъ переломалъ пятьдесятъ скамей и передавилъ „придаиство все,“ (Кирѣевск. VI, 127), т. е. все, полученное Иваномъ въ приданое за Марьею (см. выше); триста скамей повалилъ и триста бояръ задавилъ (Ibid. 131); зацѣпивъ ногой за скамью „убилъ тридцать таторовей, убилъ сорокъ богатырей, достальныхъ роскарякало“ (Рыбниковъ, I, 405) и т. п.

[3]) Кирѣевскій VI, 155 и въ другихъ мѣстахъ. По одному любопытному варіанту (Ibid. 155) Василій Маленькій, обнаживъ Кастрюка, беретъ его платье подъ пазуху и несетъ пропивать въ царевъ кабакъ.

дворъ, гдѣ собаки щенками щенятся" и т. п.[1]). Другія подробности болѣе трагическаго свойства: Семенушко поднялъ своего противника „выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго",—и раскатились въ разныя стороны его рука, нога и голова[2]). Ѳедька-борецъ, тотъ самый, у котораго такой богатырскій поскокъ и помахъ, подбросилъ Кастрюка

„выше церквей соборніихъ,
И крестовъ богомольніихъ,
До Миколы святителя,
До *креста Леванидова*
И спустилъ о сыру землю,"—

такъ что кожа лопнула[3]); по другому варіанту это подбрасываніе отличается болѣе мѣстнымъ характеромъ: вмѣсто общаго обозначенія церквей и эпическаго креста Леванидова, встрѣчаемъ опредѣленное указаніе на соборную церковь Михаила Архангела и на Ивана Великаго[4]). Борецъ Михайла выломалъ противнику ноги, выкопалъ глаза; одинъ изъ братьевъ Андреевъ Андреевичей ударилъ Кастрюка о землю такъ, что вшибъ его въ землю по колѣни, чуть не по поясъ[5]). Кастрюкъ (въ тѣхъ варіантахъ, въ которыхъ онъ остается

---

[1]) Кирѣевскій VI 161.
[2]) Ibid 175.
[3]) Рыбник. I, 406.
[4]) Рыбн. III, 263. Ср. это подбрасываніе съ такимъ же пріемомъ поединка въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ.
[5]) Кирѣевск. VI, 128.

живъ), закаивается впередъ бороться съ русскими людьми; на каменной Москвѣ—говоритъ онъ—„не дай мнѣ Богъ бывати, не только мнѣ, да и дѣтямъ моимъ“ [1]).

Иванъ Грозный живо интересуется этимъ поединкомъ. Пѣсня какъ бы забываетъ родство его съ Кастрюкомъ и повидимому впадаетъ въ противорѣчіе сама съ собою. Царь чествуетъ своего шурина, сажаетъ его на почетнѣйшее мѣсто, съ участіемъ распрашиваетъ о причинѣ его задумчивости и грусти; а когда начинается поединокъ, когда борцы просятъ у царя позволенія изувѣчить, убить Кастрюка—царь призываетъ на нихъ благословенье божье и чудотворцевъ московскихъ, обѣщаетъ ихъ „поить-кормить и по цѣлой по тысячѣ пожаловать [2]). А когда Марья Темрюковна бранитъ побѣдителей своего брата, царь замѣчаетъ:

„Не то-то намъ дорого,
Что татаринъ похваляется,
А то—то намъ дорого,
Что русакъ насмѣхается“ [3]).

По другому пересказу того-же эпизода, Иванъ внушаетъ Марьѣ, что коли у ея брата не было силы, то ему не слѣдовало и хвастаться [4]).

---

[1]) Кирѣевск. VI 138, 145. Ср. съ подобными заклятіями татаръ въ былинахъ.

[2]) Рыбник. IV, 86. Такія же благословенія и обѣщанія и въ другихъ пересказахъ.

[3]) Кирѣевск. VI, 128, 150.

[4]) Ibid. 132.

II. Покушеніе на жизнь сына.

У Ивана Грознаго во дворцѣ идетъ большой пиръ „столованье". На него собраны „всѣ князья, всѣ боярины думные, вельможи, купцы богатые, удалые поляницы и сильные могучіе богатыри" [1]) Начинается общая похвальба—дѣло, какъ видно, необходимое, неизбѣжное на подобныхъ празднествахъ, потому что царь спрашиваетъ: „что-жъ у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвастуетъ?" [2]) и тогда бояре принимаются за хвастовства. Иванъ, гуляя по комнатѣ и расчесывая *черныя кудри*, тоже не отстаетъ отъ нихъ: онъ хвастается, что взялъ Казань и полонилъ царя Симеона [3]), — „вынесъ царенье изъ Царь-Града" и надѣлъ на себя царскую порфиру [4])—и наконецъ „вывелъ измѣну"

---

[1]) Рыбник. II, 211. Ср. описаніе пировъ Владимира. Но о сходствѣ пѣсень объ Иванѣ Грозномъ съ былинами Владимирова цикла мы будемъ говорить особо въ послѣдствіи.

[2]) Кирѣевскій, VI, 94.

[3]) Кирѣевскій, VI, 62. Подробности о взятіи Казани здѣсь тѣ же, что въ пѣсняхъ, относящихся собственно къ этому событію.

[4]) Рыбниковъ I, 384. Порфира въ другихъ варіантахъ называется *перфилушка*. (Рыбн. I, 396), а въ одномъ обращена даже въ собственное имя: „вывезъ *Перфила* изъ Царь-Града" (Кирѣевск. VI, 56), или изъ Новгорода (Якушкинъ, стр. 77). У Кирѣевскаго же встрѣчаемъ варіантъ, гдѣ Иванъ объявляетъ, что онъ снялъ эту порфиру съ казанскаго царя Симона, привезъ ее въ Москву, гдѣ и *крестилъ* ее, послѣ чего сталъ „*пресвитеромъ-царемъ*" (VI, 95).

изъ многихъ городовъ Россіи, между которыми, по разнымъ варіантамъ, встрѣчаемъ Казань, Рязань, Астрахань, Черниговъ, Новгородъ, Псковъ, Кіевъ, Москву. Эта-то послѣдняя „похвальба" и составляетъ завязку событія, составляющаго содержаніе излагаемаго нами эпизода [1]). Самоувѣренность Ивана, что онъ вывелъ измѣну изъ разныхъ городовъ и выведетъ ее изъ тѣхъ, въ которыхъ она еще существуетъ, (этими послѣдними оказываются различные города, смотря по варіантамъ: въ большинствѣ случаевъ Москва), нарушается царскимъ сыномъ, Иваномъ Ивановичемъ, который объявляетъ отцу, что измѣна сидитъ съ царемъ „за однимъ столомъ, пьетъ да ѣстъ съ одного мѣста, носитъ платье одного сукна" [2])—и что этотъ измѣнникъ—другой сынъ царя, Ѳедоръ Ивановичъ [3]). Измѣна его состоитъ въ излишнемъ

---

[1]) Съ преслѣдованіемъ измѣны со стороны Ивана любопытно сопоставить помѣщенный во II т. сборника Рыбникова разсказъ о томъ, какъ завелась измѣна на Руси, изъ котораго оказывается, что завелъ ее самъ Иванъ съ тѣхъ поръ, какъ попытался обмануть таинственнаго старика, своего благодѣтеля.

[2]) Рыбниковъ II, 212. Въ другихъ варіантахъ тоже, съ самыми незначительными измѣненіями.

[3]) Доносъ на Ѳедора почти во всѣхъ варіантахъ дѣлаетъ родной братъ; но въ нѣкоторыхъ, менѣе полныхъ текстахъ, царь какъ будто самъ догадывается; а по одному, перепутанному, доносчицей является Марья Темрюковна, или, какъ она здѣсь называется, Демругьевна. (Кирѣевск. VI, 112). Есть и такой варіантъ, въ которомъ доносчикомъ является Малюта Скуратовъ (Кирѣевск. VI, 84). Точно также, почти во всѣхъ пересказахъ, виновнымъ въ измѣнѣ представляютъ

состраданіи къ жертвамъ жестокости царя, и описаніе ея, совершенно сходное по разнымъ варіантамъ въ общихъ чертахъ, имѣетъ однако нѣкоторыя характеристическія отличія. Такъ, по однимъ, Иванъ въ Новгородѣ, проѣзжая по улицамъ, сѣкъ и рубилъ всѣхъ до единаго; тоже самое дѣлалъ и доносящій на брата царевичъ; а Ѳедоръ Ивановичъ, по словамъ брата, „сѣкъ изъ пяти и десяти головы гусиныя", а на воротахъ домовъ все-таки дѣлалъ записи и номера выставлялъ въ видѣ статистическаго перечня дѣйствительно казненныхъ [1]). По другимъ варіантамъ, Ѳедоръ, тоже въ Новгородѣ, вмѣсто того, чтобы „сѣчь, колоть и на колъ садить", какъ это дѣлали его отецъ и братъ, „писалъ ярлыки милосливые и кидалъ по улицамъ новгородскіимъ",—а въ этихъ ярлыкахъ было именно написано:

„Ай-же вы, мужики новгородскіе!
Копайте-ка погреба глубокіе

Ивану именно Ѳедора; но есть варіантъ, гдѣ вмѣсто Ѳедора является Дмитрій (Кирѣевск. VI, 96 и 100), и другой, (Кирша Даниловъ. 328), гдѣ о существованіи измѣны объявляетъ уже Ѳедоръ, при чемъ указываетъ, какъ на измѣнниковъ, на трехъ „большихъ бояръ Годуновыхъ". Но въ пѣснѣ, помѣщенной у Кирши Данилова, все въ этой части разсказа перепутано и полно противорѣчій: Ѳедоръ называетъ Годуновыхъ, царь требуетъ, чтобъ онъ сказалъ ему про нихъ, сынъ тутъ же, по словамъ пѣсни, „не сказалъ измѣнниковъ по имени", (когда, за нѣсколько стиховъ, они названы), и царь, разсердившись, велитъ казнить самого царевича.. Очевидно, тутъ перепутано нѣсколько пересказовъ. Бываетъ и такъ, что имя царевича не упоминается. (Кир. VI, 78).

[1]) Рыбниковъ, II, 213.

От҃ моего государя отъ батюшка,
Отъ моего братца отъ родимаго,
Вы садитесь въ погреба глубокіе".

(Рыбникъ I. 391).

Легко представить себѣ негодованіе Грознаго— и пѣсня въ истинно художественной формѣ изображаетъ этотъ моментъ. „Стемнѣлъ царь, какъ темна ночь, заревѣлъ царь какъ левъ да звѣрь" [1]), распылался онъ такъ, что ничто въ сравненіи съ этимъ гнѣвомъ—колебанье синяго моря и пожаръ сырыхъ боровъ [2]); и придумываетъ онъ для сына казнь, одну изъ тѣхъ казней, какія умѣлъ изобрѣтать только Иванъ Васильевичъ. Въ описаніи этихъ казней народная фантазія, естественно, даетъ себѣ полный просторъ: въ одномъ варіантѣ царевичу предстоитъ видѣть свои глаза вынутыми черезъ „косицы", т. е. виски и свой языкъ вырѣзаннымъ изъ темени [3]); по другому—царь велѣлъ его повѣсить [4]); по третьему — отецъ приказываетъ:

„Снимите съ него буйну голову долой,
По самыя плечи по могучія,
И воткните на вострой (штыкъ),
Поставьте передъ окошками царскими,
Передъ моими очами ясными!".

(Кирѣевск. VI, 63).

по четвертому—отцу угодно, чтобы у царевича

[1]) Рыбинск. II. 212.
[2]) Ibid. I 390 и 396.
[3]) Кирѣевск. VI, 57.
[4]) Ibid. 61.

вынули сердце съ печенью и „принесли ихъ ему на показанье“ [1]); по пятому—онъ велитъ, чтобъ царевичу срубили голову и принесли ее къ царю во дворецъ на серебряномъ блюдѣ [2]). И т. п.

Палачей Ивану Грозному не занимать-стать; на зовъ его они сходятся „десятками и полуторами“ [3]); но ужасъ одолѣваетъ ихъ: они не могутъ рѣшиться поднять руку „на роды царскіе“,—и

„Большой за малаго хоронится,
А малаго за большимъ давно не видать“ [4]).

Для исполненія царскаго приказанія является готовымъ только одинъ—Малюта Скуратовъ [5]). Онъ

---

[1]) Кирѣевск. VI, 95, 100.

[2]) Ibid. 103.

[3]) Ibid. 56.

[4]) Ibid. 56. Это „хороненье“ большого за малаго, живо напоминающее такой же пріемъ богатырей Владимировыхъ, повторяется въ нѣсколькихъ варіантахъ.

[5]) Большею частью въ пѣсняхъ фамилія его Скурлатовъ, или онъ называется какъ бы по отчеству „Скурлатовичъ“, Встрѣчается и фамилія „Разкурлатовъ“ (Кирѣевск. VI. 104), которую г. Безсоновъ (ibid.) почему-то считаетъ произведенною отъ „curva ty razcurva“. Скуратовъ называется и Ивaномъ (Рыбн. I. 397) и Алешкою (Кир. VI, 99). Самое любопытное его названіе—„Малюта-Стенька (т. е. Стенька Разинъ) воръ Скурлатовъ сынъ“. (Рыбник. II, 214). Вездѣ онъ по профессіи палачъ. „Моя-то работушка ко мнѣ пришла!“ говоритъ онъ (Рыбник. I, 391). И въ другомъ мѣстѣ: „я много казнилъ царей-царевичей, безъ счету королей-королевичей“ (Рыбн. I, 385). Или: „много казнивалъ я князей-бояръ“ (Кирѣевск. VI, 95); но есть варіантъ, въ которомъ встрѣчаемъ его купцомъ, торгующимъ заморскими товарами (Рыбн. II, 214). Въ одномъ варіантѣ, вмѣсто его—Чурило Пленковичъ (Рыбн. I, 392).

берется за это дѣло и по свирѣпости своего нрава, и по специальной причинѣ: „онъ на Ѳедора Ивановича сердитъ-то былъ“ [1]).

Малюта надѣваетъ на царевича „опальное“ платье и ведетъ его на мѣсто казни; (по однимъ варіантамъ—на Житное болото, по другимъ—на Куликово поле, на Кочково (Кучково); въ третьихъ — мѣстность не обозначена). Но спасителемъ Ѳедора является Никита Романовичъ, братъ жены царя, Настасьи Романовны, (у Рыбн. т. I, 387, она называется Авдотья Романовна) [2]).

До царицы доходитъ вѣсть о гибели, грозящей ея сыну. Въ одной „рубашечкѣ безъ пояса“, въ чулкахъ безъ сапожекъ, (или въ сапожкахъ на босую ногу), словно „бѣлая лань“, бѣжитъ царица черезъ всю Москву къ своему брату и, заливаясь слезами, объявляетъ, что:

„Пала звѣзда поднебесная,
Погасла свѣча мѣстная“,

казнять молодого царевича. Никита бросается на спасенье. [3]).

Никита Романовичъ, одинъ изъ любимыхъ героевъ народнаго эпоса—человѣкъ не изъ обыкновенныхъ. У него „сидитъ“ тридцать россійскихъ

---

[1]) Рыбн. II, 214.

[2]) Отмѣтимъ уже здѣсь тотъ варіантъ, въ которомъ вмѣсто Никиты Романовича спасаетъ царевича „Ѳедоръ Ивановичъ Пожарской сынъ“. (Кирѣевск. VI, 78).

[1]) Въ другихъ пѣсняхъ вѣсть Никитѣ посылаетъ самъ царевичъ, или она доходитъ къ нему неизвѣстно отъ кого.

могучихъ богатырей и дружина храбрая [1])“, онъ „что захочетъ, то и сдѣлаетъ“; у него „сила могучая въ плечахъ“ [2]); людей, какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ носитъ у себя подъ полою. Не теряя ни минуты, Никита накидываетъ шубу на одно плечо, надѣваетъ шапку на одно ухо,—а то и въ болѣе легкомъ костюмѣ—„въ одной тоненькой сорочушкѣ безъ пояса, въ однихъ шелковыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ“ [3]) бросается на своего коня богатырскаго [4]), „несѣдланаго, неѣзжанаго“ и скачетъ на мѣсто казни. Избавленіе Ѳедора описывается въ пѣснѣ раздично. По однимъ варіантамъ, Никита просто вырываетъ племянника изъ рукъ Малюты, при чемъ или оставляетъ самого палача въ живыхъ (по крайней мѣрѣ, объ этомъ пѣсня ничего не упоминаетъ), или убиваетъ его [5]). По другимъ, это избавленіе совершается сложнѣе и гораздо характеристичнѣе. Никита, вѣроятно сообразивъ, что царь потребуетъ доказательства исполненія своего приказанія, беретъ съ собою „клюшничка-ларешничка“ [6]), или „немилаго по-

[1]) Рыбник. II, 216.

[2]) Рыбник. I, 402.

[3]) Кирѣевск. VI, 64. Ср. выще, костюмъ Настасьи Романовны, когда она бѣжитъ къ брату. Такую одежду встрѣчаемъ и послѣ, въ пѣсняхъ о Петрѣ (Кирѣевск. VIII).

[4]) Любопытенъ, по сближенію съ былинами кіевскими, тотъ варіантъ, по которому Никита скачетъ на „лошади водовозной“. (Кирѣевск. VI, 85).

[5]) Кирѣевск. VI, 58. Рыбников. I, 386, 399.

[6]) Кирѣевск. VI, 64, 68.

стельника“ [1]), котораго „прячетъ подъ полу подъ правую“, или „любимаго конюха“ [2]), и Малюта казнитъ ихъ вмѣсто царевича [3]). Никита увозить племянника къ себѣ, а царю приносятъ отрублен-

---

¹) Рыбник. II, 216.

²) Кирша Даниловъ, 331. Рыбник. IV, 83. По поводу этой замѣны обреченнаго на смерть Өедора другимъ лицемъ, г. Миллеръ, въ „Замѣткѣ“ къ IV т. Рыбниковскаго сборника, дѣлаетъ слѣдующее объясненіе: „Надобно думать, что подобнаго рода не совсѣмъ-то человѣколюбивая замѣна одного другимъ, распространенная также во множествѣ повѣстей и сказаній обще-европейскихъ, занесена изъ рукописныхъ сборниковъ, преимущественно восточныхъ. Къ намъ она могла зайти уже изъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ... „Касательно замѣны Өедора *любимымъ конюхомъ*, г. Миллеръ видитъ въ этомъ желаніе представить такой поступокъ *жертвою, самопожертвованіемъ*, и говоритъ: „Это уже замѣчательное извращеніе народной мысли, къ счастію составляющее рѣдкость въ нашей народной поэзіи и только отчасти подходящее къ тѣмъ примѣрамъ дикихъ жертвъ и противоестественныхъ самопожертвованій, которыя вовсе не рѣдки въ западномъ, средневѣковомъ многостихійномъ, религіозно фанатизированномъ и на половину грамотническомъ эпосѣ“.

Отмѣтимъ здѣсь еще одинъ характеристическій варіантъ, напечатанный у Кирѣевскаго VI, 104. Никита, пріѣхавъ на мѣсто казни, спрашиваетъ:

„Ино кто хочетъ за Царя умеретъ?
Того Господь избавитъ отъ грѣховъ,
Отъ грѣховъ, отъ муки вѣчныя!“.

И такой добровольный мученикъ немедленно отыскивается. „Я хочу за Царя умереть!“ восклицаетъ стременной стрѣлецъ, и погибаетъ на плахѣ.

³) По одному, интересному для народной характеристики Малюты, варіанту, Малюта соглашается не казнить царевича

ную голову на серебряномъ блюдѣ, или сердце съ печенью, или просто окровавленную саблю,—смотря потому, что велѣлъ царь сдѣлать съ сыномъ [1]).

Между тѣмъ, раскаяніе овладѣваетъ Грознымъ. Во всемъ виноваты ненавистные ему бояре: имъ слѣдовало сдержать его гнѣвъ.

„Какъ по ворахъ—(говоритъ онъ)—было
по разбойникахъ,
По разбойникахъ по ворахъ есть заступники,—
По моемъ было рожоному по дитятки,
По немъ не было никакой заступушки!"
(Рыбник. I, 388).

И въ другомъ мѣстѣ:

„По *ворѣ* по *Гагаринѣ* заступъ было:
„А по царскихъ родахъ и нѣтъ никого!" [2]).
(Ibid 393).

по разсчету. Именно, Никита обѣщаетъ, что кто казнитъ царевича, того онъ, Никита, „разжалуетъ", а кто не показнитъ, того пожалуетъ. Малюта дѣлаетъ слѣдующее соображеніе: „Царскій сынъ—то не простой мужикъ, чѣмъ нибудь меня, можетъ, и пожалуетъ". (Рыбник. I, 389).

[1]) Въ одномъ мѣстѣ пѣсня объясняетъ, почему царь не узналъ обмана. Погибшій любимый конюхъ былъ съ царевичемъ „лицо въ лицо, и плечо въ плечо, и единъ волосъ съ волосомъ ладились". (Рыбник. IV, 83). Считаемъ это позднѣйшею и, притомъ, книжною приставкой; во 1-хъ, потому, что народъ не имѣетъ привычки вдаваться въ подобныя объясненія—(оно находится только въ одномъ, вышесказанномъ пересказѣ), а во 2-хъ, по совершенно неестественному въ чисто народномъ сочиненіи слову *который*, стоящему передъ вышеприведенными словами.

[2]) Это уже занесено изъ Петровскихъ пѣсень, гдѣ Гагаринъ изображается въ крайне несочувственномъ видѣ, какъ

Совѣсть мучитъ и его самаго:
„Какова змѣя лютая,
И та не поѣдаетъ своихъ чревъ,
А я съѣлъ-сгубилъ своего дѣтища,
Молода-зелена царевича!“

(Кирѣевск. VI, 61).

Царь приказываетъ завѣсить окна чернымъ сукномъ, служить обѣдни „по печальному“, велитъ всѣмъ людямъ „въ каменной Москвы и во всемъ царствѣ Московскоемъ“ поститься, молиться Богу въ церквахъ и ходить въ „одежицахъ опальныхъ“. Бьютъ, по его приказанію, „въ колоколъ во казненный“, и царь, вмѣстѣ съ царицей и сыномъ, идетъ въ церковь. Боярамъ предстоитъ невеселая судьба: царь только отстоитъ обѣдню—„съ господъ со всѣхъ и князей со живыхъ скуры (шкуры) сдеретъ“, будетъ „рубить князьямъ боярамъ головушки“ [1]), велитъ зашивать ихъ въ „медвѣжны“ и пускать по Москвѣ-рѣкѣ, обѣщаетъ всѣхъ въ котлѣ сварить; „всѣмъ боярамъ переборъ будетъ“ [2]).

отъявленный лихоимецъ. (Ср. Кирѣевскій, VIII). Въ число виноватыхъ народъ включилъ и *поповъ*; есть варіантъ, по которому царь, дѣлая поминки по убитомъ царевичѣ, велитъ поповъ—

„ . . . . во кули зашивать.
Во кули зашивать, по Москвѣ рѣкѣ пускать
Что царевича не *засыонялн*“.

(Якушинъ, 78).

[1]) Рыбн. II, 219, I, 393.
[2]) Кирѣевск. VI, 79, 85, 105.

Тѣмъ временемъ, Никита Романычъ нарядился въ цвѣтное, парадное платье, нарядилъ также парадно царевича и, *взявши его подъ полу* [1]), идетъ въ церковь, гдѣ привѣтствуетъ царя, желая ему здравствовать съ любимой семьей — благовѣрной царицей и *двумя* сыновьями — *Өедоромъ Ивановичемъ* и Иваномъ Ивановичемъ. Парадный видъ Никиты, въ виду великаго горя и траура царя, оскорбляетъ этого послѣдняго; еще болѣе оскорбляетъ его привѣтствіе, въ которомъ онъ видитъ ничто иное, какъ кровавую насмѣшку. „*Князь* Никита Романычъ [2])—говоритъ царь—

„Перво былъ ты мнѣ старый другъ,
Теперь сталъ ты мнѣ старый песъ“.

(Рыбник. IV, 84).

Онъ не ограничивается этимъ заявленіемъ, а дѣйствуетъ и болѣе энергически, обѣщая послѣ обѣдни, съ Никиты, „старой курвы“ [3]) содрать шкуру и зашить его въ волчью [4]). Но Никита не смущается угрозами, и выпуская изъ-подъ полы,

---

[1]) Кирѣевск. VI 104.

[2]) Въ одномъ варіантѣ Никита Романычъ называется даже „свѣтлѣйшимъ князeмъ“ — очевидно, позднѣйшая вставка. (Кирѣевскій, VI, 58).

[3]) Любопытно употребленіе этой брани въ тѣхъ случаяхъ, когда о ругательствѣ нѣтъ и не можетъ быть даже и помину. Такъ, Настасья Романовна, прибѣжавъ къ брату, чтобы объявить ему объ ожидающемъ ихъ великомъ горѣ, смерти Өедора, обращается къ нему со словами: „Ай же, ты старая курва, сѣдатой песъ!“ (Рыбник. II, 205).

[4]) Рыбник. II, 219.

или, как выражается въ одномъ варіантѣ, „вывертывая“ царевича, показываетъ его обрадованному и изумленному отцу.

Такъ описывается этотъ сюрпризъ въ однихъ варіантахъ; въ другихъ — совсѣмъ иначе. Въ то время, когда царь кается и молится вмѣстѣ со своимъ народомъ, когда происходитъ отпѣваніе любимаго конюха, казненнаго вмѣсто царевича, у Никиты идетъ веселый пиръ: трубятъ трубы, бьютъ барабаны, палятъ изъ пушекъ, „а изъ мелкаго оружія утиху нѣтъ“ [1]). Царь узнаетъ про это [2]) и бѣжитъ въ домъ Никиты — (по нѣкоторымъ варіантамъ, призываетъ его къ себѣ).

„Не досугъ Никитѣ гостей чествовать;
Онъ бросился на крыльцо стекольчато,
Въ стрѣту ладитъ царю Ивану Васильевичу.
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Аль ты радъ, Никита Романовичъ,
Моему несчастью великому?
Аль ты веселишься,
Что я сказнилъ своего сына любимаго?“
Замахнулъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Свое копье вострое,
Тяпъ въ ногу Никитѣ Романовичу...“ [3]).

(Кирѣевскій, VI, 97).

---

[1]) Кирша Даниловъ, 333, Кирѣевскій, VI, 69, 96, 100.

[2]) У Кирши Данилова — отъ бояръ Годуновыхъ; по другимъ — неизвѣстно отъ кого.

[3]) Упрекъ царя Никитѣ выраженъ въ трогательно поэтической формѣ въ слѣдующихъ словахъ одного варіанта: (Кирѣевск. VI, 69).

И, не довольствуясь этимъ, обѣщаетъ „Никиту въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить“ [1]. Но, какъ и въ первомъ случаѣ, Никита обезоруживаетъ царя представленіемъ ему спасеннаго сына.

Радость Ивана не имѣетъ предѣловъ.

„Обратилъ ты—(говоритъ онъ шурину)—
мое де ретиво сердце,
Взвеселилъ мою да буйну голову,
Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!“
(Кирѣевск. VI, 69).

Естественнымъ послѣдствіемъ этой радости является желаніе наградить спасителя [2]. Грозный предлагаетъ Никитѣ треть земли, золотую казну, крестьянъ, всю Москву, погребъ злата-серебра, питья разнаго, лучшаго коня съ конюшни, кунью шубу съ царскихъ плечъ, полцарства, „села съ приселками, города съ пригородками, улицы съ переулками,“ бояръ съ крестьянами, великое

„Къ чему радошенъ, да къ чему радъ,
Мой любезный шуринъ, Никита Варламовичъ,
Моему-то развѣ безвременьицу?
У меня одна была жемчужина, и та скатилася“.

Что касается до характеристическаго *тяпанья* въ ногу копьемъ, то оно есть и у Кирши Данилова, гдѣ *тяпанье* замѣнено *пришиваньемъ* ноги къ сырой землѣ. *Пришиваніе* встрѣчаемъ и у Кирѣевскаго (VI. 63).

[1]) Кирша Даниловъ, 334.

[2]) Тамъ, гдѣ говорится о пришитіи ноги Никитѣ къ землѣ, упоминается и о приказаніи царя — скорѣе лечить раненую ногу. Для этого есть у царя „лекари и дохтуры;“ онъ велитъ — „подайте мнѣ перваго дохтура, залечилъ бы ему ногу въ три часа!“ (Кирѣевск. VI, 66, 113).

войско, драгоцѣнныя одежды [1]). Никитѣ ничего этого не надобно, онъ отъ всего отказывается и проситъ только, чтобъ ему выдали и позволили казнить Малюту Скуратова [2]). Но въ другихъ варіантахъ встрѣчаемъ желаніе гораздо болѣе характеристичное и гуманное. Никита проситъ царя пожаловать его вотчиной—съ тѣмъ, чтобы

„Кто коня угонитъ, въ мою вотчину,
ушелъ бы,—
Того и Богъ проститъ:
Кто жену уведетъ чужую, въ мою вотчину ушелъ бы,—
Того Богъ проститъ;
Кто голову убьетъ, да въ мою вотчину
уйдетъ,—
Того Богъ бы простилъ.“

(Рыбник. IV, 85).

Въ только что приведенномъ варіантѣ эта вотчина называется „Микитиной;“ у Кирши Данилова—„село Преображенское“ [3]). У Кирѣевскаго (VI, 59) есть одинъ пересказъ, въ которомъ Никита, вмѣсто вотчины, испрашиваетъ себѣ три

---

[1]) Кирѣевск. VI, 59, 83, 86. Рыбник. II, 220. I, 402.

[2]) Кирѣевск. VI, 83, 86, 93.

[3]) Въ пѣснѣ, напечатанной у Кирши Данилова, царь самъ предлагаетъ Никитѣ вотчину на такихъ, или почти такихъ, условіяхъ, при чемъ даетъ на нее *грамоту тарханную*. „По той по грамотѣ тарханныя.“ оно (село) стало село Преображенское и „такимъ слыветъ до вѣку.“ (Др. Рус. Стихотв. 336). Считаемъ другой варіантъ, т. е. тотъ, гдѣ Никита самъ испрашиваетъ себѣ эту милость, гораздо болѣе естествен-

улицы: Арбатскую, Никитскую и Мясницкую, съ тѣмъ, чтобы тому, кто взойдетъ въ нихъ, „не было ни взыску, ни вынемки,“ т. е. чтобы его нельзя было, какое бы преступленіе онъ ни совершилъ, ни обыскивать, ни арестовать. Тоже и у Рыбникова (II, 220), съ небольшимъ измѣненіемъ.

Само собою разумѣется, что Иванъ съ радостью соглашается на желаніе Никиты. Въ томъ вышеприведенномъ варіантѣ, въ которомъ, вмѣсто Никиты, спасителемъ царевича является Ѳедоръ Ивановичъ Пожарскій, царь говоритъ этому послѣднему даже вотъ что:

„Вѣдь не мнѣ бы царемъ, а тсеэ (тебѣ) должно быть:
Ты умѣлъ соблюсти царски сѣмены.“

(Якушкинъ 72, и Кирѣевск. VI, 80)

По другому пересказу (Рыбник. II, 220), царь, пожаловавъ Никиту „вотчиной и улицей“, обѣщаетъ поставить вмѣсто себя царемъ спасеннаго сына, Ѳедора Ивановича.

III. Взятіе Казани.

Въ бѣлокаменной палатѣ, стоящей посреди Казанскаго царства, пробуждается отъ сна царица

нымъ и подходящимъ къ характеру Никиты, какимъ изобразила его пѣсня; вѣроятно, какъ это весьма часто случается въ пѣсняхъ, у Кирши Данилова слова одного лица перемѣшаны со словами другого.

Елена и разсказываетъ мужу своему, царю Симеону, видѣнный ею сонъ, что—

„.... отъ сильнаго московскаго царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь царство наплывала...“

И сонъ царицы сбывается: „сизой орлище“— Иванъ Васильевичъ „прозритель“ подходитъ „съ пѣхотными полками“ и „со старыми славными казаками“ подъ казанское царство.

Такъ начинаетъ разсказъ о взятіи Казани пѣсня, записанная у Кирши Данилова [1]). Во всѣхъ другихъ варіантахъ этого легендарнаго начала нѣтъ; мы прямо встрѣчаемъ Ивана подъ стѣнами Казани.

Долго готовился царь къ этому походу. Тридцать лѣтъ и три года собиралъ онъ войско [2]). Долго длилась и осада: семь годовъ простоялъ онъ подъ Казанью—и все неудачно. Гнѣвенъ и сумраченъ царь, и негодованіе его еще усиливается насмѣшками „злыхъ татаришковъ“, дерзко похаживающихъ на стѣнахъ города. „Не взять тебѣ—говоритъ одинъ татарченокъ—Казань городъ ни во сто лѣтъ, ни въ тысячу годовъ“ [3]). А татарки относятся къ царю еще съ большею безцеремонностью, очень наивно изображенною въ пѣснѣ [4]). Прикручинился царь, „повѣсилъ буйну

[1]) Стр. 284.
[2]) Кирѣевск. VI, 4.
[3]) Ibid 5.
[4]) Ibid 1.

голову на правое плечо, утупилъ ясны очи во сыру мать землю“ и ужъ хотѣлъ идти прочь. На выручку ему являются атаманъ Степанъ Тимофеевичъ (Стенька Разинъ) и Ермакъ [1]). Стенька приноситъ царю повинную въ своихъ разбояхъ, и Грозный обѣщаетъ его простить, если онъ научитъ его, какъ взять Казань. Совѣтъ Стеньки въ пѣснѣ пропущенъ, (вѣроятно, забытъ пѣвшимъ, потому что этотъ пѣвецъ былъ 80-лѣтній старикъ); но изъ послѣдующаго изложенія видно, что онъ состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ подкопа взорвать городъ. Совѣтъ приводится въ исполненіе [2]).

Подробности описанія взрыва очень характеристичны. Царь подводитъ подкопы „отъ Свіяжскаго города“ подъ рѣчку Казанку и подъ рѣку Булатъ; въ тоже время катитъ бочки съ порохомъ

---

[1]) Являются не вмѣстѣ: Стенька—по однимъ варіантамъ, (Кирѣевск. VI, 24, 25, 26, 33), Ермакъ—по другимъ (Ibid. VII, 48, въ приложеніяхъ). Въ числѣ этихъ помощниковъ находится и Никита Романовичъ, но его помощь ограничивается только *намѣренемъ* помогать; дѣйствительную помощь въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ подаютъ только Стенька и Ермакъ. И Ермакъ и Никита, и Стенька являются въ этихъ пѣсняхъ разбойничьими атаманами, которые, заслышавъ о неудачѣ Ивана подъ Казанью, возвращаются съ синяго моря на Волгу, чтобы помочь царю. По варіанту, помѣщенному въ VII выпускѣ Кирѣевскаго, въ приложеніи, Ермакъ идетъ не добровольно а потому, что царь его требуетъ къ отвѣту за разбои.

[2]) Въ тѣхъ варіантахъ, въ которыхъ Стеньки Разина и его товарищей нѣтъ на сценѣ, взрывъ производится по мысли самаго царя. Впрочемъ, Ермакъ не даетъ никакого совѣта

за рѣку Сулаї и разставляетъ пушки и снаряды въ чистомъ полѣ [1]). Когда все готово, одну свѣчу ставятъ въ полѣ, другую—въ сдѣланной минѣ [2]), гдѣ помѣщены дубовыя бочки съ „злымъ чернымъ порохомъ.“ (Слово *злымъ* замѣнено въ нѣкоторыхъ варіантахъ *зельемъ*). Свѣча на полѣ уже сгорѣла, а подъ землею она все еще теплится и не доходитъ до пороха. Царь, во всемъ видящій измѣну, подозрѣваетъ и здѣсь въ вѣроломствѣ своихъ пушкарей, (или — позднѣйшая вставка— *канонировъ*). Расправа у Ивана Васильевича коротка: онъ приказываетъ казнить-вѣшать мнимыхъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ осмѣливается подойти къ царю и объясняетъ ему простымъ физическимъ закономъ явленіе, приводящее его въ такое негодованіе:

„На ходу-то наши свѣчки скоро горятъ,
Въ глухомъ-же мѣстѣ онѣ тихо горятъ.“

(Кирѣевск. VI, 6).

Или, еще опредѣлительнѣе:

„.... На вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе.“

(Древ. Рос. Стих. 285).

Не успѣлъ пушкарь дать такое объясненіе [3]), какъ бочки начинаетъ рвать, каменныя стѣны летятъ за Сулай-рѣку, „сорокъ тысячей и три

---

[1]) Кирѣевск. VI, 2, 4, 6.

[2]) Кирша Даниловъ, 285.

[3]) По одному варіанту (Кирѣевск. VI. 1.), это объясненіе даютъ „люди умные, люди разумные“ *въ полку*.

тысячи татаръ“ побито, остальные покоряются Ивану. Царь щедро награждаетъ своихъ пушкарей—даетъ имъ по пятидесяти рублей, а одному — пятьсотъ; за то ему пятьсотъ — замѣчаетъ пѣсня—

„.... Къ царю близко подходилъ,
Къ царю близко подходилъ, ему рѣчи
говорилъ.

(Кирѣевск. VI, 6).

Мы начали этотъ эпизодъ съ разсказа Кирши Данилова о Симеонѣ и Еленѣ. Послѣ взрыва, Иванъ Грозный бѣжитъ во дворецъ, гдѣ его встрѣчаетъ съ хлѣбомъ-солью царица Елена. За это онъ ее милуетъ, приводитъ „въ крещеную вѣру“ и постригаетъ въ монахини. А у Симеона, за гордость, „вынимаетъ очи косицами“, снимаетъ съ него *царскую* корону и царскую порфиру, беретъ царскій костыль,—

„И въ то время *князь воцарился*
И насѣлъ въ Московское *царство*.“

(Древн. Рос. Стих. 286) [1]).

Кромѣ вышеприведенныхъ пѣсень, описывающихъ осаду Казани, есть въ сборникѣ Кирѣев-

---

[1]) *Великимъ княземъ* до взятія Казани и *царемъ* послѣ покоренія Иванъ называется только въ пѣснѣ, напечатанной у Кирши Данилова. Въ остальныхъ онъ вездѣ *царь*, а въ иныхъ и *бѣлый царь*—прозванье, вѣроятно вставленное впослѣдствіи, потому что такъ титулуется въ пѣсняхъ почти исключительно Петръ Великій.

скаго нѣсколько такихъ, въ которыхъ сохранилось только *воспоминаніе* объ ужасахъ этой осады; но о нихъ мы будемъ говорить ниже.

IV. Покореніе Сибири.

Ермакъ разбойничаетъ со своими товарищами на Волгѣ. Въ числѣ этихъ товарищей мы видимъ Стеньку Разина, Ваньку Каина, Ивана Мазепу, Гришку Отрепьева [1]); тутъ же какіе-то Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ [2]). Ермакъ— (есть варіантъ, въ которомъ онъ называется Ермиломъ (Кирѣевск. VI, 36), и другой (Рыбник. II, 231), гдѣ его фамилія—Бургомировъ)—атаманъ ихъ, „наибольшій изъ всѣхъ *станишниковъ* (Рыбник. II, 230). Мѣстность, гдѣ мы застаемъ ихъ, опредѣляется въ разныхъ варіантахъ различно: у Кирши Данилова — Бузанъ островъ (106), у Кирѣевскаго—„Волга-рѣка, Камышенка“, саратовскія степи „пониже города Саратова и повыше города Камышина“ (VI, 26, 39). Дружина Ермака—казаки донскіе, гребенскіе и яицкіе. Въ трехъ варіантахъ опредѣляется и время: въ ту пору, когда происходитъ осада Казани (Кирѣевск. VI. 36, 39 и Кирша Даниловъ, 114).

[1]) Рыбник. II, 230.

[2]) Древн. Рос. Стихотв. 113. Выше, при изложеніи эпизода объ осадѣ Казани, мы видѣли въ числѣ этихъ товарищей и Никиту Романовича.

Въ самой большой полнотѣ и послѣдовательности изложена исторія завоеванія Сибири у Кирши Данилова, что весьма естественно, если сообразить, гдѣ найденъ этотъ сборникъ. Поэтому мы будемъ здѣсь держаться этого изложенія, тѣмъ болѣе, что остальные варіанты представляютъ весьма мало важныхъ отличій, которыя впрочемъ мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Съ острова Бузана отправляются молодцы по Ахтубѣ и на синемъ морѣ встрѣчаются съ *турецкими* купцами, везущими свои товары на заморскихъ корабляхъ. Отъ казацкихъ выстрѣловъ купцы приходятъ въ такой ужасъ, что кидаются въ море, оставляя всѣ товары въ рукахъ побѣдителей; достается имъ и ѣхавшая съ купцами молодая дѣвушка, дочь „мурзы турскаго“; вмѣсто того, чтобъ тоже броситься въ море, она предпочла обратиться къ казакамъ съ просьбою, (которая и была ими исполнена) — не губить ее, а отвезти „къ сильну царству Московскому, государству Россійскому“ и привести въ крещеную вѣру.

Казаки пируютъ свою побѣду на берегу Ахтубы. Въ это время на другой сторонѣ останавливается со своими „солдатами и матросами“ персидскій посолъ Семенъ Константиновичъ Карамышевъ [1]).

---

[1]) Подъ *персидскимъ посломъ* тутъ разумѣется по всей вѣроятности русскій посолъ въ Персіи. Поэтому мы считаемъ весьма неправильною поправку Сахарова, напечатавшаго:

„Мы убили посланичка *не* царскаго.“

Гораздо основательнѣе въ „Русской Старинѣ“ Корнило-

Между отрядомъ солдатъ и казаковъ завязывается драка, оканчивающаяся тѣмъ, что первыхъ перебили всѣхъ до смерти. Карамышевъ узнаетъ объ этомъ отъ одного уцѣлѣвшаго—„капрала островскаго(?)“ и подымается на казаковъ со всею своею „гвардіею“; но и тутъ побѣдителями являются казаки; самъ Карамышевъ погибаетъ въ битвѣ. Ермакъ съ товарищами пріѣзжаетъ въ Астрахань, предъявляетъ въ „таможнѣ“ свои товары, называетъ себя и своихъ спутниковъ заморскими купцами и начинаетъ торговать „безъ запрещенья.“

Но черезъ нѣсколько времени Ермака беретъ раздумье: онъ начинаетъ бояться отвѣтственности за свои разбои и грабежи и преимущественно за убійство Степана Карамышева.

„Какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
(*спрашиваетъ Ермакъ*).
Въ Астрахани—жить нельзя,
На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикъ идти—Грозенъ царь стоитъ,
Въ Казань идти—переходъ великъ,
Грозенъ царь сударь Васильевичъ;
Въ Москву идти—перехватаннымъ быть,
По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ [1]).
(Древн. Рос. Стих. 114).

вича, откуда заимствовалъ издатель сборника Кирѣевскаго,—записано:

„Мы убили посланичка *все* царскаго“,—
хотя тутъ слово *все* и не совсѣмъ кстати.

[1]) О битвѣ съ Карамышевымъ находимъ подробно только

Тѣмъ не менѣе, Ермакъ рѣшается нести повинную голову царю, предварительно завоевавъ для него Сибирь [1]). Маршрутъ казаковъ указанъ у Кирши Данилова весьма подробно и опредѣлительно. Сначала они идутъ въ Усолья къ Григорью Григорьевичу Строгонову и къ „господамъ Вороновымъ,“ гдѣ запасаются съѣстными припасами, пулями и порохомъ, и откуда направляются вверхъ по Чусовой рѣкѣ. Тутъ зимуютъ въ каменной пещерѣ. Дальнѣйшій путь: рѣка Серебряная. Жаровль, рѣка Баранча, Тагиль рѣка, гора Магницкаго, рѣка Тура, рѣка Епанча, рѣка Тоболь: въ устьяхъ этой послѣдней, для отысканія пути къ „горѣ Тобольской“, три атамана раздѣляются: Ермакъ идетъ верхнимъ устьемъ, Самбуръ Андреевичъ—среднимъ, Анофрій Степановичъ—нижнимъ, „которое устье впало противъ самой горы Тобольскія.“ Самбуръ и Анофрій выплываютъ на Иртышъ-рѣку, подъ самую Тобольскую гору, а Ермакъ—лукою Соуксанскою доходитъ до устья

у Кирши Данилова. Въ варіантѣ, перепечатанномъ у Кирѣевскаго изъ „Русской Старины“ Корниловича, Ермакъ только упоминаетъ объ этомъ событіи. Вышеприведенное соображеніе Ермака встрѣчаемъ и въ другихъ варіантахъ, но тамъ оно является слѣдствіемъ раздумья казаковъ—гдѣ имъ зиму зимовать.

[1]) У Кирши Данилова ничего не говорится объ этомъ намѣреніи, но на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, оно осуществляется. Въ другихъ варіантахъ намѣреніе это ясно указывается: Ермакъ рѣшается „заслужить передъ Грознымъ царемъ вину свою,“ завоевать сибирское царство и отдать его Ивану. (Кирѣевск. VI, 40, 41, 37).

Сибирки рѣки. Затѣмъ уже путь въ Москву не обозначенъ [1]).

Путешествіе это тоже не обходится безъ битвы: Самбуръ и Анофрій встрѣчаются на рѣкѣ Иртыши съ „котовскими татарами" и одерживаютъ надъ ними побѣду, благодаря хитрости: отправляясь въ путь, казаки дѣлаютъ много соломеныхъ чучелъ и сажаютъ ихъ въ лодки; татары стрѣляютъ-стрѣляютъ въ нихъ, а казаки все невредимы; ужасъ одолѣваетъ татаръ, и они сдаются [2]), особенно когда получаютъ извѣстіе, что Ермакъ, дошедшій, какъ выше сказано, до рѣки Сибирки, взялъ въ плѣнъ ихъ царя Кучума. На мѣсто Кучума Ермакъ ставитъ „татарина Сабанака".

Накануне Свѣтлаго Христова Воскресенія пріѣзжаетъ Ермакъ въ Москву, (по варіанту у Рыбникова—вмѣстѣ съ Ванькой Каинымъ). Ходатаемъ за себя передъ царемъ онъ выбираетъ все того же любимаго народнаго „героя, Никиту Романовича [3]). Полное прощеніе слѣдуетъ за

[1]) Маршрутъ казаковъ опредѣлительно обозначенъ и въ вышеупомянутыхъ пѣсняхъ о помощи ихъ Ивану подъ Казанью. Они идутъ черезъ Астрахань, Царицынъ, Саратовъ, Вольской и Хвалынской, Сызрань, Самару, Жегулевскія горы. (Кирѣевск VI, 24 и слѣд.).

[2]) По пѣснѣ, напечатанной у Рыбникова (II, 230), совѣтъ на счетъ соломеныхъ чучелъ даетъ Стенька Разинъ.

[3]) Только у Кирши Данилова. Въ остальныхъ варіантахъ Ермакъ является къ царю безъ всякаго ходатая. Чрезвычайно любопытенъ слѣдующій варіантъ, о значеніи котораго мы будемъ говорить въ свое время. Когда Ермакъ

свиданіемъ царя съ Ермакомъ. Иванъ жалуетъ его „славнымъ—тихимъ Дономъ“ [1]).

На этомъ однако еще не останавливается пѣсня. Царь посылаетъ покорителя Сибири къ тѣмъ же котовскимъ татарамъ, чтобъ взять съ нихъ „данивыходы въ казну государеву“. Года два управленія Ермака обходятся мирно; вдругъ татары взбунтовались,—взбунтовались какъ разъ въ то время, когда при немъ было очень немного казаковъ—всего на двухъ коломенкахъ

„И билися—дралися съ татарами время
не малое.
И для помощи своихъ товарищевъ
Онъ, Ермакъ, хотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на преходную обманчивую,
Правою ногою поскользнулся онъ,
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,

является съ повинною головою къ Ивану, царь спрашиваетъ своихъ думныхъ бояръ, что ему сдѣлать съ кающимся разбойникомъ,—казнить иль вѣшать. Одинъ бояринъ отвѣчаетъ: „еще мало намъ Ермака казнити — вѣшати!“ и получаетъ въ отвѣтъ отъ Ермака: „Злодѣй бояринъ, не царской думчій! Безъ суда хочешь меня казнити-вѣшати!“ Послѣ этого Ермакъ убиваетъ боярина. (Сказанія Русскаго Народа. I, 244). Представляясь царю, Ермакъ называетъ себя „всѣхъ сиверныхъ странъ запечатальникомъ“, а Иванъ говоритъ о немъ своимъ боярамъ, какъ о „сибирскомъ царѣ.“ (Рыбник. II, 231).

[1]) Кирѣевск. VI, 41.

Разшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей—быстру-рѣку;
Тутъ Ермаку такова смерть случилась [1]).

(Древ. Рос. Стих. 122).

V. Осада Пскова, походъ къ Серпухову и проклятіе Вологдѣ.

Пѣсня, относящаяся къ первому изъ этихъ событій, перепечатанная въ VI вып. сборника Кирѣевскаго изъ „Денницы" 1834 г., гдѣ ее первоначально напечаталъ самъ Кирѣевскій, повидимому соединяетъ въ себѣ два, совершенно отдѣльныхъ эпизода: собственно объ осадѣ Пскова и объ осадѣ Волока.

Король—(конечно Стефанъ Баторій) — двѣнадцать лѣтъ собиралъ войско и, собравъ несмѣтную силу, пошелъ на три „стольныхъ" города: Полоцкъ, Великіе Луки и Псковъ. Покоривши первый и второй, онъ осадилъ третій и послалъ посла требовать сдачи города, въ которомъ въ это время былъ воеводою уже встрѣчавшійся намъ Семенъ Константиновичъ Карамышевъ. Это какъ бы первая часть, потому что далѣе посолъ короля требуетъ у Карамышева сдачи „Волока". Русскій воевода отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ — и

[1]) Въ другихъ варіантахъ этого конца нѣтъ. Дѣло ограничивается прощеніемъ царя.

тогда происходитъ битва, оканчивающаяся побѣдой Карамышева и бѣгствомъ короля, которое сопровождается довольно обычнымъ въ нашихъ пѣсняхъ заклятіемъ:

„Не дай, Боже, мнѣ во Руси бывать,
Ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ,
И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ". [1])

---

[1]) Соединеніе здѣсь Пскова и Волока приводитъ г. Безсонова къ заключенію, что эта пѣсня состоитъ собственно изъ двухъ: одна былина переходитъ въ другую; Кирѣевскій тоже полагалъ, что названіе Волока вмѣсто Пскова взято изъ *другой* пѣсни, „вѣроятно похожей на эту содержаніемъ и напѣвомъ". Въ VII вып. сборника Кирѣевскаго дѣйствительно напечатана въ двухъ варіантахъ пѣсня объ осадѣ Волока, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ являются тоже король и Карамышевъ и содержаніе которой отчасти даже букваьно сходно съ содержаніемъ вышеупомянутой первой; (это замѣчаніе относится, впрочемъ, только къ 1-му варіанту, второй-же только первыми тремя стихами указываетъ на то, что и здѣсь дѣло идетъ объ осадѣ Волока *или* Пскова). Позволяемъ себѣ однако думать, что все это ничего не доказываетъ и что тутъ передъ нами не *двѣ* отдѣльныя пѣсни, соединенныя или смѣшавшіяся въ одну, а *одна* въ нѣсколькихъ варіантахъ,— и именно описывающая осаду *Пскова*, какъ одно изъ событій первостепенной важности. Сходство въ подробностяхъ эпизода, даже въ выраженіяхъ и словахъ, не позволяетъ, кажется, сомнѣваться въ этомъ. Что касается до названія Волока, то оно могло попасть сюда совершенно случайно, по ошибкѣ или забывчивости, весьма частыхъ въ подобныхъ случаяхъ. Это доказывается тѣмъ, что король требуетъ у Карамышева сдачи Волока, а черезъ два стиха послѣ того уже опять говоритъ: „Я на первомъ часу возьму *Опсковъ* градъ". Примѣръ такого простого перепутыванья названій видимъ въ той-же пѣснѣ, напечатанной въ VII вы-

Пѣсня о походѣ къ Серпухову не имѣетъ значенія ни въ историческомъ, ни въ литературномъ отношеніи и представляется какимъ-то, довольно непонятнымъ, отрывкомъ.

Съ огромною арміею, скопленною въ продолженіе тридцати лѣтъ, Иванъ Грозный идетъ къ Серпухову (неизвѣстно для чего) и, остановившись передъ городомъ, узнаетъ объ измѣнѣ одного изъ своихъ воеводъ, Максима Краснощокова (лица, воспѣваемаго и въ пѣсняхъ послѣдующаго времени) который, будто бы, передался хану турецкому. На слѣдующее утра, Краснощоковъ возвращается, привозитъ съ собою двухъ „сорочиночекъ“, дочерей татарскаго хана и отдаетъ ихъ въ даръ царю [1]).

Гораздо значительнѣе третья пѣсня, легендарнаго характера, касающаяся отношенія Ивана

пускѣ: королъ осаднлъ *Волокъ*, а требуетъ сдачи *Москвы*. У Сахарова (Сказ. Рус. Народа, Т. I, стр. 255) помѣщена таже пѣсня, но уже о Волокѣ вовсе не упоминается, а Карамышевъ замѣненъ Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ. Г. Безсоновъ (Кирѣевск. VI, 187) считаетъ ее не особою, а только передѣлкою напечатанной въ „Денницѣ“; но доказательство его, (относящееся къ слову *проптли*), слишкомъ слабо. Не имѣя другихъ доказательствъ въ томъ, что Сахаровъ только заимствовалъ эту пѣсню у Кирѣевскаго, мы считаемъ ее свидѣтельствомъ въ пользу нашего мнѣнія, что осада Волока простая вставка, не имѣющая никакого значенія и отнюдь не приводящая къ заключенію о существованіи двухъ отдѣльныхъ пѣсень съ столь сходнымъ содержаніемъ.

[1]) Изв. Ак. Наук. Т. I. въ прибавленіяхъ.

Грознаго къ Вологдѣ и записанная въ этомъ же городѣ [1]).

Иванъ возымѣлъ намѣреніе основать „престольный градъ“ въ Вологдѣ и началъ строить церковь во имя Успенія Божьей Матери, по образцу Успенскаго храма въ Москвѣ. Во время постройки, одинъ кирпичъ или, какъ онъ называется въ пѣснѣ, „плинѳа красная“, вывалился изъ свода и ушибъ голову царю. Разгнѣванный, царь уѣзжаетъ въ Москву, проклиная городъ и рѣку, протекающую въ немъ.

„Отъ того проклятья царскаго
Мать сыра-земля трехнулася
И въ Насонъ-градѣ [2]) гористоемъ
Стали блата быть топучія.
Рѣка быстра славна Вологда
Стала быть рѣкой стоячею,
Водой мутною, вонючею,
И покрытая все тиною,
Скверной зеленью со плесенью [3]),

[1]) Русское Слово. 1859 г. № 1.

[2]) Вологда въ этой пѣснѣ называется Насономъ — дѣйствительное названіе, въ прежнее время бывшее у этого города.

[3]) Признаки книжной поддѣлки здѣсь ясны и въ слишкомъ правильномъ стихосложеніи и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ,—но для насъ важны не эти частности, а основа, мысль пѣсни, несомнѣнно народная.

VI. Смерть Ивана Грознаго.

Пѣсни, относящіяся къ этому событію [1]) имѣютъ болѣе лирическій, чѣмъ эпическій характеръ, потому что большинство ихъ составляютъ различные „плачи“ во царѣ.

Дѣйствіе происходитъ уже по кончинѣ Ивана. Звонятъ въ большой колоколъ во всѣхъ церквахъ московскихъ, несется этотъ звонъ „по всей сырой землѣ“, и въ Успенскій соборъ съѣзжаются князья-бояре и люди ратные: царь лежитъ въ гробу. .

„Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
Въ ногахъ его вострый, грозный мечъ,
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу всякій кланяется,
А на грозенъ мечъ взглянетъ—всякъ ужахнется.
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ все попы—*патріархи.*
Они служатъ читаютъ, память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память царю православному,
Царю грозному Ивану Васильевичу“.

На томъ и заканчивается эпическая часть пѣсни. Затѣмъ уже слѣдуютъ плачи царицы и войска,

---

[1]) Кирѣевскій, VI, 205—212.

которые, какъ увидимъ ниже, находятся въ весьма близкомъ родствѣ съ такими же плачами по Петрѣ Великомъ. Царица сокрушается о томъ, что безъ Ивана „все царство помутилось“ и происходитъ бунтъ *стрѣльцовъ*; войско—(собственно *сержантъ*)—взываетъ къ Ивану, чтобы онъ всталъ и посмотрѣлъ на свою армію, идущую въ походъ [1]).

---

[1]) Въ одномъ варіантѣ походъ совершается въ Казань, и тутъ-же присоединены подробности осады Казани, отличныя отъ вышеприведенныхъ; въ другомъ упоминаются полки Семеновскій, Измайловскій и Петропавловскій.

Мы изложили всѣ событія царствованія Ивана Грознаго, составляющія содержаніе народныхъ пѣсень о немъ [1]). Но кромѣ ихъ, есть еще пѣсни, которыя, не касаясь никакого событія, превосходно

[1]) Въ сборникѣ Кирѣевскаго напечатаны еще три пѣсни, или, вѣрнѣе, три варіанта одной и той-же пѣсни, разсказывающіе о заточеніи въ монастырь одной изъ женъ царя, причемъ имя ея—Мароа Матвѣевна, упоминается только въ одномъ варіантѣ. Но въ пѣсняхъ этихъ нѣтъ никакого указанія на то, что тутъ дѣло идетъ объ Иванѣ Грозномъ; имя его не упоминается, ссылка жены въ монастырь не имѣетъ никакого историческаго, или даже близкаго къ историческому, основанія, (можно бы, пожалуй, предположить, что тутъ народъ вспоминалъ судьбу послѣдней жены Ивана изъ рода Нагихъ, при жизни которой царь, какъ извѣстно, хотѣлъ жениться на англійской принцессѣ и которой поэтому, въ понятіи народа, не могло предстоять иной судьбы, какъ заточеніе въ монастырь; но такое объясненіе было бы во всякомъ случаѣ слишкомъ отдаленнымъ и гадательнымъ). Наконецъ, въ Прибавленіяхъ къ I т. Извѣстій Академіи Наукъ, откуда издатель сборника Кирѣевскаго заимствовалъ одинъ изъ напечатанныхъ имъ варіантовъ, (записанный священникомъ Фаворскимъ въ Павловѣ, нижегородской губерніи), въ примѣчаніи къ этой пѣснѣ читаемъ: „Это преданіе *можетъ* относиться къ царицѣ Аннѣ, супругѣ Іоанна Грознаго, скончавшейся и погребенной (около 1577 г. въ Суздальской дѣвичьей обители; но *вѣроятнѣе* воспоминаетъ о царицѣ Соломоніи, супругѣ Василья Іоанновича, сосланной въ Суздальскій монастырь въ 1525 г. и скончавшейся тамъ въ 1542 г.“

характеризуютъ воззрѣнія народа на *отношенія къ нему царя.* Это тѣ пять пѣсень, которыя издатель сборника Кирѣевскаго соединилъ подъ общею рубрикою „Правежъ“ [1]).

Предоставляя себѣ еще обратиться къ этимъ пѣснямъ впослѣдствіи, мы здѣсь, согласно принятому плану, изложимъ только ихъ содержаніе.

Иванъ Грозный ѣдетъ по боярской площади въ Москвѣ, (а по одному варіанту—въ Кіевѣ), и видитъ, какъ „бурмистры—цѣловальнички“ бьютъ добраго молодца „на правежѣ“. Царь спрашиваетъ о причинѣ: оказывается, что съ добраго молодца „пытаютъ“ гдѣ-то добытыя имъ большія деньги— сорокъ тысячъ. Новый вопросъ со стороны Ивана: откуда онъ взялъ эту „золоту казну“ и куда дѣвалъ ее? Отвѣтъ по разнымъ варіантамъ различный: по одному — она отнята у разбойниковъ и состояла изъ денегъ и платья: деньги добрый молодецъ пропилъ на угощеніе „голи кабацкой“, а платьемъ надѣлилъ всѣхъ „босыихъ“; по другому—это казна Соловецкаго монастыря, которую похитили было разбойники и которую добрый молодецъ отбилъ у нихъ; по третьему—она отнята тоже у разбойниковъ и тоже пропита. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, (собственно въ двухъ, тре-

При существованіи столькихъ *отрицательныхъ* указаній и неимѣній ни одногс *положительнаго,* мы не рѣшаемся отнести пѣсни, касающіяся этого эпизода, къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ и признаемъ наибольшую достовѣрность за вышеприведеннымъ мнѣніемъ о томъ, что здѣсь дѣло идетъ о Соломоніи.

[1]) Вып. VI, 194—201 и VII 54.

тій безъ конца). Иванъ велитъ бурмистрамъ заплатить доброму молодцу за безчестіе и за каждый ударъ. Кромѣ этихъ варіантовъ есть одинъ такой, въ которомъ къ Ивану приводятъ молодца, убившаго одного изъ его опричниковъ [1]), и на вопросъ царя, за что онъ совершилъ это убійство, онъ отвѣчаетъ:

„Я убилъ его за дурны дѣла,
За худы слова.
Поносилъ онъ нашу святую Русь:
Тебя узывалъ кровопійцею;
Еще поносилъ православный людъ;
Урекалъ онъ насъ быть христьянами [2])
И холопами.
Татаръ величалъ людьми вольными,
Никому какъ быть не подручными.
А славенъ-то былъ онъ тобою, царь,
Твоей милостью“!

И царь милуетъ добраго молодца.

Приступая къ изложенію содержанія всѣхъ вышеприведенныхъ пѣсень, мы высказали замѣчаніе о количественной бѣдности ихъ. Принмая здѣсь слово „бѣдность“ въ относительномъ смыслѣ —по отношенію къ богатству матеріала, представлявшагося для народнаго, и именно народнаго, творчества царствованіемъ Ивана Грознаго, мы полагаемъ, что предшествующія страницы доста-

[1]) Кирѣевск. VI, 201.

[2]) Опричникъ изображенъ „злымъ татарченкомъ“.

точно свидѣтельствуютъ о справедливости этого мнѣнія. Мы видѣли, что народъ воспѣлъ—и притомъ съ весьма небольшими отличіями при полномъ сходствѣ въ существенныхъ подробностяхъ—всего шесть событій, изъ которыхъ одно (единоборство Кастрюка) совершенно выдуманное, а одно (покушеніе на жизнь сына) находится съ дѣйствительнымъ историческимъ фактомъ только въ отдаленной связи, какъ бы вызвано воспоминаніемъ о немъ [1]). Что̀ же осталось *не* воспѣтымъ, по крайней мѣрѣ судя по тѣмъ пѣснямъ, которыя записаны и дошли до насъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ намъ стоитъ припомнить главнѣйшія событія и явленія царствованія Грознаго (конечно, не касаясь уже тѣхъ изъ нихъ, которыя послужили содержаніемъ вышеприведенныхъ пѣсень), и притомъ такія, которыя заключали въ себѣ всѣ элементы, способные возбудить народное творчество.

Правленіе Елены Глинской съ страшными боярскими смутами и казнями, дикія забавы юнаго царя, проливающаго кровь невинныхъ, давящаго женъ стариковъ и дѣтей—царя, который, говоря словами Карамзина [2]), въ это время „не видалъ *печалей народа* и въ шумѣ забавъ не слыхалъ стенаній бѣдности, скакалъ на борзыхъ ишакахъ и оставлялъ за собою слезы, жалобы, новую бѣдность“—все это прошло, судя по имѣющимся у насъ пѣснямъ, безслѣдно для народнаго творчества. Не

[1]) Объ *исторической* вѣрности пѣсень будетъ сказано ниже. особо.

[2]) Ист. Гос. Рос. Т. VIII, стр. 54

дали матеріала этому послѣднему и знаменитые московскіе пожары съ народными бунтами, (о которыхъ въ пѣсняхъ нѣтъ ни одного слова), и происшедшая затѣмъ въ душевномъ настроеніи Ивана перемѣна, на которую впрочемъ встрѣчаемъ намекъ, или, вѣрнѣе, о которой отразилось только воспоминаніе въ нѣсколькихъ стихахъ пѣсни:

„Какъ было при старомъ при царѣ при
Иванѣ Васильевичѣ:
Было время нехорошее, время нездоровое:
Только слышишь брани, драки, все-то
буйныя дѣла!
Вотъ настало времечко счастливое:
Ужъ и сталъ-то Грозный царь Россеюшку любить,
Сталъ Россеюшку любить, *чужи страны
съ ней сводить* [1]).

Нигдѣ въ пѣснѣ не упоминаются изъ этой эпохи имена Сильвестра и Адашева, тогда какъ, казалось бы, они именно должны были пользоваться въ народѣ особою популярностью. Припомнимъ, что̀ поручалъ Адашеву Иванъ въ первые дни его

[1]) Кирѣевск. VI, 42. Вторая половина послѣдняго стиха, конечно, позднѣйшая приставка и притомъ, по всей вѣроятности, грамотническая: народъ тогдашняго времени не сталъ бы радоваться сближенію съ чужеземцами. Такъ какъ эта пѣсня записана отъ раскольника-старика, то въ такой книжной приставкѣ нѣтъ ничего удивительнаго; очень можетъ быть также, что она относится уже ко времени Петра Великаго и попала въ пѣсню объ Иванѣ подобно многимъ другимъ подробностямъ, переходившимъ, какъ увидимъ ниже изъ Ивановскихъ пѣсенъ въ Петровскія, и обратно

приближенія къ себѣ: „Вручаю тебѣ—говорилъ царь—челобитныя пріимати у бѣдныхъ и обидимыхъ, и назирати ихъ съ разсмотрѣніемъ. Да не убоишися сильныхъ и славныхъ, восхитившихъ чести на ся, и своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ погубляющихъ" [1]).

О покореніи астраханскаго царства — событіи тоже не малой важности, упоминается въ пѣсняхъ вскользь, нѣсколькими словами. Такъ, у Кирши Данилова (стр. 327) Иванъ, между прочимъ, хвалится, что онъ „взялъ Астрахань"; точно тоже объ этомъ упоминаетъ пѣсня, записанная Якушкинымъ (стр. 77): „взялъ господарство астраханское", и нѣкоторыя другія.

Затѣмъ, самымъ изумительнымъ пробѣломъ представляется полное умолчаніе о земщинѣ и опричинѣ, — если не считать вышеприведенной пѣсни, (стр. 64), гдѣ отношенія опричниковъ къ народу обрисованы превосходно, но въ нѣсколькихъ стихахъ. О кровавыхъ тиранствахъ Ивана въ эту эпоху его царствованія молчитъ народное творчество, только изрѣдка, (см. выше, въ изложеніи эпизода о покушеніи на жизнь сына), большею частью словами самаго царя, указывая на его жестокіе поступки съ боярами. Но только съ *боярами*; о томъ, что̀ дѣлали съ народомъ—ни слова. А между тѣмъ, и народу жилось не легко, не смотря на то, что за нѣсколько дней до учрежденія опричнины, царь „увѣрялъ добрыхъ мо-

[1]) Карамзинъ т. VIII, гл. III. прим. 184

сквитянъ въ своей милости, сказывая, что опала и гнѣвъ его не касаются народа“: стоитъ вспомнить поощреніе дикихъ безчинствъ опричниковъ, казни въ Торжкѣ и Коломнѣ и т. п.

Идемъ дальше. Передъ нами — кровопролитіе въ Тверской области (по пути въ Новгородъ): „убійства, грабежъ тамъ, гдѣ мирные подданные встрѣчали государя, какъ отца и защитника“.— „Домы, улицы—пишетъ Карамзинъ со словъ Таубе и Крузе—наполнились трупами; не щадили ни женъ, ни младенцевъ“ [1]). Но все это — ничто въ сравненіи съ новгородскими ужасами. „Царь и В. К. съ сыномъ своимъ сѣлъ на судище, и повелѣ приводити изъ В. Новагорода Владычнихъ Бояръ и служилыхъ Дѣтей боярскихъ, и *гостей*, и *всякихъ городцкихъ* и приказныхъ *людей, и жены и дѣти*, и повеле предъ собою лютѣ мучити, и по многихъ неисповѣдимыхъ мукахъ тѣлеса ихъ нѣкоею составною мудростію огненною поджигати, иже именуется поджаръ; и повелѣваетъ Государь своимъ Дѣтемъ Боярскимъ тѣхъ мучимыхъ и поджаренныхъ за руки и за ноги и за головы опоко вязати различно тонкими ужи, по человѣку и быстро за саньми влещи на великій Волховскій мостъ, и повелѣ ихъ съ мосту метати во рѣку“ и т. д. Казни въ Москвѣ и безчинства Грознаго въ это время достойно дополняютъ картину страшныхъ годовъ.

Но пѣсня не говоритъ объ этихъ ужасахъ. Только изрѣдка самъ Иванъ похвалится, что онъ

---

[1]) Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 86.

вывелъ измѣну изъ Пскова и Новгорода, или сынъ царскій (см. выше, стр. 33) разскажетъ, какъ они съ отцомъ въ Новгородѣ „сѣкли, кололи и на колъ сажали", но разскажетъ мимоходомъ, только потому, что эта подробность нужна какъ завязка для совершенно посторонняго эпизода.

Войны литовская, ливонская и дѣла крымскія также остались нетронутыми.

Въ чемъ же причина этого явленія?

Г. Безсоновъ, разсуждая о пѣсняхъ Петровскаго времени и замѣчая, что не все изъ этой эпохи дошло до народа, что „народъ не пережилъ всего того, что̀ имѣло мѣсто внѣ его, въ дѣлахъ политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ", говоритъ: „Народъ не лѣтопись, не актъ, не документъ, не перо и нѐ печать: не записываетъ подъ рядъ, не удерживаетъ во внѣшнимъ памятникѣ сплошной полноты дѣйствительной; намѣренно не сочиняетъ, не оставляетъ по себѣ исторію. Отпечатлѣлось здѣсь только то, что̀ *дошло до народнаго сознанія*, въ немъ отозвалось и удержалось, въ немъ оставило слѣды и изъ него воздвиглось особымъ памятникомъ, какъ памятью прожитаго и двигателемъ будущаго" [1]).

Справедливое по общему своему смыслу, замѣчаніе это можно было бы примѣнить и къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ и въ немъ искать объясненія количественной бѣдности этихъ пѣсень, еслибъ въ нихъ не поражало отсутствіе отпечатлѣнія именно многаго такого, что̀ могло и

[1]) Кирѣевск. VII, стр. X (Замѣтка).

должно было *дойти до народнаго сознанія.* По мнѣнію Кирѣевскаго [1]), „въ пѣсняхъ о Іоаннѣ Грозномъ народъ сохранилъ воспоминаніе только о свѣтлой сторонѣ его характера. Онъ поетъ о славномъ завоеваніи Казани и Астрахани; о православномъ царѣ, которому преклоняются всѣ орды татарскія; объ его любви къ русскому народу и его радости, когда русскій удалецъ, на его свадебномъ пиру, поборолъ его гордаго шурина, черкасскаго князя; но онъ не помнитъ ни объ его опричникахъ, ни о другихъ его темныхъ дѣлахъ. Такая память народа, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полное вниманіе историковъ". Этотъ идиллическій взглядъ, который, какъ намъ случалось слышать въ частныхъ бесѣдахъ, раздѣляютъ многіе, рѣзко опровергается указаніями самихъ же пѣсенъ, на которыя ссылается Кирѣевскій.

„Ужъ настали годы злые на Московской
народъ,
(*поется въ одной пѣснѣ*).
Какъ и сталъ православный царь грознѣй прежняго:
Онъ за правду-за неправду дѣлалъ
козни лютыя" [2]).

Родного сына Иванъ осуждаетъ на казнь, а когда ему приносятъ на серебряномъ блюдѣ голову мнимо умерщвленнаго сына, онъ замѣчаетъ: „собакѣ собачья смерть"! [3]) Бояръ онъ зашиваетъ въ мед-

[1]) Въ предисловіи къ I. выпуску, стр. V.
[2]) Кирѣевск. VI. 205.
[3]) Кирѣевск. VI.

вѣжьи шкуры, варитъ въ котлѣ, сажаетъ на колъ. Въ Новгородѣ дѣлаетъ тоже самое съ жителями. Не думаемъ, чтобы все это можно было назвать „свѣтлыми сторонами характера“.

Въ чемъ же, повторяемъ, причина относительной бѣдности пѣсень и относительной *внутренней* незначительности ихъ, заключащейся въ томъ, что предметы менѣе важные, (напр. единоборство Кастрюка), воспѣты въ большомъ количествѣ варіантовъ, тогда какъ другіе, долженствовавшіе гораздо ближе интересовать народъ, касавшіеся гораздо ближе его внутренней и внѣшней жизни, или остались вовсе нетронутыми, или были упомянуты вскользь, какъ-бы мимоходомъ?

Что касается до бѣдности, то мы полагаемъ, что объяснить ее можно тѣмъ же, чѣмъ мы объясняемъ малое количество историческихъ пѣсень вообще [2]), т. е. потерею ихъ въслѣдствіе слишкомъ

---

[1]) Приведемъ здѣсь кстати мнѣніе по этому предмету, высказанное еще покойнымъ Кирѣевскимъ, (см. предисловіе къ I вып. его сборника): „Историческихъ народныхъ пѣсень — говоритъ онъ—дошло до насъ немного, если сравнить ихъ количество съ огромною массою пѣсень другихъ разрядовъ; и это едва ли могло быть иначе, не смотря на живое участіе, которое русскій народъ всегда принималъ въ событіяхъ отечества. Именно тотъ слой народа, который шелъ во главѣ *историческаго* движенія Россіи и потому естественно былъ ближайшимъ хранителемъ изустнаго историческаго преданія, съ начала прошедшаго вѣка принялъ надолго направленіе неблагопріятное для сохраненія родныхъ воспоминаній; а остальной народъ, и до сихъ поръ еще не отвыкшій пѣть народныя пѣсни, могъ *сохранить въ памяти только немногіе отпечатки главныхъ эпохъ исторіи*“. Мы подчеркнули именно

поздняго начала записыванія, или тѣмъ обстоятельствомъ, что многія изъ нихъ, можетъ быть, *еще* не записаны. Извѣстно, какъ умножилось въ послѣднее время число русскихъ народныхъ пѣсень, въ слѣдствіе того, что чуть не каждый день то въ томъ, то въ другомъ уголкѣ Россіи открываются или совсѣмъ новыя пѣсни, или новые варіанты. Разительнымъ примѣромъ такихъ неожиданныхъ открытій можетъ служить VIII-й т. сборника Кирѣевскаго, который—(хотя, надо замѣтить, очень большую часть его составляютъ уже прежде напечатанныя, но здѣсь какъ бы извлеченныя изъ забвенія и искусно сгруппированныя пѣсни)—вдругъ измѣнилъ существовавшее въ публикѣ воззрѣніе на отношенія народа къ Петру.

Изъ этого объясненія истекаетъ само собою объясненіе и вышеупомянутой внутренней незначительности, т. е. эту послѣднюю мы можемъ покамѣсть считать только *предположительною.* Но тутъ представляется намъ возможность существованія еще одной причины. Царствованіе Ивана Грознаго представляетъ весьма мало свѣтлыхъ и весьма много темныхъ сторонъ; страшныя казни, убійства и т. п., совершавшіяся чуть не каждый часъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ,

тѣ слова, которыя, по нашему мнѣнію, сами же отчасти опровергаютъ заключеніе Кирѣевскаго: въ томъ-то и дѣло, (какъ указали мы выше), что *многія главныя эпохи* исторіи остались совершенно нетронуты народнымъ творчествомъ, тогда какъ другія, имѣющія, относительно, гораздо менѣе значительную важность, являются изображенными въ пѣсняхъ.

обрушивались не только на ненавистныхъ народу бояръ, но и на самый народъ (стоитъ вспомнить погромъ новгородскій и дѣятельность опричниковъ); эти событія не могли не поражать его ужасомъ, не могли не дѣйствовать на его мысль и фантазію,—но могъ ли онъ *открыто* говорить, пѣть о томъ, о чемъ страшно было и шептаться въ четырехъ стѣнахъ? Доносы были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, палачей Ивану было не занимать стать; „десятками и полуторами" сходилися они на его зовъ, какъ выражается пѣсня (см. выше); казнь и убійство совершались съ быстротою молніи; всякій мало-мальски неосторожный шагъ, слово, движеніе считались измѣною (не даромъ, какъ мы видѣли, *выводъ измѣны* царемъ такъ часто упоминается въ пѣснѣ). Владыка московскій былъ не укротителемъ этихъ безчинствъ, но главнымъ виновникомъ ихъ,—а при этомъ условіи не должна ли была печать молчанія сковывать уста народныя? Что ужасы Иванова царствованія не проходили въ *народномъ сознаніи*, (о которомъ говоритъ г. Безсоновъ), незамѣченными, что они давали пищу народному творчеству — это мы видѣли изъ намековъ, отдѣльныхъ стиховъ, попадающихся въ пѣсняхъ; но именно то обстоятельство, что эти намеки, упоминанія вскользь существуютъ, приводитъ насъ къ предположенію, что *страхъ высказаться вполнѣ* могъ быть одною изъ главныхъ причинъ того, что бѣглыя, краткія указанія не развились въ такія, относительно цѣлыя произведенія, съ какими мы

встрѣчались на предшествующихъ страницахъ. Оставались стороны свѣтлыя или такія, воспѣваніе которыхъ не представляло опасности, а ихъ, повторяемъ, было немного. Скажутъ, что все это, высказываемое нами, не болѣе, какъ догадка, не основанная ни на какихъ положительныхъ данныхъ; что же дѣлать, если при нынѣшнемъ состояніи науки русской народной словесности, гадательныя предположенія должны еще, къ сожалѣнію, нерѣдко играть такую значительную роль!

Переходимъ теперь ко второму отдѣлу нашего изслѣдованія — указанію на сродство этого цикла пѣсень, съ одной стороны съ богатырскимъ эпосомъ, съ другой—съ историческими пѣснями послѣдующаго времени, и преимущественно—Петровскими.

По отдѣльнымъ подробностямъ, образамъ, даже выраженіямъ, цѣлымъ стихамъ, пѣсни объ Иванѣ Грозномъ находятся въ самой тѣсной связи съ былинами Владимирова цикла, и г. Безсоновъ справедливо замѣчаетъ, что „Москва явилась тѣмъ же, что для древности Кіевъ. Грозный — своего рода Владимиромъ, а историческіе герои — наслѣдниками старыхъ богатырей“ [1]).

Прослѣдимъ теперь въ отдѣльности эти подробности, чтобы потомъ вывести общее заключеніе.

Иванъ Грозный, стоящій въ пѣсняхъ на чисто-исторической почвѣ, до такой степени историческoй, что, какъ мы видѣли, пѣсня хронологически отличаетъ *великаго князя* отъ *царя московскаго*,— сохраняетъ однако въ глазахъ народа древній эпическій характеръ. Пѣсня прямо называетъ его *богатыремъ* [2]),—и это весьма естественно въ то время, когда *богатырство* признавала и лѣто-

---

[1]) Кирѣевск. VII, Дополненія, стр. 104.

[2]) Ibid. VI, 178.

„Какъ въ матушкѣ въ каменной Москвѣ
У того-то было *царя-богатыря*,
У Ивана-то свѣтъ Васильевича...“

Въ томъ-же пересказѣ упоминается *богатырскій посвистъ* Ивана.

пись [1]). Разъ породнивъ царя съ богатырскою семьею, народная фантазія очевидно могла приравнять его въ этомъ отношеніи только съ средоточіемъ этой семьи, княземъ Владиміромъ. И дѣйствительно, Иванъ является такимъ средоточіемъ; вокругъ него группируются князья, бояре, вельможи, поляницы удалые, богатыри могучіе, купцы и т. п.,—т. е. тѣ самыя лица, которыя постоянно окружаютъ Владиміра [2]). Этою постоянною свитою Иванъ является окруженнымъ въ тѣхъ самихъ случаяхъ, когда выступаетъ съ нею передъ нами и Владиміръ,—т. е. на пирахъ. Пиръ и тутъ и тамъ называется „столованьемъ-почестнымъ пиромъ". Иванъ расхаживаетъ между пирующими и, поглядывая въ окно, „черныя кудри расчесываетъ частымъ гребешкомъ" [3]). Точно также Владиміръ:

„По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черны кудри расчесываетъ [4]).

Обыкновенное занятіе гостей — похвальба. Мы уже выше замѣтили, что у Ивана она представляется какъ бы необходимымъ дѣломъ, потому что царь спрашиваетъ: „что-жъ у меня въ бесѣдѣ

[1]) Царственная Книга, Спб. 1769 г. стр. 150. „Того же мѣсяца пріѣхали Казанскіе люди на Галицкія мѣста воевати многіе люди; а въ большихъ у нихъ былъ *Аракъ-богатырь*".

[2]) Мы не цитируемъ здѣсь тѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчается это исчисленіе, потому что встрѣчается оно чуть не во всякой пѣснѣ, гдѣ Владиміръ появляется со своею свитою.

[3]) Кирѣевск. VI, 55.

[4]) Ibid. II, 18.

никто ничѣмъ не хвастуетъ"? Точно тоже у Владимира; и онъ спрашиваетъ одного изъ богатырей, Данилу Игнатьевича:

„А што же ты, Данилушка Игнатьевичъ,
А не пьешь да ты не ѣшь, да ты не
кушаешь,
И ничимъ же ты, Данило, видь не хва-
стаешь?"

(Кирѣевск. III, 42).

Хвастаются и Владимировы богатыри, и Ивановы однимъ и тѣмъ-же.

У Ивана:

„Инный хвастаетъ несчетной золотой казной,
Инный хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Инный хвастаетъ добрымъ конемъ,
Инный хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Инный молодымъ молодечествомъ;
Умный - разумный хвастаетъ старымъ
батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой."

(Рыбник. II, 211).

У Владимира:

„Богатырь хвастаетъ силушкой великою,
Инный хвастаеть добрымъ конемъ,
Инный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
А разумный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.

(Рыбник. I, 146).

Когда богатырямъ дается порученіе для нихъ непріятное, или почему нибудь опасное, то пріемъ, употребляемый ими для того, чтобы избавиться отъ этого порученія, совершенно одинъ и тотъ-же и въ Ивановскихъ, и во Владимировскихъ пѣсняхъ.

У Ивана:

„Меньшій хоронится за большаго,
Большій хоронится за меньшаго.“

(Рыбник. I, 391).

Или:

„Другъ за друга туляются и окучаются
Большій за средняго, средній за меньшаго,
Съ меньшаго отвѣта нѣтъ.

(Ibid. II, 214).

У Владимира:

„Большой князь хоронится за середняго,
А середній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.

(Кирѣевск. III, 53).

Или тоже:

„Большій *туляется* за средняго,
Середній туляется за меньшаго.

(Рыбник. II. 45).

Богатыри Ивана и вообще лица, окружающія его, или приходящія съ нимъ въ сношеніе, надѣлены весьма часто свойствами эпическихъ героевъ. Такими лицами представляются: Никита Романовичъ, Кастрюкъ, борцы, дерущіеся съ этимъ послѣднимъ.

О богатырскихъ свойствахъ Никиты Романовича мы уже упоминали. Никита носитъ людей подъ полою (см. выше стр. 41) или за пазухой [1]), подобно тому какъ везетъ въ карманѣ Илью Муромца Святогоръ, или Добрыню—Настасья Никулична [2]), или какъ Илья Муромецъ носитъ подъ одной пазухой князя Владимира, а подъ другой—его жену [3]), или какъ онъ же идетъ, держа подъ пазухами по сороковой бочкѣ [4]). Оружіе его—обычное оружіе богатырей, именно булатная палица; онъ скачетъ, держа ее подъ мышкой. Тридцать богатырей, сидящихъ у него, напоминаютъ встрѣчающееся въ пѣсняхъ Владимирова цикла такое же число ихъ [5]). Конь его—знаменитая въ сказкахъ и пѣсняхъ бурка-кавурка или та самая водовозная кляча, на которой скачетъ Илья Муромецъ. Ниже мы встрѣтимъ еще Никиту въ еще болѣе эпической обстановкѣ.

Самымъ близкимъ образомъ роднится съ дѣйствующими лицами былинъ Кастрюкъ. Собственно историческое лицо [6]), онъ въ пѣснѣ имѣетъ за собою историческаго только то, что пріѣзжаетъ въ Россію вмѣстѣ со своею сестрою; затѣмъ,

---

[1]) Рыбник. I, 401.

[2]) Рыбник. I, 128.

[3]) Кирѣевск. I, 30.

[4]) Рыбник. I, 64.

[5]) Рыбник. I. 103.

[6]) У Карамзина, т. IX, 59, встрѣчаемъ брата царицы, князя Михаила Темрюковича Черкасскаго, палачемъ казначея царскаго, Хозяина Юрьевича Тютина.

все уже относится къ области фантазіи въ совершенно эпическомъ духѣ. Всматриваясь въ подробности его пріѣзда въ Москву, пребыванія въ ней и т. д., мы приходимъ къ заключенію, что онъ, въ нѣкоторыхъ чертахъ, есть ничто иное, какъ видоизмѣненіе Калина, Батыя, Идолища Поганаго и т. п. темныхъ, преимущественно *татарскихъ* силъ, которыя приходили на Русь съ враждебными замыслами и со срамомъ удалялись изъ нея. Сходство здѣсь не только въ сущности дѣла, но и въ выраженіяхъ.

Мы указывали выше (стр. 22) на варіантъ, въ которомъ Кастрюкъ пріѣзжаетъ въ Москву не какъ братъ царицы, въ слѣдствіе ея замужества. Этотъ пріѣздъ его описывается въ пѣснѣ такъ: Кастрюкъ и царица крымская останавливаются не доѣзжая до Москвы; Кастрюкъ „пишетъ ерлыкъ скоропечатный“ и, посылая съ нимъ въ Москву посла, показываетъ ему:

„Ай-же ты, молодоіі посолъ:
Нейдь прямо воротами,
А идь чрезъ стѣну городовую,
Прямо на царскій дворъ;
Ко крылечку переному,
Ко столбу ко точеному,
Ко колечку золоченому.
Прикупвай-привязывай
Своего коня добраго;
А поди въ палату бѣлокаменну,,
Въ гривню [1]) столовую,

[1]) Вѣроятно, гридню.

Бѣлаго лица не крести,
А государю челомъ не бей,
А грамоту посольную
Положи на дубовый столъ,
Говори царю не съ укладкою
Говори со прикладкою".

Слѣдуетъ затѣмъ приглашеніе дать Кастрюку „борчика удала добра молодца", ибо иначе Кастрюкъ

„Все царство твое приплѣнитъ
И головней покатитъ,
А тебя царя въ полонъ возьметъ".

Точно также Калинъ, пріѣзжая подъ Кіевъ, посылаетъ къ Владимиру посла съ наказомъ:

„Поѣзжай-ка ты, посолъ, въ стольно-
Кіевъ градъ
Ко ласкову князю ко Владимиру на
широкій дворъ,
И спущай-ка ты коня на посыльный дворъ,
Самъ поди въ палату бѣлокаменну,
Креста не клади по писаному,
Поклоновъ не веди по ученому
И не бей челомъ на всѣ стороны
Ни самому-то князю Владимиру,
Ни его князьямъ подколѣннымъ,
И полагай ты грамоту посыльную на
золотъ стулъ,
И словесно князю выговаривай."

(Рыбн. I, 107).

Въ другой пѣснѣ, (гдѣ Калинъ называется Каиномъ-царемъ), Калинъ, посылая къ Владимиру Тугарина, приказываетъ ему, совершенно какъ въ вышеприведенной пѣснѣ о посольствѣ Кастрюка класть письма на *дубовой столъ* и „говорить съ царемъ не съ упадокою" [1]. Располагается Кастрюкъ передъ Москвою совершенно такъ же, какъ Батый передъ Кіевомъ. Именно, Кастрюкъ и царица крымская—

Середи поля чистаго,
Середи луга зеленаго,
Шатры раздернули
Бѣлополотняные,

Столы разставили
Бѣлодубовые
И пишетъ ярлыкъ скорописчатый.

(Рыбн. III, 257).

Батый—

Выходилъ на крутъ-красенъ бережокъ,
Раздернулъ былъ полотняный шатеръ,
Поставилъ въ шатеръ дубовый столъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты.

(Кирѣевск. IV, 39).

Даже крыльце съ его „точенымъ столбомъ" и „золоченымъ колечкомъ" встрѣчается и въ былинѣ и въ пѣснѣ о Кастрюкѣ.

Цѣль пріѣзда Кастрюка—единоборство, встрѣ-

---

[1]) Рыбник. III, 214.

чается и въ былинахъ. Такъ, Идолище Поганое посылаетъ къ Владимиру требовать, чтобы князь

„Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника“.

(Рыбник. I, 85).

Угрозы — однѣ и тѣже. Кастрюкъ, какъ мы видѣли, хочетъ взять въ плѣнъ и московское царство, и самаго царя, брать пошлины съ московскихъ людей, „запереть всю каменну Москву“ и т. п. Враждебныя, темныя силы, пріѣзжающія къ Владимиру или вѣрнѣе, на Владимира, обнаруживаютъ такіе же замыслы. Батый, подступивъ подъ Кіевъ, похваляется:

„Сильныхъ богатырей подъ мечъ склоню [1]),
Князя со княгинею въ полонъ возьму;
Божьи церкви на дымъ спущу“ и т. д.

(Кирѣевск. VI, 41).

Самый процесъ единоборства Кастрюка весьма сходенъ въ главныхъ подробностяхъ съ единоборствомъ богатырскаго эпоса, которое вообще играетъ въ этомъ послѣднемъ весьма важную роль. Наиболѣе часто, какъ мы уже замѣтили выше, встрѣчается здѣсь, въ концѣ битвы, „вылупленіе изъ платья“, вытряхиваніе. Васенька Хромоногенькой „изъ платья его (Кастрюка) нагого вылупилъ“ [2]); Иванушка Маленькій спрашиваетъ у царя:

[1]) О такомъ-же „склоненіи подъ мечъ“ говоритъ Иванъ, разсказывая о взятіи Казани.

[2]) Въ сборникѣ Якушкина напечатано: *ногой* вылу-

„Еще какъ мнѣ-ка съ нимъ идти боротися:
Еще или намъ рука-нога вонъ выворотить,
Еще или намъ буйна́ голова выставить,
Изъ рубашки-ли повылупить?“

(Кирѣевск. VI, 160).

Точно также поступаетъ Илья Муромецъ съ Идолищемъ. Онъ—

. . . бросилъ татарина о дубовый полъ,
И тутъ ему руки и ноги повыломалъ,
И глаза-то ему повыкопалъ,
И изъ платья вонъ повытряхнулъ.

(Рыбн. III, 31).

Затѣмъ, слѣдуетъ въ пѣснѣ подбрасываніе вверхъ (см. выше, стр. 29). Въ былинахъ Владимирова цикла оно встрѣчается очень часто. Илья подбросилъ злого татарченка „повыше дерева стоячаго, пониже облака ходячаго“ [1]); тоже дѣлаетъ онъ съ Бориской, Збутомъ Королевичемъ, и т. п. [2]).

пилъ; издатель сборника Кирѣевскаго справедливо поправилъ *нагого*.

[1]) Кирѣевск. I, 6.

[2]) Ibid. 10, 12. Не наше дѣло говорить здѣсь о значеніи всѣхъ этихъ единоборствъ, подбрасываній и т. п., только *зашедшихъ* въ историческую пѣсню, но составляющихъ спеціальную принадлежность произведеній, не входящихъ въ кругъ нашего изслѣдованія; значеніе это, какъ и вообще миѳическая сторона богатырскаго эпоса, съ самою большою полнотою разъяснены въ сочиненіи г. Миллера: „Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса.“ Мы просто отмѣчаемъ здѣсь главные факты, свидѣтельствующіе о близости эпоса богатырскаго съ эпосомъ историческимъ.

Ломанье ногъ, выкапыванье глазъ, киданье о земь и т. п. тоже прямо взяты изъ былинъ Владимирова цикла. Припомнимъ для примѣра былину о Потыкѣ, которому

„Теменемъ языкъ повытянули
Ясны очушки ему повыкопали“ [1],—

и только что приведенную цитату о поединкѣ Ильи Муромца съ Идолищемъ.

Результатъ единоборства въ многихъ варіантахъ пѣсень о Кастрюкѣ тотъ же, что и въ пѣсняхъ о борьбѣ съ *злыми татарами*. Кастрюкъ убѣгаетъ со словами:

„Да не даі Богъ мнѣ больше бывать
Въ твоей каменной Москвѣ,
А не то бы мнѣ, да и дѣтямъ моимъ.“
(Кирѣевск. VI, 143).

Въ былинѣ о нашествіи Калина, татары, убѣгая отъ Ильи Муромца, заклинаются:

„Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,
Не дай Богъ намъ видѣть русскихъ людей!“
(Древн. Рос. Стихотв. 281).

Точно тоже Батыга, уѣзжая въ свою землю, „проклинается:“

„Не дай, Боже, бывать,
И подъ Кіевъ стоять.“

На сверхъестественныя свойства и внѣшность Кастрюка мы уже указывали. Въ былинахъ его змѣиному шипу и звѣриному реву соотвѣтствуютъ

[1]) Такую же князь Иванъ Грозный готовилъ своему сыну. Кир. VI, 57).

такія-же дѣйствія Соловья-Разбойника; его походку, отъ которой „переклады сгибаются, подмосты колыблются“ встрѣчаемъ напр. у Ильи Муромца и Добрыни, подъ которыми тоже, когда они идутъ, „ступененки, мостинки подгибаются“ [1]; его прыганье черезъ столы также не диковинка для богатырей; это дѣлаютъ даже женщины, напр. жена Добрыни [2]; отъ него „ползаютъ на корачкахъ“ точно такъ же, какъ поползъ Владимиръ отъ свиста Соловья-Разбойника.

Борцы, одерживающіе надъ Кастрюкомъ побѣду, неоднократно дѣйствуютъ въ былинахъ. У

---

[1]) Рыбник. I, 99, 100.

[2]) Рыбник. I, 145. Скачущимъ представляется, между прочими, Дунай Ивановичъ. Ibid. 190. Въ новгородскомъ циклѣ одною погою переступаетъ черезъ дубовый столъ Василій Буслаевъ,—и его дѣйствія въ слѣдъ за тѣмъ живо напоминаютъ послѣдствія скачка Кастрюка, хотя не въ столь трагической формѣ:

„Онъ лѣвой ногой въ гридню столовую,
А правой ногой за дубовый столъ,
За дубовый столъ, въ большой уголъ,
И тронулся на лавочку въ пестно углу,
И попехнулъ Василій правой рукой,
Правой рукой и правой ногой:
Всѣ стали гости въ пестно углу;
И тронулся на лавочку къ верно углу,
И попехнулъ лѣвой рукой, лѣвой ногой:
Всѣ стали гости на новыхъ сѣняхъ.
Другіе гости—перепалися,
Отъ страху по домамъ разбѣжалися.

(Рыбник. I, 339).

Владиміра, какъ у Ивана, есть свои борцы, спеціально занимающіеся этимъ дѣломъ.

„Таковы люди были въ Кіевѣ,
Нарочны борцы, удалы молодцы".

(Кирѣевск. IV, 63).

И указывается даже число ихъ—семь. Но по описанію, противникамъ Кастрюковымъ болѣе соотвѣтствуютъ драчуны изъ цикла новгородскаго. Потанька и Васенька дѣйствуютъ какъ товарищи Василія Буслаева, при чемъ и прозвища ихъ остались одни и тѣ же, только съ нѣкоторыми измѣненіями; (такъ въ пѣснѣ о Кастрюкѣ *хроменькимъ* являются Вася и Илеюшка, а *маленькимъ* Иванушка, а въ пѣсняхъ о Василіѣ Буслаевѣ хроменькимъ видимъ Потанюшку, маленькимъ—Васеньку). Но эти измѣненія конечно не имѣютъ никакого значенія, составляя явленіе весьма частое и естественное; для насъ гораздо важнѣе, что и тутъ и тамъ за русскими борцами сохранился характеръ убожества, *видимой* физической слабости, не мѣшающій имъ однако являться богатырями въ борьбѣ съ темными, враждебными силами, которыя и по внѣшности — существа сверхъестественныя. Васенька Хромоногенькій „на лѣву ножку припадываетъ, по двору прихрамываетъ", а между тѣмъ одной этой ножкой онъ подхватываетъ громаднаго Кастрюка и мечетъ его о кирпичный полъ съ такою силою, что у татарина „на брюхѣ кожа треснула" и „на хребтѣ кожа лопнула" [1]). Потанюшка,

[1]) Якушкинъ, 73.

Буслаевскій товарищъ, тоже „на праву ножку припадываетъ, на лѣву ножку прихрамываетъ", что не мѣшаетъ ему, въ сообществѣ Котельной Пригарины, выдерживать въ теченіе трехъ сутокъ бой со всѣмъ Новгородомъ, или стоять, не шелохнувшись, такъ что даже „черныя кудри не тряхнутся", когда Буслаевъ, со всего размаха, бьетъ его въ голову червленнымъ вязомъ [1]).

Презрѣніе богатыря къ повидимому слабымъ противникамъ выражается также и въ былинѣ и въ исторической пѣснѣ одинаково, въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ. Какъ Кастрюкъ хвалится, что онъ своихъ поединщиковъ „на ладонь посадитъ, другой рукой раздавитъ", такъ и Идолище Поганое говоритъ объ Ильѣ Муромцѣ:

„Кабы былъ здѣсь Илья Муромецъ,
На долонь бы посадилъ, да другой прижалъ,
Межъ долонями мокро бы повыжалось".
(Кирѣевск. IV, 24).

Пропускаемъ другія мелкія подробности, роднящія поединщиковъ Кастрюковыхъ съ личностями богатырскаго эпоса и остановимся еще на одномъ лицѣ, въ которомъ это родство выражается весьма ясно и характеристично. Это—Марья Темрюковна, жена Ивана Грознаго.

Личность несомнѣнно историческая [2]), она однако стоитъ на миѳической почвѣ, являясь колдуньей, чаровницей, вообще одною изъ тѣхъ тем-

[1]) Кирѣевск. V, 4, 6, 11.
[2]) Ист. Гос. Рос. Т. IX, 20.

ныхъ силъ, олицетворенныхъ въ видѣ женщины, съ которыми мы такъ часто встрѣчаемся въ старыхъ былинахъ. Такое изображеніе Марьи Темрюковны имѣетъ, какъ мы увидимъ ниже, и чисто историческое основаніе; здѣсь укажемъ на черты, роднящія эту женщину съ женщинами былинными.

Описаніе ея въ пѣснѣ уже извѣстно намъ; припомнимъ подробность о ядовитыхъ рубашкахъ [1]. Точно также дѣйствуетъ и соблазнительница Добрыни, Марина, (къ которой ближе всего подходитъ Марья Темрюковна, можетъ быть по сходству въ именахъ), только вмѣсто ядовитой рубашки—здѣсь отравленный напитокъ. Увидѣвъ Добрыню, Марина

Выбѣгала изъ палаты бѣлокаменной,
Брала его за ручку за правую,
Вела его въ палату бѣлокаменну
И ставила столы бѣлодубовы,
Стлала она скатерти бранныя,
Несла всякую ѣству сахарнюю,
Подносила ему чару зелена вина,
А въ чарѣ *змѣининой силы положено,*
Подаваетъ кобелю мелединскому:
Разрываетъ кобеля мелединскаго.

(Рыбник. I, 173).

Даромъ оборотничества Марья Темрюковна тоже сближается съ „лихими женщинами" героическаго эпоса. Послѣ пораженія Кастрюка, она

---

[1] См. выше, стр. 23.

видя, что Грозный не только не сочувствуетъ ея горю,но еще насмѣхается надъ нимъ,—

„Защекотала сороченькой
Полетѣла съ каменной Москвы,

подобно тому какъ Марина, соблазнительница Добрыни, обертывалась перепелкой или была оборӑчиваема въ суку [1])—или какъ Авдотья Лиходѣевна принимала видъ бѣлой лебеди и змѣи.

Какъ начинаетъ изводить Ивана Грознаго эта жена (см. выше стр. 23), такъ Марина „истратница" извела девять добрыхъ молодцевъ [2]).

Указанное родство богатырской и исторической пѣсни обусловило собою взаимный переходъ изъ одной въ другую разныхъ дѣйствующихъ лицъ той и другой,—явленіе, постоянно встрѣчающееся въ народной поэзіи, произведенія которой, уже потому, что авторъ ихъ—постоянно одинъ и тотъ же народъ, никогда не утрачиваютъ связи между собою, каково бы ни было ихъ содержаніе или характеръ.

Изъ богатырскаго эпоса въ пѣсни объ Иванѣ Грозномъ перешло весьма немного лицъ. О товарищахъ Василія Буслаева, явившихся поединщиками Кастрюка, мы уже упоминали; кромѣ ихъ,

[1]) Маринѣ предстояло обернуться и „сорокою погуменною", но не совершилось это только потому, что она исполнила приказаніе матери Добрыни. (Рыбн. II, 12).

[2]) Рыбн. II, 11.

встрѣчаемъ Чурилу Пленковича въ видѣ палача, замѣняющаго Малюту Скуратова, въ пѣснѣ, разсказывающей о покушеніи царя на жизнь сына [1]). Почему именно Чурило Пленковичъ появляется въ такой роли—понять мудрено; по всей вѣроятности, это простая случайность, такъ какъ былинный Чурило не имѣетъ въ себѣ рѣшительно ничего, что могло бы хоть издалека породнить его съ свирѣпымъ палачемъ Ивана Грознаго и вообще людьми этой профессіи. Былина представляетъ намъ его богатымъ, нѣжнымъ красавцемъ, передъ которымъ, когда онъ идетъ, несутъ подсолнечникъ, чтобъ солнце не запекло его бѣлаго лица,—донъ-Жуаномъ, сводящимъ съ ума дѣвушекъ, молодыхъ женъ и старыхъ,—легкимъ и изящнымъ до того, что когда онъ по городу погуливалъ, то

Подъ нимъ травка-муравка не топчется,
Лазоревый цвѣточекъ не ломится,
Зеленъ кафтанъ на немъ не тряхнется,
(Кирѣевск. VI, 87).

Г. Безсоновъ находитъ въ пѣсняхъ объ Иванѣ и Алешу Поповича, принимая за него тоже поставленнаго вмѣсто Малюты Скуратова, Алешу Малютина [2]); но такъ какъ здѣсь сходство только въ первомъ имени — (а имена, какъ извѣстно, въ народныхъ пѣсняхъ весьма часто перепутываются и измѣняются)—то мы не видимъ основанія согласиться съ этимъ замѣчаніемъ.

---

[1]) Рыбн. I, 392.
[2]) Кирѣевск. VI, 95

Гораздо больше лиць перешло изъ исторической пѣсни въ чисто эпическую.

Во первыхъ, самъ Иванъ Грозный со своимъ сыномъ Өедоромъ Ивановичемъ.

Въ 3-мъ томѣ Рыбниковскаго сборника помѣщена (стр. 319) пѣсня съ совершенно сказочнымъ характеромъ „о царствѣ подсолнечномъ, царѣ Иванѣ Васильевичѣ и царевичѣ Өедорѣ Ивановичѣ". Этотъ Иванъ Васильевичъ, сынъ какого-то царя Василія Михайловича, не имѣетъ въ первой половинѣ пѣсни ничего общаго съ Иваномъ Грознымъ; тутъ сходство только въ именахъ. Онъ просто сказочный герой, летающій на орлѣ въ подсолнечное царство и тамъ вступающій въ тайную связь съ царевной Марьей Лиховидевной. Отъ этого сожительства рождается сынъ Өедоръ Ивановичъ, тоже не имѣющій ничего общаго съ историческимъ Өедоромъ. Но вотъ Иванъ Васильевичъ узналъ про тайную связь своего сына съ дочерью великаго боярина, Анной Дмитріевной. „Голь кабацкая" доноситъ объ этомъ царю,—доноситъ, что Өедоръ, котораго она считаетъ богатымъ купцемъ, потому что онъ скрываетъ свое происхожденіе и торгуетъ въ лавкѣ, — ходитъ къ своей возлюбленной въ поздніе ночные часы, между тѣмъ какъ—

въ тую пору, во то время,
Дѣлалъ царь указы строгіе,
Не велѣлъ никуда поздно ходить.

Тутъ чисто сказочный характеръ царя измѣняется; его уже начинають называть „грозный

царь Иванъ Васильевичъ“, и онъ является дѣйствительно грознымъ царемъ. Онъ велитъ „палачамъ немилосливымъ“ отрубить сыну, котораго онъ тоже принимаетъ за купца, голову, при чемъ самъ командуетъ посредствомъ троекратнаго маханья платка. Но палачи, снявъ съ Ѳедора купеческую одежду, увидѣли подъ нею одежду царскую и, не рѣшившись казнить царевича, заявляютъ объ этомъ отцу.

Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ увидѣлъ сына любимаго,
Бралъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ во уста во сахарныя.

Такимъ образомъ, въ сказку чисто-миѳическаго свойства вошла въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, но съ сохраненіемъ сущности, исторія покушенія Ивана Гроснаго на жизнь сына. Несомнѣнно, что одною изъ причинъ такого смѣшенія послужило сходство въ именахъ дѣйствующихъ лицъ; но съ другой стороны весьма вѣроятно и то, что тутъ играли роль и другія, болѣе внутреннія, причины, впрочемъ въ тѣсномъ соединеніи съ этою внѣшнею: измѣненіе сказочнаго царя въ дѣйствительнаго совершилось очевидно или въ царствованіе этого послѣдняго, или скоро послѣ него, и вотъ, по аналогіи съ строгимъ сказочнымъ царемъ, „публикующимъ строгіе указы“, явился дѣйствительно Грозный царь; по аналогіи съ сказочнымъ сыномъ, обманывающимъ отца—сынъ исторической пѣсни, тоже измѣняющій отцу; наконецъ, по ана-

логіи съ счастливою развязкою, большею частію употребительною въ сказкахъ—счастливое избавленіе сына въ той же исторической пѣснѣ. Впечатлѣніе, произведенное событіемъ, которое послужило предметомъ пѣсни въ стольких, какъ мы видѣли, пересказахъ, было такъ сильно, что при первомъ удобномъ случаѣ исторія замѣнила сказку.

Никита Романовичъ зашелъ въ пѣсни, предшествующія его времени, тоже какъ замѣна другого лица, въ такой же точно роли. Именно, онъ замѣнилъ князя Романа Дмитріевича, главное дѣйствующее лице пѣсни о двухъ братьяхъ, двухъ Ливикахъ (Рыбн. I, 422 и III, 277). Замѣнилъ во многихъ подробностяхъ, почти безъ измѣненій. Никита, какъ и Романъ Дмитріевичъ,

—отправился во чисто поле,
Обернулся онъ сѣрымъ волкомъ,
Конюшекъ у нихъ всѣхъ повыдавилъ;
Обернулся онъ добрымъ молодцемъ,
Замочишки въ оружьишкахъ всѣ повы-
щербилъ,
Сабелки у нихъ всѣ повытупилъ,
Тесочики у нихъ всѣ повыломалъ".
(Рыбник. IV, 95).

И далѣе, онъ—горностаи (въ пѣснѣ *горносталь*) и черный воронъ. Сходство именъ и здѣсь помогло, хотя не въ такой степени, потому что тутъ имя только напомнило отчество; но и въ этомъ случаѣ причина эта не единственная: вѣдь Никита

Романовичъ, какъ мы видѣли, и въ историческои пѣснѣ — человѣкъ, обладающій богатырскими, сверхъестественными свойствами.

Кромѣ этого случая, мы встрѣчаемъ имя Никиты Романовича въ пѣсняхъ о Добрынѣ, гдѣ онъ является его отцемъ [1]). Трудно, конечно рѣшить, историческій-ли это Никита зашелъ въ былину, или существуетъ онъ въ ней самъ по себѣ; мы склоняемся впрочемъ къ первому предположенію, потому что въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Добрынѣ отецъ его называется просто Никитою.

Переходя въ старѣйшія пѣсни, Никита не переноситъ туда съ собою ничего изъ своихъ *историческихъ* свойствъ и отличій. Съ такимъ же отсутствіемъ своего историческаго характера является въ былинахъ Владимирова цикла Ермакъ, играющій въ нихъ весьма замѣтную роль. Онъ племянникъ Ильи Муромца [2]), а по другимъ пересказамъ—и князя Владимира [3]). Ему всего двѣнадцать лѣтъ, въ чемъ онъ сходенъ съ юношей Иваномъ Даниловичемъ, который, тоже будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, отправляется, для успокоенія Владимира, биться съ татарами и по-

[1]) Кирѣевск. II, 5.

[2]) Изв. Акад. Наукъ т. II, въ Прибавленіяхъ.

[3]) Рыбник. I, 102. Полагаемъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ слово „дяденька", съ которымъ Ермакъ обращается къ князю Владимиру, не означаетъ родства, а употреблено въ такомъ смыслѣ, въ какомъ и теперь употребляется оно младшими, особенно дѣтьми, въ разговорѣ со старшими. Вѣдь Владимиръ называетъ Ермака тутъ-же „младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ дитя неразумное".

биваетъ всю силу невѣрную[1]); онъ „младешенекъ, глупешенекъ", но тѣмъ не менѣе, онъ совершаетъ дѣла, которыя подъ стать любому богатырю [2]). Онъ бьется съ Мамаемъ, осадившимъ Кіевъ, цѣлыхъ двѣнадцать дней, (по другимъ пересказамъ трое сутокъ или сутки), и бьется такъ, что другимъ богатырямъ приходится сдерживать его. Самъ Илья Муромецъ проситъ его: „укроти свое сердце богатырское"! На его могучія плечи друзья-богатыри накладываютъ „храпы", но онъ разрываетъ ихъ и наконецъ умираетъ отъ полученныхъ ранъ, истощенія силъ, при чемъ пѣсня замѣчаетъ: „кровь-то въ немъ была очень млодая". Этими послѣдними словами и вышеприведенными указаніями на возрастъ Ермака, на его отношенія къ Ильѣ, какъ къ старшему дядѣ, опредѣляется значеніе Ермака, какъ представителя самаго молодого, какъ бы уже послѣдняго, поколѣнія богатырей,—и г. Миллеръ справедливо замѣчаетъ, что Ермакъ является относительно Ильи совершенно въ томъ положеніи, въ какомъ самъ Илья въ нѣкоторыхъ былинахъ о нашествіи царя Калина, является относительно Самсона, старшаго богатыря [3]).

---

[1]) Кирѣевск. III, 42.

[2]) Содержаніе всѣхъ былинъ о Ермакѣ и Ильѣ Муромцѣ очень хорошо изложено въ вышеупомянутомъ сочиненіи г. Миллера: „Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса". (Стр. 697—710).

[3]) Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ русскаго эпоса, стр. 698.

Перенесеніемъ Ермака въ богатырскій эпосъ доказывается въ данномъ случаѣ лучше, чѣмъ всякимъ другимъ фактомъ, сродство богатырскаго эпоса съ эпосомъ историческимъ. Появленіе въ первомъ самаго Грознаго и Никиты Романовича, не смотря на нѣкоторыя, такъ сказать, внутреннія причины, о которыхъ упомянуто выше, все таки въ большей степени случайное—послѣдствіе случайнаго совпаденія именъ; тутъ нельзя даже съ положительностью рѣшить, дѣйствительно-ли, не смотря на полное сходство въ именахъ, подъ носящими эти имена и являющимися въ томъ и другомъ отдѣлѣ пѣсень лицами, разумѣются, или, вѣрнѣе, разумѣлись одни и тѣ же лица; Никита Романовичъ, напримѣръ—имя весьма обыкновенное въ русскихъ святцахъ, и авторъ-народъ, выводя богатыря-оборотня Никиту, можетъ быть, и не думалъ о томъ Никитѣ, котораго онъ сдѣлалъ любимымъ героемъ своей исторической пѣсни. Въ пѣсняхъ о Ермакѣ дѣло совсѣмъ иное. Самое имя „Ермакъ", да еще Тимоѳеевичъ, не встрѣчающееся нигдѣ больше, опредѣлительно указываетъ, что Ермакъ-богатырь и Ермакъ, покоритель Сибири— одни и тѣ же лица. А чуть это такъ, то такое обстоятельство для насъ весьма важно: мы видимъ изъ него, какъ народъ, живя уже совершенно историческою жизнью, былъ въ такой степени проникнутъ эпичностью своего прошедшаго, что какъ только появился на его исторической аренѣ воинъ-герой, завоевавшій для своего царя цѣлое чужеземное царство, герой, рѣзко выдавшійся

изъ ряда другихъ военныхъ дѣятелей той эпохи, — онъ, народъ, поспѣшилъ опредѣлительно сроднить его съ своими древними богатырями, сдѣлать его преемникомъ ихъ силы, ихъ такой-же готовности служить своему отечеству противъ иноземныхъ враговъ. Подъ вліяніемъ такого великаго событія, какимъ должно было представляться народу завоеваніе сибирскаго царства, одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ Иванова царствованія,—въ порывѣ увлеченія, народъ даже упустилъ изъ виду ту черту, которую онъ, конечно безсознательно, (ибо народное творчество не историческое изслѣдованіе, входящее въ разсмотрѣніе *причинъ* событія) провелъ въ Ермакѣ историческомъ и которая отличаетъ этого послѣдняго отъ богатырей вообще и Ермака-богатыря въ частности: богатыри дерутся съ татарами только по одному душевному побужденію — чисто патріотическому чувству (мы оставляемъ въ сторонѣ миѳическое значеніе этихъ боевъ); Ермакъ вступаетъ въ войну съ сибирскимъ царемъ отчасти изъ чувства самосохраненія. Когда его товарищи-атаманы вспоминаютъ о своихъ разбояхъ, о гнѣвѣ, который должно возбуждать ихъ поведеніе въ царѣ Иванѣ Васильевичѣ и говорятъ:

„Тебѣ, Ермакъ, быть тамъ повѣшенымъ,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ“—

Ермакъ успокоиваетъ ихъ обѣщаніемъ „заслужить передъ Грознымъ Царемъ вину свою;“ онъ завоюетъ царство Сибирское, возьметъ въ плѣнъ Кучума—

„И за то-то государь царь насъ пожалуетъ,“
и, пріійдя къ царю, скажетъ:

„Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство Сибирское!“
(Кирѣевск. VI, 40, 41).

Эту черту, говоримъ, самъ же народъ упустилъ изъ виду; для него остался на первомъ планѣ только фактъ завоеванія, проявленіе силы, могущества одного изъ своихъ,—а эти свойства воскресили передъ нимъ его древнихъ богатырей, память о которыхъ переходила въ пѣсняхъ изъ рода въ родъ. Съ этой стороны мы даже придаемъ особенное значеніе тому обстоятельству, что Ермакъ перешелъ въ былины безъ всякаго сохраненія своего историческаго характера, ибо оно показываетъ, что такое перенесеніе было далеко не случайное, не простая вставка позднѣйшаго сочиненія въ старѣйшее, не смѣшеніе разныхъ эпизодовъ въ слѣдствіе забывчивости пѣвцовъ и тому подобныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Смотря на вопросъ съ этой точки зрѣнія, мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Безсоновымъ, который, замѣчая, что въ „былинахъ, образахъ и очертаніяхъ, заключающихъ былевое творчество Владимирово или Кіевское, передается *умираніе* богатырства и цѣлаго порядка вещей, съ нимъ связанныхъ“, говоритъ: „Дальше этого рубежа былины Владимировы не переходятъ. Все, что было позднѣе, не вносится въ кругъ Владимировъ; заносятся лишь два-три имени, напримѣръ Мамай, поле Кули-

ково, Ермакъ, но заносятся такъ, что ихъ легко отдѣлить, какъ постороннюю вставку . . . Ермакъ не покоряетъ Сибирь, не служитъ Москвѣ, а служитъ Кіеву и Владимиру, притомъ такъ, что творчество само помогаетъ намъ отдѣлить эту личность отъ эпохи богатырской, изображая Ермака племянникомъ Ильѣ, дитею двѣнадцати лѣтъ, крайне младшимъ, зашедшимъ изъ эпохи другой, назначеннымъ для эпохи позднѣйшей" [1]. „Не говоря уже о томъ, что богатырство еще долго не умираетъ и что элементы его проявляются даже въ Петровскихъ пѣсняхъ, мы думаемъ, что именно то служеніе Ермака не Москвѣ, а Кіевѣ и Владимиру, о которомъ говоритъ г. Безсоновъ, свидѣтельствуетъ противъ занесенія его личности въ былину только въ видѣ посторонней вставки; потому-то именно и трудно отдѣлить повѣствованіе о немъ, что личность его совершенно, такъ сказать, отождествилась съ личностью другихъ богатырей. Отдѣлить такимъ образомъ можно-бы, пожалуй, Добрыню, и Алешу, и всѣхъ товарищей, вмѣстѣ очищающихъ землю русскую отъ врага.

Мы замѣтили выше, что Ермакъ богатырскаго эпоса ничѣмъ не напоминаетъ Ермака исторической пѣсни. Дѣйствительно, въ *фактическомъ* отношеніи тутъ нѣтъ никакого сходства, развѣ только то, что оба они дерутся съ чужеземными силами и оба погибаютъ въ этомъ бою; но уже въ исторической пѣснѣ видны, такъ сказать, нѣкоторыя

---

[1]) Кирѣевск. IV, Замѣтка, CL.

наслоенія, которыя какъ будто указываютъ, что со временемъ герои ея перейдетъ въ богатырскій эпосъ гораздо полнѣе. Въ пѣснѣ, напечатанной у Сахарова [1]), Ермакъ, отправляясь къ Ивану,

Вдѣвалъ свою уздечку тесмяную,
Накладывалъ портники бѣлы бумажны,
И накладывалъ свое сѣдельцо черкаское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шел-
ковыхъ,
Не для красы, а для крѣпости.

Этотъ пріемъ сѣдланья коня весьма часто встрѣчается въ богатырскихъ пѣсняхъ; стоитъ раскрыть любую страницу пѣсень, чтобъ наткнуться на него. Вотъ одинъ примѣръ изъ множества: Дюкъ Степановичъ—

Сталъ онъ сѣдлать-уздать добра коня.
Кладалъ онъ потники на потники,
Войлоки кладалъ на войлоки,
На верехъ кладалъ ковано сѣдло черкаское,
Подтягивалъ двѣнадцатью подпругами бога-
тырскими,
Натягивалъ тринадцату продольную,
Не для ради красы-басы,
А для ради укрѣпы богатырскія.

(Рыбн. II, 160).

Въ пѣснѣ, записанной у Кирши Данилова, казаки, съ Ермакомъ во главѣ, пируютъ за столами „дорогъ рыбій зубъ“ (стр. 109), т. е. столами изъ

[1]) Сказанія Русскаго Народа, т. I, 244.

того же матеріала, изъ котораго сдѣланы кровать Ильи-Муромца, *бесѣда* Соловья Будиміровича, подворотня, служащая преградою Волхву Всеславьевичу [1]). Играютъ они „золотыми тавлеями, дорогими вальящатыми,“ (стр. 107) — тоже нерѣдко встрѣчающаяся забава богатырей, напр. въ былинѣ о нашествіи Калина [2]).

Мы назвали эти подробности наслоеніями по слѣдующему соображенію. На близкихъ современниковъ даннаго событія это послѣднее дѣйствуетъ не такъ обаятельно-поэтически, какъ на поколѣнія послѣдующія; чѣмъ далѣе событіе, имѣющее героическій характеръ, отодвигается въ область прошедшаго, тѣмъ легендарнѣе становится оно въ глазахъ народа. Историческая пѣсня слагается по горячимъ слѣдамъ событія; поэтому въ нее прежде всего заносится самый *фактъ*; чѣмъ далѣе отодвигается событіе, чѣмъ болѣе разносится пѣсня, тѣмъ обильнѣе украшаетъ она первый текстъ цвѣтами фантазіи. Этимъ процессомъ творчества объясняемъ мы то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ нашихъ историческихъ пѣсняхъ изложеніе доходитъ до самаго простого фактическаго разсказа — простого до извѣстнаго рода сухости. Примѣромъ можетъ служить напечатанная въ VII вып. сборника Кирѣевскаго (стр. 21), поразительно вѣрная въ историческомъ отношеніи и лишенная *всякой* примѣси фантазіи пѣсня о подвигѣ Минина и Пожарскаго

---

[1]) Рыбн. I, 103, Древн. Рос. Стих. 3 и 51.
[2]) Рыбн. I, 101.

и послѣдовавшемъ затѣмъ избраніи Михаила Θеодоровича. Весьма можетъ быть, что еслибъ нашелся другой, позднѣйшій пересказъ этого же самаго событія, то въ немъ мы нашли бы уже присутствіе чисто эпическаго, былиннаго элемента, какъ это мы видимъ въ пѣсняхъ о первомъ Самозванцѣ. Именно, въ томъ же выпускѣ сборника Кирѣевскаго, (стр. 62), напечатана пѣсня, записанная раньше 1688 г. [1]). Въ ней исторія вопаренія Гришки Отрепьева разсказана безъ всякихъ фантастическихъ подробностей и, напротивъ, совершенно вѣрно въ историческомъ отношеніи [2]). У Кирши же Данилова (стр. 102), тоже самое событіе обставлено уже нѣсколько иначе: Марина обертывается сорокою и вылетаетъ вонъ изъ дворца. Скажутъ, можетъ быть, что мнѣніе наше имѣло бы силу только въ томъ случаѣ, если бы мы могли доказать положительными данными, что тѣ пересказы, въ

[1]) „Она написана—говоритъ издатель сборника—на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII в.; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами надписала: „въ 196м году въ 7и тысяче“ т. е. 1688 г. Слѣдовательно, первая, неисправленная рукопись старше 1688 г. и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности близка періоду Самозванцевъ“.

[2]) Есть, правда, въ этой пѣснѣ уже знакомый намъ былинный посолъ, которому велятъ „говорить не съ упадкою“ и таинственная смерть Самозванца, выраженная словами „гдѣ онъ упалъ и самъ пропалъ“,—но вотъ и все; притомъ, этотъ конецъ (о смерти), приписанъ уже, по объясненію издателя, другою рукою, поправившею первый текстъ.

которыхъ есть элементъ фантастическій, моложе чисто-историческихъ; что, можетъ быть, дѣло происходило совсѣмъ наоборотъ, и подробности, признаваемыя нами за наслоенія, и составляютъ именно первый текстъ. Положительныхъ фактическихъ данныхъ мы конечно не можемъ представить въ слѣдствіе отсутствія ихъ; но спрашиваемъ: когда совершившееся событіе можетъ быть записано или—чтобы выразиться вѣрнѣе въ этомъ случаѣ—воспѣто съ историческою вѣрностью: по горячимъ-ли слѣдамъ его, или спустя нѣсколько времени, когда подробности, не записанныя на бумагѣ и сохраняющіяся только силою словесной передачи, не могутъ сохраняться въ ненарушимости?

Изъ остальныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ, перешелъ въ былинный эпосъ Малюта Скуратовъ, сохранивъ въ большей части случаевъ (хотя этихъ случаевъ немного), свои историческія черты. Онъ занимаетъ иногда мѣсто такихъ лицъ, какъ Путята, Бермята и т. п., очень шаткихъ въ нравственномъ отношеніи [1]); имя его, какъ палача, превратилось въ нарицательное: когда Владимиръ разсердился на Илью Муромца, онъ велѣлъ отвести его въ тюрьму — погреба глубокіе „скурлатамъ немилостивымъ“ [2]). Но есть пѣсня, въ которой тотъ же Ма-

[1]) Кирѣевск. вып. IV, Замѣтка, стр. LVIII.

[2]) Извѣст. Акад. Наукъ т. III, Прибавленія. Издатель сборника Кирѣевскаго, перепечатавшій эту пѣсню (вып. III, стр. 67) указываетъ, что въ собраніи пословицъ Даля есть

люта играетъ и хорошую роль, по крайней мѣрѣ такую, въ которой не сохранилось никакого воспоминанія объ историческомъ Малютѣ: онъ, подобно другимъ богатырямъ, совѣтуетъ Владимиру послать за Дунаемъ, чтобы отправить этого послѣдняго за невѣстой для князя [1]). Почему личность, оставившая въ народѣ такія зловѣщія воспоминанія, вдругъ является обыкновеннымъ богатыремъ, вѣрнымъ слугою Владимира — понять трудно; очень можетъ быть, что это совершенно поздняя вставка, когда о Малютѣ, какъ палачѣ, совсѣмъ забыли, и когда только имя его, по преданію, сохранилось въ народѣ; во всякомъ случаѣ, появленіе его въ этой пѣснѣ не имѣетъ никакого значенія.

Роднясь съ богатырскимъ эпосомъ, историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ не теряютъ связи съ такими же произведеніями послѣдующаго времени и, преимущественно, Петровскими. Согласно предыдущему плану, мы здѣсь разсмотримъ, что̀ сообщили первыя послѣднимъ, и на оборотъ, причемъ будемъ держаться хронологическаго порядка.

Въ пѣсняхъ о Скопинѣ Шуйскомъ, которому, по его собственнымъ словамъ, „славу поютъ до вѣку, отъ стараго до малаго, отъ малаго до вѣку моего“ [2])—встрѣчаемъ неисчезнувшее воспоминаніе о Малютѣ Скуратовѣ.

поговорка, въ которой имя Малюты Скуратова удержалось въ значеніи палача.

[1]) Кирѣевск. Ш, стр. 62.

[2]) Древн. Рос. Стихотв. стран. 281.

Отравляетъ Скопина въ пѣсняхъ о немъ, согласно лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, дочь Малюты „Малютина дочь Скуратова“, „Акулина княгиня дочь Малютина“ [1]).

Въ тѣхъ же пѣсняхъ о Скопинѣ находимъ подробность, которая, по нашему мнѣнію, заимствована, хотя въ измѣненной формѣ, изъ пѣсень объ Иванѣ. Какъ этотъ послѣдній, на пиру у себя хвасталъ, что вывелъ измѣну изъ разныхъ городовъ, такъ Скопинъ похваляется, что „очистилъ царство Московское и велико государство Россійское“ [2]), а по другому пересказу—„когда Москва за Литвою была, въ то время всю Литву разорилъ“.

Собственно подробности пира Шуйскаго зашли, какъ и описаніе пира Ивана, въ историческую пѣсню изъ былины; но, повторяемъ, вышеприведенную подробность считаемъ мы заимствованною изъ пѣсни объ Иванѣ, потому что такого рода похвальба у богатырей Владимировыхъ не встрѣчается.

Въ пѣсняхъ изъ времени Михаила Өедоровича встрѣчаемъ уже извѣстнаго намъ Семена Константиновича Карамышева. Пѣсня изображаетъ его пріѣзжающимъ къ донскимъ казакамъ съ государевымъ указомъ:

Становится младъ посланничекъ посреди круга,
Что читаетъ имъ посланникъ государевъ указъ;

[1]) Древн. Рос. Стих. и Кирѣевск. VII, 9.
[2]) Древн. Рос. Стихотв. стр. 281.

Казаки всѣ *для указа шапки посняли,*
Младъ *посланничекъ не снимаетъ шляпы черныя,*—[1])

и за это, по только что приведенной, напечатанной у Прача пѣснѣ, казаки „за его гордость, изъ стану его выгнали“, а по другому пересказу (Кирѣевск. VII, въ дополненіяхъ, стр. 133), убили. Убійство Карамышева донскими казаками въ 1631 г.—фактъ историческій, только палъ здѣсь не *Семенъ,* а *Иванъ* Константиновичъ Карамышевъ. Въ пѣснѣ о Ермакѣ, какъ мы видѣли. Карамышева и тоже Семена Константиновича, также убиваютъ казаки. *Семенъ* имя не выдуманное. Мы встрѣчаемъ его въ лѣтописи, подъ 1410 г., гдѣ читаемъ: „Князь Данило Борисовичъ Нижнего Новагорода приведе къ себѣ царевича Талыча, и посла съ нимъ изгономъ къ Володимерю боярина своего Семена Карамышева, а съ нимъ 150 татаръ“ и т. д. [2]).

Очевидно, что быть персидскимъ посланникомъ и вообще жить въ царствованіе Ивана Грознаго этотъ самый Карамышевъ не могъ; палъ-ли онъ тоже жертвою убійства, на это историческихъ указаній мы не находимъ, хотя оно или что нибудь подобное очень возможно, если принять въ соображеніе то событіе, съ которымъ соединяетъ его

---

[1]) Собраніе русскихъ народныхъ пѣсень съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку Иваномъ Прачемъ. Спб. 1790 г. стр. 33.

[2]) П. С. Р. Л. VIII, 85.

имя вышеприведенное мѣсто лѣтописи. Но во всякомъ случаѣ, какъ это видно изъ пѣсень, имименно его сохранилось въ народѣ съ той поры, (не даромъ, какъ мы видѣли, и при осадѣ Пскова, онъ—главное дѣйствующее лицо), и когда совершилось убіеніе *Ивана* Карамышева, народное творчество замѣнило это имя уже давно знакомымъ именемъ Семена. Изъ этихъ пѣсень описаніе убійства перешло, какъ позднѣйшая вставка, въ пѣсню о Ермакѣ, или въ этой послѣдней имя Семена Карамышева замѣнило имя какаго нибудь другого лица, тоже испытавшаго подобную участь,—замѣнило или тогда же, если такое событіе съ какимъ нибудь посланникомъ дѣйствительно случилось [1]), или въ то время, когда сложилась пѣсня объ убіеніи Семена (Ивана) Карамышева донскими казаками.

При отсутствіи положительнаго историческаго указанія на что нибудь подобное въ царствованіе Ивана Грознаго и, напротивъ того, при существованіи положительнаго свидѣтельства, что Карамышевъ (Семенъ или Иванъ, это все равно) дѣйствительно былъ убитъ казаками, мы должны склониться въ пользу перваго мнѣнія, что въ пѣснѣ о Ермакѣ описаніе убійства Карамышева—позднѣйшая вставка. Изъ того же, что въ пѣсняхъ вездѣ встрѣчаемъ имя *только* Семена, и нигдѣ—Ивана,

---

[1]) А случиться, это очень могло: „казаки—говоритъ Карамзинъ—разбивая купцовъ, *даже пословъ азіатскихъ*, на пути ихъ въ Москву, грабя самую казну Государеву, нѣсколько разъ заслуживали опалу“. (Ист. Г. Рос. Т. IX, стр. 224).

надо заключить, что *судьбу* послѣдняго народное творчество соединило съ *именемъ* перваго, какъ пользовавшимся большею популярностью, и что если, съ одной стороны, послѣдующая пѣсня дала предыдущей *событіе*, то, съ другой стороны, сообщила послѣдующей *личность*, — и такимъ образомъ, между первою и второю установилась тѣсная связь.

Не можемъ не обратить здѣсь вниманія и на слѣдующее обстоятельство. Есть лѣтописное указаніе [1]), что въ 1536 г. къ Ивану Грозному пріѣхали съ Волги казаки и привезли слѣдующее извѣстіе: „Что казанскіе *князи* Шабанъ князь Епанчинъ, да братъ его Шабалатъ, да *Карамышъ* [2]) съ братомъ своимъ съ Евлушемъ, Хурсуловы братія, и съ ними князей, и мурзъ, и казаковъ 60 человѣкъ изъ Казани вышли, и къ нимъ на островъ изъ судовъ выходили, и стояли, и говорили, и приказали съ ними къ Великому Государю; что Ковгоршадъ царевна, и Булатъ князь въ головахъ, и всѣ Уланы и Князи Великому Князю измѣнили, и Яналея царя убили; а на Казань взяли царемъ изъ Крыма Сафакирея царевича; а насъ въ заговорѣ Казанцевъ Князей и Мурзъ съ пятьсотъ человѣкъ, и мы памятуючи къ себѣ жалованье отца его, Великаго Князя Василія Ивановича, и его жалованіе Великаго Государя Ивана Васильевича, да

---

[1]) Царств. Книга, стр. 52.

[2]) Въ пѣсняхъ Карамышевъ тоже иногда титулуется *княземъ*.

и свою правду, на чемъ есми ему шерть дали; и мы *хотимъ Государю служити великому князю прямо*; и *Государь бы насъ пожаловалъ*" и т. д. Не остался ли этотъ самый Карамышъ служить русскому государю, и не былъ-ли именно онъ тѣмъ посланникомъ въ Персію, о которомъ говоритъ пѣсня? Въ землю восточную могли конечно скорѣе всего послать посланникомъ человѣка, хотя отчасти знакомаго съ языкомъ этой земли; остальные Карамышевы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ царствованіе Іоанна III, а слѣдовательно и ихъ потомки, были люди уже совсѣмъ обрусѣвшіе, (большею частію, у нихъ двойная фамилія: Курбскій-Карамышевъ); татаринъ Карамышъ, только въ царствованіе Ивана Грознаго вышедшій въ Россію и, можетъ быть, оставшійся жить въ своей Казани, какъ по относительной близости жительства къ Персіи, такъ и по вѣроятному знакомству съ восточными языками, могъ удобнѣе всякаго другого изъ своихъ родственниковъ или однофамильцевъ занимать посольскій постъ въ Персіи. Имя же Семена пѣсня могла перенести на него по старой памяти.

Очень характеристично и важно родство пѣсень времени Ивана Грознаго съ пѣснями изъ царствованія Алексѣя Михайловича,—и именно пѣснями о Стенькѣ Разинѣ, занимающими первое мѣсто между относящимися къ этой эпохѣ произведеніями народнаго творчества и вообще представляющими превосходнѣйшіе образцы, этого послѣдняго. Не останавливаясь на причинѣ этой

связи, причинѣ, впрочемъ, очень понятной, если сообразить, что и тѣ и другія пѣсни создавались казачествомъ, что онѣ, захватывая въ себя произведенія и Петровскаго времени [1]), составляютъ какъ бы совершенно особый циклъ казацкихъ пѣсень, въ которыхъ элементъ эпическій необыкновенно художественно смѣшанъ, или, вѣрнѣе, переходитъ въ элементъ лирическій,—не останавливаясь, говоримъ, на причинѣ, укажемъ на данныя, свидѣтельствующія о сродствѣ вышеупомянутыхъ пѣсень.

Въ числѣ товарищей Ермака мы уже видѣли, между прочими, Стеньку Разина; зашелъ онъ сюда съ сохраненіемъ основныхъ чертъ своего историческаго характера: „Стенька Разинъ — говоритъ пѣсня, первая половина которой дошла до насъ въ прозѣ —„учалъ дѣлать дѣла неподобныя: безчинствуетъ безъ пути, рубитъ головы немилостиво, коней въ церкву ставитъ, надъ святынею ругается, не хочетъ знать никого выше себя, самому Ермаку грубитъ. Не захотѣлъ Ермакъ сносить отъ Стеньки эдакія грубости и отказалъ ему“ [2]). Послѣ того, хотя они и помирились, но Ермакъ поѣхалъ къ царю Ивану Васильевичу не съ нимъ, а съ Ванькой Каинымъ; въ этой подробности мы склонны видѣть тоже указаніе на историческій характеръ Стеньки—его гордость, нежеланіе покориться, со-

[1]) См. VIII-й вып. Сборника Кирѣевскаго.
[2]) Рыбн. II. 230.

хранившееся въ немъ, какъ извѣстно, до послѣднихъ минутъ его мучительной смерти [1]).

Но Стенька Разинъ перешелъ въ пѣсни времени Ивана Грознаго и въ другомъ видѣ: народное творчество совершенно сблизило его съ Ермакомъ, и по характеру, и по дѣйствіямъ, сдѣлавъ изъ него, какъ мы видѣли выше, помощника царя Ивана подъ Казанью. Въ эти пѣсни перешло не только имя Стеньки; онъ перенесъ сюда съ собою и ту обстановку, въ которой изображаютъ его пѣсни, относящіяся собственно къ его времени, или сложившіяся въ эпоху послѣдующую. Въ одной пѣснѣ, напримѣръ, атаманы, собирающіеся идти на помощь Ивану подъ Казанью (въ перечисленіи этихъ атамановъ безпрестанно смѣшиваются имена Ермака, Стеньки Разина и Никиты Романовича), говорятъ:

„Мы Астрахань городочекъ пройдемъ съ вечера,
А Саратовъ городочекъ на бѣлой зарѣ,
А Самарѣ городочку мы поклонимся,
Въ Жигулевскихъ горахъ мы остановимся".
(Кирѣевск. VI, 24).

Это—собственно путь Стеньки Разина; одна изъ народныхъ пѣсень о немъ обозначила буквально такими же словами этотъ путь, выразивъ въ нихъ, по мнѣнію г. Костомарова, скорость, съ которою Разинъ совершалъ его [2]).

---

[1]) Н. Костомаровъ. Историческія Монографіи и Изслѣдованія. Т. II, стр. 366.

[2]) Ист. Моногр. и Изслѣд. т. II, стр. 311

Говоря о пѣсняхъ, относящихся къ Ермаку, мы не упомянули объ одной, напечатанной у Кирши Данилова (стр. 310) и изображающей Ермака сидящимъ въ Азовѣ въ темной темницѣ. Проходящій мимо тюрьмы турецкій царь Салтанъ Салтановичъ узнаетъ объ этомъ заточеніи, приказываетъ привести Ермака къ себѣ и на вопросъ, какъ онъ попалъ въ Азовъ, получаетъ въ отвѣтъ, что Ермакъ былъ посланъ изъ Москвы къ турецкому царю съ разными подарками, но на заставахъ „Мурзы Улановья“ ограбили его и, вмѣстѣ съ товарищами, разсадили по темницамъ. Салтанъ Салтановичъ щедро надѣляетъ ихъ и отпускаетъ въ *„каменну Москву“*, но Ермакъ „загулялся по матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ“ и въ Москву не явился. Въ предисловіи къ тому же сборнику, издатель его, Калайдовичъ, сообщаетъ, что рукопись Кирши Данилова оканчивалась „началомъ пѣсни о Стенькѣ Разинѣ“ и приводитъ это начало, состоящее изъ одинадцати стиховъ, почти буквально схожихъ съ первыми стихами вышеупомянутой пѣсни о Ермакѣ [1]). Буквально схожая съ этой послѣднею

[1]) Разнорѣчія самыя незначительныя:

въ 1-й пѣснѣ:	*во 2-й:*
Что на устьѣ—	А на усть.
—	—
На желтыхъ разсыпныхъ пескахъ.	*Этого стиха нѣтъ.*
—	—
А стоитъ крѣпкой	А стоитъ тутъ сланой
—	—

пѣсня напечатана у Сахарова [1]); только въ ней. вмѣсто имени Ермака вездѣ поставлено имя Степана Тимоѳеевича (т. е. Разина). Г. Безсоновъ, относящійся, какъ извѣстно, весьма, даже черезъ чуръ, скептически почти ко всѣмъ пѣснямъ, напечатаннымъ у Сахарова и другихъ собирателей, находитъ, что замѣну Ермака Стенькой Сахаровъ сдѣлалъ вѣроятно, на основаніи вышеприведеннаго сообщенія Калайдовича. Но во 1-хъ, такое подозрѣніе совершенно голословное, а во 2-хъ, г. Безсоновъ тутъ-же самъ говоритъ: „на такія же точно былины являются о другихъ, Безъименныхъ Казакахъ, и даже о Краснощоковѣ, о Чернышевѣ, при чемъ вмѣсто султана прусскій король, а вмѣсто Азова Кистринъ или Берлинъ“ [2]), Если это такъ, то почему же не могли дѣйствительно существовать двѣ, совершенно схожія пѣсни, изъ которыхъ въ одной дѣйствующимъ лицомъ явился Ермакъ, въ другой—Стенька Разинъ, когда эти двѣ личности, какъ мы еще увидимъ ниже, тѣсно соединены

Со стѣною бѣлокаменною,	Со стѣной бѣлокаменной
—	—
Земляными роскатами и рвами глубокими	И со башнями наугольными И со рвами глубокими,
И со башнями караульными,	Съ земляными роскатами
—	И съ рогатками желѣзными.
	—
Стоитъ темная темница	Тутъ стоитъ темная темница.

[1]) Сказан. Рус. Народа, т. I. стр. 249.
[2]) Кирѣевск. VII. Приложенія, стр. 137.

между собой въ народномъ творчествѣ. Конечно, трудно рѣшить, къ кому изъ нихъ первоначально относилась эта пѣсня,—трудно за отсутствіемъ историческаго указанія на что нибудь подобное этому событію. Г. Костомаровъ, правда, говоритъ [1]), что объ этомъ послѣднемъ есть народное преданіе,—и вслѣдъ за тѣмъ приводитъ вышеупомянутую пѣсню изъ сборника Сахарова; но неизвѣстно, дѣйствительно ли есть особое народное преданіе, или г. Костомаровъ о существованіи его заключаетъ только по этой пѣснѣ. Но въ данномъ случаѣ для насъ важно не рѣшеніе вопроса, къ кому изъ двухъ народныхъ героевъ первоначально относилась она, а то обстоятельство, что Стенька и Ермакъ сближены въ такой степени. Сомнѣваться же, какъ дѣлаетъ здѣсь г. Безсоновъ, мы не имѣемъ основанія уже въ слѣдствіе существованія вышеприведеннаго отрывка, столь схожаго по началу съ подробною и оконченною пѣснью; отнести этотъ отрывокъ къ Стенькѣ Разину Калайдовичъ не могъ *отъ себя*, (одно изъ предположеній г. Безсонова), а конечно нашелъ это указаніе въ самой рукописи; иначе, видя такое сходство съ пѣснью о Ермакѣ, почему бы онъ принялъ этотъ отрывокъ за пѣсню о Разинѣ?

Мы не говоримъ здѣсь о такихъ подробностяхъ, которыя общи не только Стенькѣ и Ермаку, но и всѣмъ послѣдующимъ атаманамъ, выводимымъ въ множествѣ казацкихъ пѣсенъ; разборъ этихъ по-

[1]) Ист. Мон. II, 237.

слѣднихъ, по исторической и литературной важности ихъ, могъ бы составить предметъ особаго изслѣдованія. Здѣсь же, близко держась нашего предмета, замѣтимъ, что черты жизни и дѣятельности Стеньки перенесены на Ермака не только изъ пѣсень о первомъ, но и изъ исторіи, изъ преданій. Такъ, въ пѣснѣ, напечатанной въ „Русской Старинѣ" (Корниловича, (см. выше, стр. 53), Ермакъ, винясь передъ царемъ Иваномъ, между прочимъ говоритъ:

„Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-корабли,
„Какъ и тѣ-то корабли все *не орленые*"
(безъ орловъ, гербовъ).

Въ пѣснѣ, напечатаной у Сахарова [1]), такое-же признаніе Ермака;

„Разбивалъ я, Ермакъ бусы-корабли,
И Таксырскіе, и бусурманскіе,
А больше корабли государевы,
Государевы корабелички безъ примѣтушекъ,
Безъ царскаго герба [2]).

Въ извѣстной своей монографіи г. Костомаровъ, приводя разныя преданія о Стенькѣ Разинѣ, между прочимъ разсказываетъ: „Стенька Разинъ, на своей кошмѣ-самолеткѣ-самоплавкѣ перелеталъ съ Дона на Волгу, а съ Волги на Донъ... Не было спуску ни царскимъ судамъ, ни купеческимъ, ни

[1]) Сказанія Р. Народа. т. I, стр. 244.
[2]) Этотъ стихъ, очевидно, книжная, позднѣйшая вставка, какъ бы для объясненія слова „примѣтушекъ".

большимъ, ни мелкимъ: со всѣхъ судовъ Стенька бралъ подать; а кто вздумаетъ обороняться, тѣхъ топилъ, а господъ большихъ ловилъ, да въ тюрьму сажалъ. Вотъ и шлетъ къ нему самъ царь. „Зачѣмъ—говоритъ—ты царскихъ судовъ не пропускаешь?“ А Стенька говоритъ: „Я, молъ, ваше царское величество, *не знаю, какія есть суда царскія, какіе не царскія*“. Царь приказалъ *на всѣхъ царскихъ судахъ ставить гербы*, Стенька поэтому не трогалъ ихъ и пропускалъ и дани не бралъ. Царь за это прислалъ ему въ подарокъ шапку. Только тогда купцы сговорились, да и на свои суда стали ставить гербы, а Стенька, какъ это узналъ, и говоритъ: *„нельзя разобрать, какія суда есть царскія, какія не царскія!“* и *опять со всѣхъ судовъ сталъ брать дань*“ [1]).

Связь между подробностью пѣсни и этимъ преданіемъ такъ ясна, что мы считаемъ лишнимъ останавливаться долѣе на этомъ предметѣ.

Переходимъ теперь къ сродству Ивановскихъ пѣсенъ съ Петровскими — сродству, какъ сейчасъ увидимъ, весьма тѣсному. Связь эту г. Безсоновъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Не смотря на особыя отличія двухъ историческихъ эпохъ, въ самой личной жизни Петра, въ характерѣ его, положеніи и даже въ нѣкоторыхъ событіяхъ его времени давно замѣчено проницательными, хоть и немноготомными, историками, разительное сходство съ Иваномъ Грознымъ; отношенія къ супру-

---

[1]) Историч. Моногр. т. II, 377.

гамъ и сыну дополняютъ собою паралель. Творчествомъ народнымъ развито это сближеніе почти до единства образовъ, до повторенія пріемовъ и красокъ, до тождесловія выраженій. Казни Грознаго какъ будто оживаютъ и уясняются казнями стрѣльцовъ и большого боярина; умолчанная въ пѣсняхъ судьба Петрова сына съ избыткомъ обрисована покушеніемъ Грознаго на собственное дитя свое; Флоръ со своими товарищами отвѣчаетъ Ермаку; борьба Императора съ Драгуномъ напоминаетъ собою живо борьбу Кастрюка, и если Грозный любуется, какъ „Русакъ тѣшится", то въ Петрѣ творчество ступило лишь далѣе, переведя эту потѣху на единоборство самаго государя. Въ особенности же сопоставляетъ пародъ того и другого, выражая ясно свой сходный взглядъ на обоихъ, когда Монастырь, Румянцевъ и Правежъ повторяются тамъ и здѣсь; плачъ отверженной супруги до того роднится при обоихъ, что нужна большая опытность въ признакахъ творчества, дабы различить здѣсь эпохи, отстоящія на полтораста лѣтъ; покореніе Азова передается тѣми же почти образами и словами, что покореніе Казани; плачъ по умершемъ царѣ, начатый въ былинахъ съ Ивана, прошедши промежутокъ годовъ, со всею силою воскресаетъ при гробѣ Петра и лишь отсюда дѣлается первообразомъ для подобныхъ плачей послѣдующихъ. Сопоставленіе это, разумѣется, нисколько не роняетъ Петра: оно выясняетъ намъ образъ и дѣйствительное величіе Ивана. Для народа тотъ и другой стоятъ самыми знаменатель-

ными-точками, или, правильнѣе, образами во главѣ двухъ важнѣйшихъ періодовъ московскаго, былеваго—историческаго творчества: первый собралъ и сосредоточилъ творчество вокругъ лица своего, впервые далъ жизнь, цвѣтность характера и полноту былинамъ московскимъ; второй, по минованіи промежутка, завершилъ ихъ и въ заключительной полнотѣ пронесъ ихъ съ именемъ своимъ по всей Россіи до отдаленнѣйшихъ окраинъ. Только этими двумя образами возбуждено въ равной мѣрѣ творческое настроеніе народа, только на нихъ сосредоточилось до полноты и единства въ московскомъ своемъ періодѣ, только къ нимъ отнеслось съ непрерывнымъ сочувствіемъ" [1]).

Въ нашу задачу не входитъ обсужденіе вопроса о возможности ставить въ паралель Ивана Грознаго и Петра Великаго; (мнѣніе это было высказано г. Бестужевымъ-Рюминымъ въ статьѣ „Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго", напечатанной въ мартовской книжкѣ „Зари" 1871 г. и встрѣтило краснорѣчивое опроверженіе въ статьѣ г. Костомарова: „Личность царя Ивана Васильевича Грознаго", помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы", № 10, 1871 г.). Но такъ какъ въ занимающихъ насъ народныхъ пѣсняхъ эта паралель — если паралелью можно назвать воспѣваніе совершенно отдѣльныхъ лицъ и событій почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ —

---

[1]) Кирѣевск. VIII, Замѣтка, стр. XVII—XVIII.

дѣйствительно существуетъ, то мы должны разсмотрѣть каждую подробность особо, чтобы имѣть возможность прійти къ общему выводу въ этомъ, первостепенной важности, вопросѣ. Г. Безсоновъ, какъ мы видѣли, уже сдѣлалъ перечень частностей, въ которыхъ, по его мнѣнію, народное творчество сопоставляло Петра Великаго съ Иваномъ; но мы сейчасъ увидимъ, что увлекаясь своимъ основнымъ воззрѣніемъ, онъ поставилъ паралельно и такія подробности, которыя не могутъ быть сопоставлены по той или другой причинѣ.

Почти буквально передаются въ тѣхъ и другихъ пѣсняхъ взятіе Казани и взятіе Азова. Взятіе Казани намъ уже извѣстно; Азовъ берутъ точно также, посредствомъ взрыва, и описывается этотъ взрывъ въ такихъ же точно выраженіяхъ:

Подкопы копали все глубокіе,
Бочки закатали съ лютымъ зельемъ,
Съ лютымъ зельемъ, съ чернымъ порохомъ,
Свѣчи прилѣпляли воску яраго:
Свѣчи догорали,—бочки разорвало,
Разметало башни все угольчатыя.

(Кирѣевск. VIII, 64).

Точно также, съ весьма небольшими измѣненіями, касающимися отдѣльныхъ словъ, описаны въ пѣсняхъ о Петрѣ моменты взятія Риги и Шлиссельбурга [1]).

[1]) Въ 4 т. Лѣтоп. Рус. Л-ры, „Русск. Народ. Пѣсни собранныя въ Саратовской губ. А. К. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ“, стр. 36 и 40.

Еще болѣе сходства въ пѣсняхъ о правежѣ. И тамъ и тутъ дѣйствіе на „святой Руси, въ каменной Москвѣ“; и тамъ и тутъ бьютъ за расхищеніе „золотой казны“ монастыря Румянцева, (въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ есть и Соловецкій монастырь); и тамъ и тутъ количество этой казны опредѣлено въ сорокъ тысячъ; и тамъ и тутъ истязуемый „стоитъ не тряхнется, русы кудри не шелохнутся, только горючи слезы изъ глазъ катятся“; и тамъ и тутъ царь допрашиваетъ, за что бьютъ добраго молодца и куда дѣвалась разбитая имъ казна; и тамъ и тутъ отвѣтъ, что пропита она съ голью кабацкою; и тутъ и тамъ полное прощеніе со стороны царя [1]). Въ обоихъ случаяхъ, добрый молодецъ представленъ нагимъ и босымъ, „въ одной сорочкѣ безъ пояса, въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ“; ставятъ его „на бѣлъ-горючъ камень“; когда царь обращается къ нему съ вопросомъ, то „не золотая трубонька вострубила“; когда добрый молодецъ увидѣлъ, что другіе дѣлили между собою золотую казну, то — разсказываетъ онъ въ пѣснѣ Ивановской—

„Подошелъ я, добрый молодецъ, къ сыру
дубу,

---

[1]) Пѣсни о правежѣ, отнесенныя къ Петровскому времени, потому что въ нихъ упоминается Петръ, напечатаны и перепечатаны въ VШ в. сборника Кирѣевскаго, стр. 30 — 38. Что касается до пѣсень о томъ же предметѣ времени Ивана Грознаго, то онѣ цитированы нами въ своемъ мѣстѣ (см. выше, стр. 63).

Ужъ какъ бралъ то я сырой дубъ посередь его,
Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
Какъ отряхивалъ корень о сыру землю:
Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугалися,
Со дѣлу (съ дѣлежа) они со дувану разбѣжалися,
Одному мнѣ золота казна досталася:

(Кирѣевск. VI, 199; перепечатано изъ III т. Изв. Акад. Наукъ).

А въ пѣснѣ Петровскаго времени читаемъ такой отвѣтъ:

„Ухватилъ я черленый вязъ
И ударилъ черленымъ вязомъ по сырой землѣ:
Отъ того удара богатырскаго
Мать сыра—земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбѣгалися,
И оставляли ены золоту казну [1]).

(Рыбник. II, 242).

Затѣмъ, такое-же и, пожалуй, даже большее сходство является" въ описаніи смерти обоихъ царей. И въ Петровскихъ пѣсняхъ, какъ въ Ивановскихъ [2]), пѣсни, относящіяся къ этому событію,

[1]) Вотъ еще одно доказательство сродства съ богатырскимъ эпосомъ пѣсни не только Ивановскаго, но и Петровскаго времени.

[2]) Ср. выше, стр. 60.

состоятъ изъ эпической и лирической части; первую составляетъ описаніе самой смерти, вторую—различные плачи по умершемъ. Кончина Петра описывается подробнѣе, чѣмъ кончина Ивана; въ первомъ описаніи слѣдующія, не встрѣчающіяся во второмъ, подробности: Иванъ представляется уже умершимъ, Петръ—умирающимъ; окружающіе его спрашиваютъ, кому онъ оставляетъ въ управленіе Москву и всю Россію и получаютъ его завѣщаніе. Но есть подробности общія тѣмъ и другимъ пѣснямъ: и Иванъ и Петръ лежатъ въ кипарисномъ гробу; и тутъ и тамъ, чуть царь умеръ,-

„ударили въ большой колоколъ,
Раздается звонъ по матушкѣ сырой землѣ“;

надъ гробомъ и того и другаго,—

„ . . . стоятъ все попы—патріархи,
Они служатъ читаютъ, память отпѣваютъ“ [1]).

То, что мы называемъ лирическою частью, т. е. плачи, представляетъ еще болѣе сходства. О плачахъ надъ гробомъ Ивана Грознаго мы уже кратко упоминали (стр. 61); плачутъ царица и войско; тоже и по смерти Петра. Разница конечно прежде всего въ именахъ плачущихъ: тамъ опредѣлительно называется Мареа Матвѣевна, здѣсь—Катерина Алексѣевна; сходство — въ предметѣ плача: вдова Ивана, обращаясь къ умершему, взываетъ:

[1]) Кирѣевск. VI, 205—207 и VIII, 273—276.

„Безъ тебя все царство помутилося,
Всѣ стрѣльцы-бойцы взволновалися [1]),
Всѣхъ князей-бояръ во тынахъ рубятъ,
А меня-то, Царицу, не слушаютъ“!
(Кирѣевск. VI, 208).

Вдова Петра жалуется, что—

„Всѣ графы-генералы измѣну сдѣлали,
Царски знамены врагу приклонилися,
Россійску армеюшку по полонъ взяли“.
(Кир. VIII, 278)

Плачущее войско и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ представлено въ лицѣ сержанта [2]). Сержантъ Ивановскій плачетъ „у Ивана Великаго, у собора Успенскаго“ въ Москвѣ, Петровскій — въ Петропавловскомъ соборѣ, „въ Петербургѣ въ славномъ городѣ“ [3]). Первый плачетъ:

„Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей-ка часть силенъ дождичекъ,
Примочи-ка ты мать сыру-землю!
Разступись-ка ты, мать сыра-земля,
На четыре ты на всѣ стороны!
Раскройся-ка, гробова доска,

[1]) *Стрѣльцы* здѣсь, конечно, вставка уже Петровскаго времени; но есть пѣсня, въ которой этого позднѣйшаго прибавленія еще нѣтъ: именно, царица жалуется, что безъ царя *народъ* взбунтовался. (Кир. VI, 209).

[2]) Въ одной Петровской пѣснѣ плачетъ, вмѣсто сержанта, „молодой маіоръ“. (Кир. VIII, 292).

[3]) Въ одномъ варіантѣ, Петропавловскій соборъ очутился въ Москвѣ. (Кир. VII, 282).

Распахнись-ка ты, бѣлъ-тонкой саванъ,
Ты возстань, возстань, православный царь.
Царь Иванъ Васильевичъ!
(Кирѣевск. VI, 210).

А вотъ плачъ сержанта Петровскаго:

„Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные,
Разнесите вы снѣги бѣлые,
Разступись ты, мать-сыра земля,
Развались ты, бѣлъ-горючъ камень,
Раскались ты, гробова доска,
Развернись ты, золота парча,
Распахнись ты, бѣлъ-тонкой саванъ,
Ужъ ты встань - проснись, православ-
ный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
(Кир. VIII, 286).

Оба просятъ царя взглянуть на свое войско, при чемъ одинъ говоритъ:

„Твой любимый полкъ въ походъ пошелъ,
Въ походъ пошелъ подъ *Казань городъ*“,

а другой повторяетъ точно тѣже слова, только вмѣсто *Казань-городъ* ставитъ *Азовъ-городъ* и, сообразно этой замѣнѣ, второй сейчасъ же начинаетъ разсказывать: „Мы стояли подъ Азовомъ ровно три годочка“; а первый:

„Подъ Казанью мы подъ городомъ,
Мы стояли подъ нимъ восемь лѣтъ“.

Такимъ образомъ, въ главныхъ основаніяхъ— полное сходство. Затѣмъ, въ Петровскихъ пѣсняхъ

по поводу смерти царя есть нѣсколько прибавленій, уже спеціально принадлежащихъ этому времени, и изъ нихъ нѣкоторыя весьма характеристичны; но мы не останавливаемся на нихъ, какъ на непринадлежащихъ къ предмету нашего изслѣдованія.

Вышеприведенными подробностями ограничивается существенное сходство между Ивановскими и Петровскими пѣснями. Г. Безсоновъ, какъ мы видѣли, указываетъ еще на нѣкоторые пункты соприкосновенія;но съ мнѣніемъ его мы не можемъ согласиться. Прежде однако, чѣмъ объяснить причины этого разногласія, приведемъ еще тѣ частности (лица, предметы и т. п.), которыя общи и тѣмъ, и другимъ пѣснямъ.

Въ изложеніи эпизода о покушеніи Ивана на жизнь сына мы, между прочими жалобами царя, встрѣтили и такую:

„По *ворѣ по Гагаринѣ* заступъ было:
А по царскихъ родахъ и нѣтъ никого".

и тогда же замѣтили, что это имя занесено уже изъ Петровскихъ пѣсенъ [1]). Въ этихъ послѣднихъ Гагаринъ дѣйствительно изображается воромъ. Солдаты прямо говорятъ:

„Заѣдаетъ *воръ Гагаринъ*
Наше жалованье,
Долговое, трудовое,
Малоденежное [2]) —

[1]) См. выше, стр. 39.
[2]) Кирѣевск. VIII, 300.

и описапіе злоупотребленій этого вельможи составляетъ предметъ нѣсколькихъ пѣсень.

Мазепа, занимающій—что весьма понятно—такое видное мѣсто въ Петровскихъ пѣсняхъ, зашелъ въ Ивановскія всего одинъ разъ: мы встрѣчаемъ его товарищемъ Ермака [1]). Пѣсня эта—полу-стихи, полу-проза (о ней мы упоминали выше), къ сожалѣнію и не кончена, и съ пропусками, такъ что нельзя судить, въ какомъ видѣ былъ здѣсь изображенъ Мазепа. Говорится только, что онъ, въ числѣ другихъ, разбойничалъ съ Ермакомъ, и въ концѣ пѣсни приводится его предложеніе другимъ казакамъ поймать „по звѣрику, по сурочку многоцѣнному“. Но для насъ имѣетъ цѣну и простое сопоставленіе его съ Ермакомъ, помѣщеніе его въ числѣ товарищей завоевателя Сибири: мы видимъ тутъ *казацкое* творчество, сближающее между собою лицъ, игравшихъ въ исторіи казачества важную роль.

Ермакъ въ Петровскихъ пѣсняхъ не упоминается; но его заточеніе въ турецкой тюрьмѣ, послужившее предметомъ пѣсни, уже приведенной нами, повторяется въ пѣснѣ, которая, какъ справедливо замѣчаетъ г. Безсоновъ, по всему своему строю и складу принадлежитъ эпохѣ Петровской: въ ней безъимянный донской казакъ, сидящій въ темницѣ въ Азовѣ, проситъ проѣзжающаго мимо нея турецкаго царя скорѣе освободить его, угрожая въ противномъ случаѣ написать грамоту „не

[1]) Рыбн. II, 230.

пером и не черниломъ", а „горючими слезьми" къ своимъ товарищамъ на Донъ, которые, получивъ ее, взбунтуются и разобьютъ турецкую силу [1]). И султанъ освобождаетъ казака. Сходство дѣйствительно значительное, но такъ какъ первообразъ этой пѣсни, о чемъ мы уже говорили выше, воспѣваетъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ — по крайней мѣрѣ, судя по началу — и Ермака, и Степьку, то мы и не рѣшаемся утверждать, что въ этомъ донскомъ безымянномъ казакѣ повторился именно Ермакъ [2]).

Кромѣ историческихъ лицъ, перешедшихъ въ Ивановскія пѣсни изъ Петровскихъ, видимъ въ первыхъ и другія подробности, которыя могли создаться и слѣдовательно занестись въ пѣсню только во время Петра и послѣдующее: Казань взрываютъ *каночеры* [3]); Ермакъ не хочетъ покориться казанскому *губернатору* и проходитъ Саратовскую *губернію* [4]); когда онъ является въ Москву, царь разсылаетъ его и его товарищей по *квартирамъ* [5]); Никита Романовичъ титулуется *свѣтлѣйшимъ княземъ* [6]); Иванъ Грозный ѣдетъ

[1]) Кирѣевск. VIII, 78.

[2]) Пѣсня эта въ послѣдствіи видоизмѣняется такимъ образомъ, что мѣсто турецкаго царя заступаетъ Петръ; само собою разумѣется, что и подробности пѣсни при этомъ значительно измѣняются.

[3]) Древн. Рос. Стих. стр. 285.

[4]) Кирѣевск. VI, 27.

[5]) Древн. Рос. Стих. стр. 119.

[6]) Кирѣевск. VI, стр. 58.

въ церковь въ *каретѣ* [1]); въ войскѣ его встрѣчаемъ *стрѣльцовъ* [2]); подъ Серпуховымъ царь дѣлаетъ переборъ *енераламъ всѣмъ фельдмаршаламъ* [3]); добрый молодецъ разбиваетъ казну *Румянцева монастыря* (см. выше); умершаго Ивана оплакиваетъ *конная гвардія* [4]) и *сержантъ* (см. выше); передъ гробомъ его стоятъ *патріархи*; между *полками* его, о которыхъ говоритъ плачущій сержантъ, идутъ полки *Семеновскій*, *Измайловскій* и *Петропавловскій* [5]),—и т. п.

Указавъ на эти подробности, обращаемся къ тѣмъ точкамъ соприкосновенія и сродства, которыя находитъ въ тѣхъ и другихъ пѣсняхъ г. Безсоновъ.

1) *Казни Грознаго и казни стрѣльцовъ Петромъ.* Не говоря уже о томъ, что о казняхъ Ивана пѣсня говоритъ только изрѣдка, и то вскользь, двумя-тремя стихами, а казни стрѣльцовъ составляютъ содержаніе нѣсколькихъ, совершенно отдѣльныхъ, замѣчательныхъ и въ художественномъ отношеніи, пѣсень [6]), — не говоря уже слѣдовательно объ отсутствіи сходства во внѣшней формѣ, въ образахъ и т. п., т. е. того сходства, которое именно и ставитъ главнымъ образомъ въ тѣсную

[1]) Рыбн. Ш, 388.

[2]) Кирѣевск. VI, 104 и 208.

[3]) Изв. Акад. Наукъ, т. I, въ прибавленіяхъ.

[4]) Кирѣевск. VI, 205.

[5]) Ibid. стр. 212.

[6]) Онѣ напечатаны въ VIII в. сборника Кирѣевскаго, стр. 16—30.

связь пѣсни Ивановскія и Петровскія, мы никакъ не можемъ усмотрѣть между тѣми и другими какого бы то ни было внутренняго сродства. „Казни Грознаго—говоритъ г. Безсоновъ—какъ будто оживаютъ и *уясняются* казнями стрѣльцовъ и Большого Боярина";—но какимъ образомъ одинъ предметъ можетъ уяснить другой, совершенно разнороднаго свойства? Иванъ казнилъ *бояръ*, (о другихъ казняхъ, по крайней мѣрѣ, народная пѣсня нигдѣ не упоминаетъ); Петръ казнитъ *стрѣльцовъ*, т. е. людей народа; понятно, что при такомъ существенномъ различіи этихъ элементовъ, народное творчество не можетъ относиться къ нимъ одинаково, не можетъ *соединять* ихъ въ своемъ представленіи. Все сходство тутъ въ томъ, что и Иванъ, и Петръ „казнятъ-вѣшаютъ" или жалуютъ „двумя столбами дубовыми и петлями шелковыми"; стало быть, сходство, такъ сказать, только въ самомъ *процессѣ* казни. И, дѣйствительно, отношеніе народнаго творчества къ однимъ пѣснямъ совершенно иное, чѣмъ къ другимъ. О казняхъ бояръ народъ проговаривается съ какимъ-то злорадствомъ:—по крайней мѣрѣ, нѣтъ ни малѣйшаго проявленія какого бы то ни было состраданія, сочувствія къ казнимымъ; (и въ послѣдующихъ пѣсняхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, чуть говорится о бояринѣ, большею частію пѣсня не скупится на рѣзкія выраженія, безцеремонную брань и т. п.): описывая казнь стрѣльцовъ, пѣсня впадаетъ въ нѣкотораго рода лиризмъ—лиризмъ, въ которомъ ясно слышатся грусть, иронія, про-

тестъ побѣжденнаго противъ побѣдителя. Въ пѣснѣ о казни *боярина* времени Ивана Грознаго едва-ли были бы возможны слова Петровскаго *стрѣльца*:

„Охъ, вы гой еси, стрѣльцы, добры молодцы!
Вы ступайте, убирайтесь вонъ изъ города:
И нѣтъ намъ, братцы, отъ царя большой милости,
Велѣлъ гнать на Красную Площадушку,
А которыхъ на поле на Куликово-то,
Кого хочетъ казнить, кого вѣшать,
А съ меня, съ атамана, голову рубить".

(Кирѣевск. VIII, 17).

Ивановскій бояринъ не сказалъ бы въ пѣснѣ царю такихъ словъ, какія произноситъ стрѣлецъ, обращаясь къ Петру:

„Во всеё Руси царь, Петръ, Алексѣевичъ!
Во глазахъ ты меня, сударь, обманывашь!"

(Ibid. 19).

И потомъ, убѣжавъ къ своимъ товарищамъ, не крикнулъ бы:

„Еще хочетъ насъ православный царь всѣхъ жаловать,
Жаловать хоромами высокими,
Двумя столбами дубовыми
И петлями шелковыми!"

Если ужъ сравнивать пѣсни о стрѣльцахъ съ чѣмъ нибудь въ Ивановскихъ пѣсняхъ, то, скорѣй

всего, съ тѣми изъ этихъ послѣднихъ, въ которыхъ на сценѣ казаки. По крайней мѣрѣ, тутъ внутренняя сущность, а отчасти и внѣшняя форма, почти одинаковы. И тутъ и тамъ передъ нами молодецкая удаль, сперва бушующая на просторѣ, потомъ образумливающаяся и приходящая къ убѣжденію въ необходимости покориться законной власти. Стрѣльцы, какъ и казаки Ермака, сходятся „во единый кругъ", „думаютъ крѣпку думу за единую" и посылаютъ одного изъ своихъ, атамана, къ царю съ повинною головою. Тутъ, повторяемъ, основной мотивъ одинъ и тотъ же; разница только въ историческихъ подробностяхъ. Г. Безсоновъ нашелъ же возможнымъ поставить въ паралель съ Ермакомъ атамана Петровскаго времени, Флора Минаевича, который тоже ѣдетъ въ Москву съ челобитною о прощеніи и примиреніи [1]); почему же не усмотрѣлъ онъ внутренняго сродства и въ пѣсняхъ о стрѣльцахъ и казакахъ и нашелъ его тамъ, гдѣ оно не существуетъ и существовать не можетъ?

2) *Заточеніе супруги Ивана Грознаго и супруги Петра.* Мы уже выше объяснили (стр. 62), почему не можемъ отнести пѣсни о ссылкѣ Мареы Матвѣевны къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ; изъ этого сама собою вытекаетъ для насъ и невозможность, въ этомъ случаѣ, занимающаго насъ сближенія.

[1]) Древн. Росс. Стихотв., стр. 421.

3) *Единоборство Кастрюка и единоборство Петра.* Пѣсни, относящіяся къ этимъ предметамъ, мы считали бы сродными, если бы сущность пѣсни о Кастрюкѣ состояла, какъ предполагаетъ повидимому г. Безсоновъ, только въ „потѣхѣ“ государя зрѣлищемъ единоборства. Но единоборство Кастрюка, помимо своихъ чисто эпическихъ подробностей, о которыхъ мы уже говорили, имѣетъ и совсѣмъ другой смыслъ, служа видоизмѣненіемъ борьбы русскихъ силъ съ татарскими; мы привели выше слишкомъ много подробностей, свидѣтельствующихъ о справедливости этого заключенія, чтобы снова возвращаться къ нимъ; единоборство же Петра—дѣйствительно потѣха. Онъ самъ вызываетъ охотника бороться, для того, чтобы потѣшить царя [1]). Стало быть, тутъ опять основной мотивъ не одинъ и тотъ же. Притомъ же, и пѣсня о единоборствѣ Кастрюка не принадлежитъ собственно времени Ивана Грознаго: большая часть подробностей ея, и самая основа — единоборство, зашли въ Ивановскія пѣсни изъ эпоса богатырскаго.

4) Сверхъ вышеприведенныхъ сближеній, г. Безсоновъ находитъ, „что умолчанная въ пѣсняхъ судьба Петрова сына съ избыткомъ обрисована покушеніемъ Грознаго на собственное дитя свое“; изъ этого какъ будто выходитъ, что судьба Алексѣя Петровича не воспѣта народомъ потому, что

---

[1]) Кирѣевск. VIII, 37.

онъ уже достаточно воспѣлъ исторію сына Ивана. Это значитъ—приписывать народному творчеству такія соображенія, какихъ оно ни въ какомъ случаѣ имѣть не можетъ и которыя вообще противорѣчатъ понятію о творчествѣ. Отчего же напримѣръ столько пѣсень о взятіи Азова, если столько же есть пѣсень о взятіи Казани?

Мы привели всѣ подробности, въ которыхъ выражается сродство занимающихъ насъ пѣсень съ предшествующимъ имъ эпосомъ и послѣдующими произведеніями въ этомъ родѣ, при чемъ закончили Петровскими пѣснями, потому что царствованіе Петра можно пазнать и границею настоящихъ народныхъ пѣсень. Правда, что поются въ народѣ пѣсни о Семилѣтней войнѣ, о турецкихъ и шведскихъ войнахъ Екатерины, о войнѣ 1812 г. и многія другія; но эти пѣсни разительно отличаются отъ всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсень: онѣ лишены всякаго поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только какъ любопытные памятники времени [1]).

Какой же выводъ изъ всего этого сдѣлаемъ мы?

Выводъ двоякій.

Съ одной стороны, представляются во всей своей наглядности *цѣлостность* и *живучесть* русскаго эпоса, къ которому, само собою разумѣется, мы причисляемъ и историческія пѣсни. Разъ установившись въ народномъ творчествѣ, извѣстные об-

[1]) Кирѣевск. вып. I, Предисловіе.

разы, представленія, идеалы—если это слово можетъ быть здѣсь у мѣста—уже осѣдаютъ такъ прочно, что ни теченіе времени, ни измѣненіе историческихъ обстоятельствъ, ни вліяніе внѣшней и внутренней жизни не могутъ сокрушить ихъ. Создаются они въ эпоху, когда миѳическія представленія играютъ въ народѣ главнѣйшую роль, когда къ этой миѳической основѣ пріурочиваются всѣ историческія событія,—и живутъ необыкновенно долго, живутъ еще и въ то время, когда историческая жизнь народа развилась вполнѣ.

Съ другой стороны, вопреки восторженнымъ поклонникамъ народнаго творчества, мы не можемъ не видѣть въ вышеуказанномъ близкомъ сродствѣ извѣстной слабости этого творчества, или, по крайней мѣрѣ, значительнаго ослабленія его по мѣрѣ того, какъ жизнь народа все болѣе и болѣе подвигается впередъ. Мы видѣли, какъ событія, совершенно другъ отъ друга особыя, отдѣленныя одно отъ другаго нѣсколькими столѣтіями, передаются въ совершенно одинаковыхъ выраженіяхъ, рисуются совершенно одинаковыми образами, красками, изображаются съ совершенно одинаковыми подробностями. Мы понимаемъ, что можно, не смотря на взаимную отдаленность историческихъ событій, на совершенное различіе между дѣйствующими лицами ихъ, мѣстностями, вообще всею обстановкой, усматривать *внутреннюю* связь, или, вѣрнѣе, внутреннее сродство между этими событіями; мы понимаемъ, что Ермакъ можетъ очень легко сдѣлаться младшимъ братомъ Ильи Муромца и

Стенька Разинъ—воспринять въ себя всѣ черты Ермака; мы придаемъ даже особенную цѣну этому проницательному чутью, вникающему во внутренній смыслъ; но творчество состоитъ не только въ угадываніи этого внутренняго смысла предмета, дающаго ему пищу; форма, въ которую облекается мысль, чувство, составляетъ важный, существенный элементъ творчества—и чѣмъ слабѣе это послѣднее, тѣмъ слабѣе первая. Если бы писатель, усматривая внутреннее сродство между двумя совершенно разнородными событіями, изобразилъ ихъ совершенно одинаковымъ образомъ, повторилъ бы во второй разъ все то, что дали ему въ первый разъ его фантазія, его поэтическое чутье, всякій считалъ бы себя въ правѣ упрекнуть этого писателя въ недостаткѣ творчества или въ ослабленіи его. Народъ, творящій пѣсни—тотъ же писатель, съ тою только разницей, что его нельзя подводить во всѣхъ отношеніяхъ подъ одинаковыя условія съ единоличнымъ авторомъ-художникомъ; если его творчество, въ смыслѣ соединенія внутренняго смысла съ внѣшнимъ выраженіемъ, останавливается на извѣстномъ пунктѣ и только пользуется готовымъ матеріаломъ, мы имѣемъ положительное право сказать, что пора этого творчества миновала или близится къ концу. Еслибъ въ настоящемъ трудѣ мы говорили о русскихъ историческихъ пѣсняхъ вообще, еслибъ разобрали ихъ во всѣхъ существенныхъ подробностяхъ, то могли бы, надѣемся, наглядно показать, по сравненію этого историческаго эпоса съ бога-

тырскимъ, какъ постепенно ослабѣвало эпическое творчество народа, какъ оно все болѣе и болѣе пользовалось готовымъ матеріаломъ. Но и тѣхъ указаній, которыя приведены нами, достаточно, кажется, для того, чтобы видѣть это явленіе. Пѣсни о времени Ивана Грознаго заслуживаютъ этотъ упрекъ не въ такой степени, какъ послѣдующія; здѣсь творчество создаетъ много такого, что̀ принадлежитъ собственно ему, не заимствовано ни изъ какого посторонняго источника; легендарный ли характеръ эпохи тому причиною, другія ли историческія обстоятельства, но извѣстная сила этого творчества въ эту пору еще несомнѣнна. Чѣмъ далѣе подвигаемся мы, тѣмъ чаще заимствованія и повторенія, и слѣдовательно, тѣмъ слабѣе *творческое* начало. Безъ большой натяжки, безъ упорно предвзятой мысли невозможно усмотрѣть въ этихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ присутствіе многихъ *новыхъ* существенныхъ чертъ, такъ что, прочтя, напримѣръ, описаніе одной какой нибудь битвы, одного какого нибудь лица, вы почти увѣрены, что встрѣтите тоже самое въ описаніи другой битвы и другого лица, хотя бы совершенно различныхъ отъ первыхъ. Есть пѣсня о поѣздкѣ Петра въ Стокгольмъ, (по крайней мѣрѣ относимая издателемъ сборника Кирѣевскаго къ этому событію [1]); въ ней царь ѣдетъ на тридцати корабляхъ, изъ которыхъ первый летитъ, какъ соколъ, и изукра-

[1]) Кирѣевск. VIII, 160.

шенъ особеннымъ образомъ; ѣдетъ и приказываетъ матросамъ посмотрѣть „во трубочки подзорныя,“ чтобы узнать, „далеко ли до Стекольнова“ (Стокгольма)? И тутъ же напечатана совершенно такая же пѣсня, почти буквально такая же, только вмѣсто тридцати кораблей—тридцать три, а вмѣсто Петра на первомъ кораблѣ сидитъ императоръ Александръ Павловичъ. Спрашиваемъ, въ какой мѣрѣ такіе пріемы — а ихъ не мало — свидѣтельствуютъ о силѣ народнаго творчества? Или, напримѣръ, безусловно восторженные поклонники народной поэзіи восхищаются тѣмъ, что въ пѣсни о Петрѣ перешли во всей неприкосновенности нѣкоторыя мѣста слова о полку Игоревѣ [1]); въ чемъ-же тутъ творчество? — Всѣ эти заимствованія, сближенія и т. п. любопытны и во многихъ случаяхъ важны, какъ характеристика взгляда народа на то или другое событіе, тотъ или другой предметъ; но они не только не могутъ свидѣтельствовать въ пользу силы народнаго творчества, а еще напротивъ того, говорятъ противъ него.

Тѣсною связью между пѣснями разныхъ эпохъ обусловливается множество анахронизмовъ, встрѣчающихся въ произведеніяхъ нашей народной поэзіи и, между этими послѣдними, въ пѣсняхъ о времени

[1]) Примѣръ такой пѣсни въ VIII в. сборника Кирѣевскаго, стр. 173.

Ивана Грознаго. Всѣ эти анахронизмы, за исключеніемъ, можетъ быть, самыхъ маловажныхъ, указаны нами въ предшествующемъ изложеніи. Но они не уничтожаютъ исторической вѣрности, присущей въ многихъ подробностяхъ этимъ пѣснямъ и заключающей въ себѣ причину того, что мы назвали ихъ историческими въ строгомъ значеніи этого слова.

Къ этой то исторической вѣрности мы теперь и обратимся, понимая здѣсь подъ нею *фактическую* сторону, т. е. согласіе съ фактами, съ внѣшними проявленіями исторической жизни.

Считаемъ конечно лишнимъ подкрѣплять лѣтописными свидѣтельствами тѣ, воспѣваемыя въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ, событія, существованіе которыхъ слишкомъ извѣстно; что Казань была взята, Сибирь покорена и т. п. не только въ пѣсняхъ, но и въ дѣйствительности,—это конечно факты, не требующіе никакихъ потвержденій. Мы остановимся въ этомъ случаѣ только на нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся, частностяхъ всѣхъ изложенныхъ нами эпизодовъ.

I. **Ермакъ**, а) *Путь его въ Сибирь.* Припомнимъ подробности этого пути, мѣстности, черезъ которыя проходитъ Ермакъ съ товарищами (см. выше, стр. 53): Усолья, Чусова рѣка, рѣка Серебряная, Жаровль, рѣка Баранча, Тагиль-рѣка, гора Магницкаго, рѣка Тура, рѣка Епанча, рѣка Тоболь,

Иртышъ, Тобольская гора и рѣка Сибирка. Это по пѣснѣ. Въ „Сибирской Лѣтописи“ [1]) читаемъ: „Они же атаманы и казаки... идоша по Чусовой рѣкѣ въ верьхъ до усть Серебряныя рѣки четыре дни, и по Серебряной идоша два дни и дойде Сибирскія дороги, и ту городокъ земляной поставиша и назва его Ермаковъ Кокуй городокъ и съ того мѣста перевезеся 25 поприщь за волокъ, на рѣку рекомую Жаравли, и по той рѣцѣ поидоша въ низъ и вышедъ на Туру рѣку: ту бѣ и Сибирская страна“ [2]).

Во время этого пути, какъ разсказываетъ пѣсня, записанная Киршею Даниловымъ [3]), именно приплывъ въ „Мяденски юрты“, Ермакъ съ товарищами полонили „небольшого князька“, чтобы онъ показалъ имъ путь по Тоболь-рѣкѣ. Карамзинъ

[1]) Лѣтопись Сибирская, содержащая повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли Русскими, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ; съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событій. Спб. 1821 г. стр. 18.

[2]) Любопытно въ пѣснѣ приведеніе *рѣки* Епанчи, тогда какъ это ничто иное, какъ имя жившаго въ Сибири, во время Ермака, князя Япанчи; его „острогъ“, называвшійся сперва Епанчинымъ, а потомъ возведенный на степень города и названный Туринскомъ, стоялъ при рѣкѣ *Турѣ*, отчего, вѣроятно пѣсня, превративъ этого князя въ рѣку, помѣстила эту послѣднюю тотчасъ же вслѣдъ за тою, на которой онъ дѣйствительно жилъ. (См. списокъ съ чертежа Сибирскія Земли, во Временникѣ И. М. О. И. и Др. Рос. 1849 г. кн. III, — 1-е примѣчаніе къ означенной статьѣ).

[3]) Древн. Рос. Стих. стр. 116.

сообщаетъ, что „опустошивъ улусы и селенія внизъ по Турѣ, атаманы на устьѣ Тавды взяли въ плѣнъ Кучюмова сановника, Таузака, который, искренностью спасая жизнь, сообщилъ имъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія о землѣ своей“ [1]).

б) *Повинная царю.* Эта подробность въ пѣснѣ передается не согласно съ исторіею. Извѣстно, что не самъ Ермакъ поѣхалъ въ Москву поклониться Ивану царствомъ сибирскимъ, а одинъ изъ атамановъ его—Иванъ Кольцо [2]). Но есть въ пѣснѣ объ этомъ пріѣздѣ двѣ частности, находящія себѣ полное оправданіе въ исторіи; одна не такъ важна, другая гораздо характеристичнѣе. Когда царь хочетъ наградить Ермака золотомъ и серебромъ, тотъ отказывается отъ этихъ подарковъ, но самъ предлагаетъ отъ себя „куницъ-соболей“; и Иванъ Васильевичъ „польстился, взялъ куницъ-соболей“ [3]). У Карамзина находится свидѣтельство именно объ этихъ подаркахъ [4]); въ Сибирской Лѣтописи тоже встрѣчаемъ, хотя относящееся къ болѣе позднему времени, (когда изъ Москвы были посланы въ Сибирь воеводы Ивана, Семенъ Болховской и Иванъ Глуховъ), что „атаманы и казаки Государевыхъ воеводъ одариша дорогими собольми, и лисицами, и всякою мягкою рухлядью“ [1]). — Другая

—

[1]) Ист. Гос. Рос. Т. IX, 227.
[2]) Ibid. 234.
[3]) Рыбн. II. 231.
[4]) Ист. Гос. Рос. IX, 236.
[5]) Сибирская Лѣтопись; стр. 38.

частность состоитъ въ томъ, что по пѣснѣ, какъ уже указано нами выше (стр. 55, примѣчаніе), Иванъ говорилъ своимъ боярамъ о Ермакѣ, какъ о „сибирскомъ царѣ"; вотъ эти слова:

„Появился къ намъ Сибирскій царь,
Сибирскій царь Ермакъ Тимоѳеевичъ!"

Подробность эта находится въ тѣсной связи съ историческимъ свидѣтельствомъ, что Иванъ называлъ Ермака *Княземъ Сибирскимъ*: „а къ Ермаку повелѣ Государь написати не Атаманомъ, но *Княземъ Сибирскимъ*" [2]).

в) *Смерть Ермака.* Мы уже знаемъ, какъ она описана въ пѣснѣ. Лѣтописное же свидѣтельство слѣдующее: „Царь Кучумъ подсмотри ихъ (казаковъ) и разосла многихъ татаръ, и повелѣ твердо стрещи; тое же нощи бысть дождь великъ, поганіи же, аки ехидна, дышуще на Ермака съ дружиною, и мечи свои готовляху на отомщеніе, уповаху наслѣдити, конецъ желаемаго своего дѣла возхотѣша учинити: время же бѣ наста яко въ полунощи, Ермакъ же съ дружиною спаху въ стѣнахъ въ полагахъ, поганіи же яко неистово дышуще готовляшеся на пролитіе крови, и разумѣша, яко время есть уже хотѣніе свое изполнити, и скоро оружіе свое извлекоша, и на станъ ихъ нападаютъ, и обнаженными мечи погубляютъ ихъ; и тако ту вси избіени быша, единъ только утече,

[1]) Ист. Гос. Рос. т. IX, прим. 709.

а *велеумный и храбрый риторъ Ермакъ убіенъ бысть.* Послѣди же нѣцы *глаголютъ отъ языкъ* о томъ, яко возпрянувъ ту храбрыйі вашъ (нашъ?) воинъ и Ермакъ отъ сна своего, и видѣ дружину свою отъ насъ побиваемыхъ, и никоея надежды можно имѣти ему животу своему, понеже бо въ дали разстояніе, и *туто ввержеся въ рѣку и утопе*" [1]). Это послѣднее извѣстіе сообщено и Тобольскою лѣтописью [2]): на нейі конечно основался и Карамзинъ въ своемъ разсказѣ о смерти Ермака [3]). Пѣсня, сохранивъ основную подробность — что Ермакъ утонулъ, какъ будто не хотѣла показать его бѣглецомъ отъ опасности и сочинила другую обстановку, нисколько однако въ основѣ не нарушающую исторической вѣрности.

II. **Марья Темрюковна, жена Ивана.** Такъ она называется и въ лѣтописяхъ. „Ивану сказали — говоритъ Карамзинъ, ссылаясь на продолженіе Царственной Книги и на Новгородскаго Лѣтописца — что одинъ изъ знатнѣйшихъ *черкесскихъ* владѣтелейі [4]), Темгрюкъ, имѣетъ прелестную дочь: царь хотѣлъ видѣть ее въ Москвѣ, полюбилъ и велѣлъ учить Закону. Митрополитъ былъ ея воспріемникомъ отъ купели, давъ ейі христіанское имя Маріи" [5]). Мы видѣли выше, что царица Софья Романовна, умирая, завѣщаетъ Ивану не

[1]) Сибирская Лѣтопись, стр. 57.
[2]) Сибирск. Лѣтопись примѣч. 13.
[3]) Ист. Гос. Рос. IX, 240.
[4]) Въ пѣснѣ, какъ мы видѣли, она тоже черкешенка.
[5]) Ист. Гос. Рос. IX, 20.

жениться ни въ проклятой *Литвѣ*, ни на супавѣ *татарской*, при чемъ эта *татарская* земля въ иныхъ пересказахъ замѣняется *черкесской*. Это сопоставленіе происходитъ не только изъ смѣшенія въ представленіи народа враждебныхъ земель вообще (что̀, какъ извѣстно, встрѣчается въ нашихъ пѣсняхъ весьма часто) но имѣетъ въ данномъ случаѣ и историческое основаніе. Иванъ сначала (послѣ смерти Настасьи Романовны) хотѣлъ жениться именно въ Литвѣ на сестрѣ Сигизмунда, и, потерпѣвъ неудачу, обратился въ другія земли—азіатскія [1]). Исторически вѣрна въ пѣснѣ и женитьба на Марьѣ послѣ смерти Настасьи Романовны, съ тою только разницей, что вмѣсто имени Настасьи-Софья.

О чародѣйскихъ свойствахъ Маріи Темрюковны мы уже говорили, при чемъ замѣтили, что такое изображеніе ея, помимо древнемиѳической основы, имѣетъ и чистоисторическое основаніе. Карамзинъ приводитъ свидѣтельство одной современной исторической рукописи, въ которой эта царица названа „на злыя дѣла подущая“ и отъ себя замѣчаетъ, что она, „дикая нравомъ, жестокая душою, еще болѣе утверждала Іоанна въ злыхъ склонностяхъ“ [2]). При такихъ свойствахъ, приписать ей свойства колдуньи, „лихой женщины“, было весьма нетрудно въ то время, когда колдовство считалось вполнѣ возможнымъ и даже

[1]) Ист. Гос. Рос. IX, 19, 20.
[2]) Ibid. 26 и примѣчан. 82.

дѣйствительно существующимъ: „Того же мѣсяца 26—разсказываетъ лѣтопись—въ недѣлю на пятый день послѣ великого пожару, Бояря пріѣхаша къ Пречистой къ соборной на площадь; и собраша черныхъ людей и начаша выпрошати, кто зажигалъ Москву? Они же начаша глаголяти, яко княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и съ людьми *волхвовала; вымала сердца человѣческія, да клала въ воду; да тою водою ѣздячи по Москвѣ, да кропила, и отъ того Москва выгорѣла* [1]). Стоглавъ заключаетъ въ себѣ постановленія противъ волхвованій, колдовства и т. п.

III. **Никита Романовичъ**. Въ лѣтописяхъ имя его почти не упоминается; по крайней мѣрѣ, онъ не играетъ въ событіяхъ никакой, особо выдающейся роли. Въ пѣсняхъ, какъ мы видѣли, онъ любимый народный герой. Такимъ образомъ, пѣсня дополняетъ лѣтопись, сообщая ей указаніе на характеръ Никиты и на популярность, которою онъ пользовался [2]). Пѣсни о немъ, по отношенію къ исторической вѣрности, представляютъ одну подробность. Иванъ, какъ мы видѣли, жалуетъ его

[1]) Царствен. Книга, стр. 142.

[2]) Замѣчательно, что *только* о немъ и Малютѣ Скуратовѣ говорится въ пѣсняхъ подробно: олицетворенное добро какъ бы сопоставляется съ олицетвореннымъ зломъ. О другихъ боярахъ собственно времени Ивана Грознаго ничего не говорится, даже имена не вспоминаются; только разъ—имя Годуновыхъ. Есть еще какой-то бояринъ *Богданъ Сирскій*, близкій человѣкъ къ царю, его „дядюшка», кто подразумѣвался здѣсь рѣшить не можемъ; не Богданъ-ли Бѣльскій?

тарханною грамотою, благодаря которой даваемое Никитѣ село пріобрѣтаетъ льготы — спасеніе всѣхъ, уходящихъ въ него. Здѣсь пѣсня только въ частностяхъ разошлась съ исторіею, сохранивъ сходство въ основаніи. Тарханныя или льготныя грамоты на самомъ дѣлѣ освобождали имѣнія отъ податей, дѣлали эти имѣнія *льготными жительствами* [1]); народное творчество, создавъ тоже *льготное жительство*, только увеличило число льготъ, сообразно характеру, который оно придавало своему любимому герою

IV. **Малюта Скуратовъ**. Пѣсня изображаетъ его палачемъ и, какъ мы видѣли, дѣлаетъ имя его даже нарицательнымъ, замѣняя имъ именно слово *палачъ*. Тутъ дѣйствовало не простое сближеніе въ силу свирѣпости нрава Малюты, но и болѣе близкое историческое основаніе. Малюта въ исторіи является не только жестокимъ, гнусно-безпощаднымъ человѣкомъ, но и личностью, *казнящею собственными руками:* Иванъ посылаетъ его въ келью митрополита Филиппа, чтобы казнить несчастнаго старца,—и Малюта удушаетъ святителя; въ 1570 г., во время московскихъ казней, онъ, „предводитель палачей, разсѣкалъ топорами мертвыя тѣла, которыя цѣлую недѣлю лежали безъ погребенія“ [2]).

V. Объ историческомъ значеніи **Кастрюка** (по исторіи Михаила) мы упоминали выше (стр. 79).

[1]) Ист. Гос. Рос. X, 120.
[2]) Ibid, 95.

VI. **Осада Казани.** Исторически вѣрно описаніе взрыва города, за исключеніемъ подробности о пушкаряхъ [1]). Нѣсколько десятковъ лѣтъ приготовленій къ осадѣ въ пѣснѣ соотвѣтствуетъ въ исторіи нѣсколькимъ походамъ къ Казани, предварительно взятія ея. Ужасы и тягости войны, описанныя въ лѣтописяхъ подробно, превосходно выражены въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя сложились уже послѣ, какъ воспоминаніе о ней, и въ которыхъ основной мотивъ такой:

„Казань-городъ на костяхъ стоитъ,
Казаночка-рѣка кровава течетъ,
Мелки ключики-горючи слезы,
По лугамъ-лугамъ все волосы,
По крутымъ горамъ все головы,
Молодецкія, все стрѣлецкія".

(Кирѣевск. VI, 12).

VII. **Казни и наказанія.** Пѣсни говорятъ о выкапываніи глазъ, вырѣзываніи языка, вѣшаніи, выниманіи сердца съ печенью, сдираніи кожи, зашиваніи въ медвѣжьи шкуры, вареньѣ въ котлѣ, сажаніи на колъ. Нѣкоторыя изъ этихъ казней (вытаскиваніе языка, выкапываніе глазъ) встрѣчаются, какъ мы видѣли, и въ былинахъ, но въ пѣсни объ Иванѣ Грозномъ онѣ зашли не только по этому сродству; историческое основаніе какъ ихъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, тутъ несомнѣнное. Мы приведемъ только единичные примѣры.

---

[1]) См. это же описаніе въ Никоновской Лѣтописи, стр. 175.

Михаилъ Темрюковичъ, шуринъ царя, былъ *посаженъ на колъ* [1]; новгородскій архіепископъ Леонидъ—*зашитъ въ медвѣжью шкуру и затравленъ собаками* [2]; въ 1546 г. „велѣлъ великій князь казнити Аѳанасья Буторлина, *урѣзаша языка ему* у тюремъ за его вину“ [3].

Такимъ образомъ, народная фантазія прибавила, можетъ быть, такія казни, которыя въ дѣйствительности не существовали—прибавила по аналогіи, находящей себѣ полное оправданіе въ этой же дѣйствительности; но за то, сколько другихъ не записала пѣсня! Стоитъ припомнить казни новгородскія.

Правежъ описывается въ пѣснѣ согласно съ дѣйствительностью. Въ дѣйствительности онъ состоялъ въ томъ, что *приставъ* выводилъ должника разутаго на улицу и сѣкъ его по голой ногѣ прутомъ [4]. Въ пѣснѣ тоже бьютъ *цѣловальники*, т. е. тѣ же пристава; молодецъ, котораго бьютъ, тоже нагъ и босъ [5]; орудіе—тоже прутья желѣзные [6]. Преступленіе, за которое въ пѣснѣ производится это наказаніе, состоитъ, какъ мы видѣли, въ расхищеніи, отнятіи чужого имущества; въ дѣйствительности, правежъ производился не только за непла-

[1]) Ист. Гос. Рос. IX, 110.
[2]) Ibid. 158.
[3]) Русская Лѣтопись по Никонову Списку. Спб., 1791 г. Ч. VII, стр. 45.
[4]) Ист. Гос. Рос. IX, 267.
[5]) Кирѣевск. VI, 194.
[6]) Кирѣевск. VIII, 33.

тежъ долговъ, но и за воровство: „Судебникъ", говоря о татяхъ, между прочимъ, опредѣляетъ: „А не будетъ у котораго татя столько статка, чемъ искъ заплатити, ино его бивъ кнутьемъ, да исцу въ его гибели выдати головою на *правежъ* до искупа" [1]). Правда, что преступленіе, выводимое на сцену въ пѣснѣ, не есть собственно—„татьба": но существенныя черты обоихъ преступленій одинаковы, и потому историческая основа въ пѣсняхъ о правежѣ не можетъ считаться нарушенною.

Къ числу наказаній слѣдуетъ присоединить и *пришиванье ноги къ землѣ*, о которомъ мы уже говорили. Подробность не выдуманная. Курбскій послалъ къ Ивану обличительное письмо черезъ своего слугу, Василья Шибанова: „Царь, ярости исполнився, призва холопа того близь себе, и *осномъ своимъ удари въ ногу его, и пробивъ ногу, и ляже на посохъ свой*, и повелѣ листъ прочитати" [2]). Коллинсъ въ своемъ сочиненіи „Нынѣшнее состояніе Россіи", тоже разсказываетъ: „У него (Ивана) былъ жезлъ съ острымъ наконечникомъ, который онъ иногда, во время разговора, вонзалъ своимъ боярамъ въ ногу" [3]).

Почти всѣ исторически вѣрныя данныя обставлены въ пѣснѣ такими подробностями, которыя суть ничто иное, какъ продукты фантазіи; но иначе

---

[1]) Судебникъ Ц. и В. Кн. Ивана Васильевича. Спб. 1768 г. стр. 58.

[2]) Ист. Гос. Рос. IX, прим. 108.

[3]) Чт. въ И. О. И. и Др. Рос. 1846 г. № 1, стр. 14.

творчество было бы не творчествомъ, а простымъ лѣтописнымъ пересказомъ. Для насъ напримѣръ, не особенно важно то, что на казнь Иванъ Грозный обрекаетъ въ пѣснѣ не царевича Ивана, какъ было на самомъ дѣлѣ, а царевича Өедора, и не то, что развязка этого событія, вопреки историческому факту, счастливая; гораздо больше значенія должны мы придавать тому обстоятельству, что историческій фактъ убійства сына отпечатлѣлся въ памяти и сознаніи народа; а ужъ какъ онъ его переработалъ въ своемъ творчествѣ— это другое дѣло. Точно также напримѣръ, въ пѣснѣ о взятіи Казани не особенно важно то, что Едигеръ уже до крещенья названъ Симеономъ, что крестилъ Иванъ не его, а какую-то Елену, а его самаго казнитъ: важно воспринятіе народнымъ творчествомъ самаго факта крещенія.

Групируя подробности пѣсень, относящихся ко времени Ивана Грознаго, въ одно общее цѣлое, мы на первомъ планѣ ставимъ вопросъ: какъ отнесся народъ къ самой личности царя, какъ отпечатлѣлась въ народномъ творчествѣ эта, во всякомъ случаѣ необыкновенная, фигура.

Прежде всего, Иванъ для народа — единодержавный царь, т. е. олицетвореніе того начала, которое связуетъ въ одно неразрывное цѣлое всѣ составныя части русской народности, всѣхъ отдѣльныхъ членовъ ея. На высокое мѣсто, отводимое народнымъ творчествомъ монархическому началу, указалъ уже г. Костомаровъ, приведя нѣсколько, наиболѣе характеристичныхъ, подробностей изъ историческихъ и другого рода пѣсень [1]). Въ силу того самаго соображенія, которое дѣлаетъ царя представителемъ Бога на землѣ, народное творчество соединяетъ воцареніе Ивана Грознаго съ явленіями небесными; какъ эпитетъ Владимира—красное солнышко, (мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ

[1]) Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи. стр. 193—196.

миѳическое значеніе этого названія), такъ Иванъ воцарился тогда,

„Когда возсіяло на небѣ красное солнышко,
Когда становилася звѣзда подвосточная“.
(Рыбн. II, 212).

Это представленіе переносится и на дѣтей его. Служанка, возвѣщающая Настасьѣ Романовнѣ о предстоящей царевичу гибели, говоритъ:

„Померкло наше красное солнышко,
Потухла звѣзда подвосточня“!
(Ibid. 215).

„Понятіе о царѣ—замѣчаетъ г. Костомаровъ—было такъ высоко, что ему не смѣли ничего приписать худого. Убійство сына Грознаго приписывается наущенію Малюты“ [1]). — Умереть за царя считалось дѣломъ святымъ: мы приводили выше (стр. 39) то мѣсто пѣсни, гдѣ Никита говоритъ, что Богъ избавитъ отъ грѣховъ и вѣчной муки того, кто рѣшится пожертвовать жизнью за царя, (собственно въ этомъ случаѣ, за царевича, но основная мысль тутъ одна и таже); тамъ же мы видѣли стремяннаго стрѣльца, безъ всякихъ колебаній рѣшающагося на такое самопожертвованіе. Знаменитые плачи по Иванѣ основаны прежде всего не на сочувствіи народа собственно къ *этому* царю, но къ царской власти вообще; такой же плачъ, только менѣе краснорѣчивый, менѣе поэтическій (можетъ быть, потому, что онъ сохранился не вполнѣ) провожаетъ въ могилу Алексѣя Михайло-

[1]) Объ историч. значеніи русск. народн. поэзіи стр. 196

вича [1]); въ совершенно одинаковыхъ выраженіяхъ воскресаетъ онъ, какъ мы видѣли. надъ гробомъ Петра Перваго.

Но это все, такъ сказать, *общій* взглядъ, не примѣняющійся исключительно къ личности Ивана Грознаго; въ этомъ случаѣ Иванъ ничѣмъ не выдѣляется изъ ряда другихъ царей; о каждомъ изъ нихъ народъ поетъ и пѣлъ бы совершенно въ такомъ-же тонѣ. Если позволяетъ себѣ народное творчество относиться къ царю несочувственно, даже враждебно, то въ томъ только случаѣ, когда этотъ государь или иноземнаго (да притомъ еще враждебной, по исторической традиціи, земли) происхожденія, или не признается законнымъ государемъ въ слѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ. Борисъ Годуновъ называется въ пѣснѣ коршуномъ; она говоритъ о немъ, что

„—этотъ Годунъ всѣхъ бояръ надулъ,
Ужъ и вздумалъ полоумный Россеюшкой
управлять“.
(Кирѣевск. VII, 2).

Съ Самозванцемъ пѣсня церемонится конечно еще меньше.

Что касается до отношенія народа къ Ивану не какъ къ царю *вообще*, а какъ къ царю Ивану Васильевичу—спеціально, то народъ тѣсно связываетъ его имя съ развитіемъ московскаго государства; это послѣднее только при немъ является во всемъ

[1]) Кирѣевск. VII, 45.

своемъ величіи [1]; Москва „*основалася* и съ тѣхъ поръ *пошла великая слава*", когда *воцарился князь* [2]), т. е., когда мѣсто великаго князя занялъ царь всея Руси; „начало" самаго Ивана во многихъ пѣсняхъ тѣсно связывается съ началомъ Москвы; весьма часто читаемъ: „при зачинѣ каменной Москвы зачинался тутъ и Грозный царь", и т. п. выраженія.

Этому взгляду конечно весьма много способствовало торжественное вѣнчаніе Ивана на царство, — вѣнчаніе, которое занимаетъ столько страницъ въ лѣтописи и которое, какъ мы видѣли, запечатлѣлось въ народномъ творчествѣ съ исторической вѣрностью: мы говоримъ о „вывозѣ порфиры изъ Царя-Града", которая есть ничто иное, какъ возложеніе на Ивана вѣнца и бармъ Владимира Мономаха. Для народа, въ которомъ историческое пониманіе смысла событій было развито уже въ значительной степени, такое превращеніе великаго княжества московскаго въ царство всероссійское не могло не имѣть обаятельнаго значенія; долго и далеко разносилось оно силою народной поэзіи, до такой степени долго и далеко, что пор-

[1]) Мы дѣлаемъ конечно эти выводы только на основанія тѣхъ пѣсень, которыя сохранились въ устахъ народа и дошли до насъ; очень можетъ быть, что съ открытіемъ новыхъ матеріаловъ, многіе изъ этихъ взглядовъ измѣнились бы и народная характеристика Ивана въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оказалась бы только *повтореніемъ* или *продолженіемъ* характеристики другихъ московскихъ государей.

[2]) Древн. Рос. Стих. стр. 287.

фира превратилась въ Перфила, Царь-Градъ заступили Новгородъ, Казань и т. п., но смыслъ остался тотъ-же: Иванъ продолжалъ жить въ народномъ представленіи царемъ всея Руси, завершителемъ московскаго княжескаго періода.

Изъ свойствъ его, какъ правителя, пѣсня указываетъ на *проницательность*, называя его „прозрителемъ“, — *заботливость* объ охраненіи интересовъ государства — онъ „содержатель всея Руси и сберегатель каменной Москвы“, — *религіозность*, выраженную въ словахъ „пресвитеръ-царь“,—*храбрость*, рисуемую въ предводительствованіи его войсками подъ стѣнами Казани, походъ къ Серпухову и т. п.,—*справедливость*: онъ „за правду милуетъ, за неправду вѣшаетъ“.

Всѣ эти свойства находятся въ тѣсной связи съ представленіемъ народнымъ о монархической власти вообще. Другое дѣло, когда рѣчь заходитъ объ Иванѣ, какъ о человѣкѣ; тутъ творчеству прежде всего бросается въ глаза то, что выдѣляетъ Ивана самымъ рѣзкимъ образомъ изъ ряда всѣхъ другихъ царственныхъ личностей, его безпощадная жестокость. „Онъ крутъ добрѣ“ — говоритъ народъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ указываетъ на его казни; какъ относится онъ къ этимъ казнямъ—другой вопросъ, но онѣ вѣчно стоятъ передъ нимъ: онъ относитъ ихъ не только къ ненавистнымъ ему боярамъ, но и къ простымъ солдатамъ-пушкарямъ; чуть кто провинился передъ Иваномъ, или ему кажется, что провинился, такъ и ждите, что вы услышите приказаніе „казнить-вѣшать“. Поми-

лованія не знаетъ царь; если Ѳедоръ не казненъ, то это произошло совсѣмъ не по желанію или раскаянію Ивана; раскаяніе его вообще—не практическое, не примѣнимое на дѣлѣ, другими словами, не останавливающее уготованнаго злодѣянія, а, такъ сказать, теоретическое, состоящее только въ служеніи панихидъ, сокрушеніи о своихъ грѣхахъ — дѣйствительно историческая черта, которую превосходно подмѣтило и воспроизвело народное творчество. Припомнимъ печаль Ивана послѣ мнимой казни Ѳедора.

Одно только свѣтлое чувство выразила пѣсня въ Иванѣ; разъ только является онъ человѣкомъ съ добрыми, человѣческими побужденіями—когда узнаетъ, что сынъ его не погибъ. Но тутъ на сценѣ уже не человѣкъ вообще, а спеціально-отецъ; стало быть, случай совершенно исключительный. Да и здѣсь, въ одномъ пересказѣ, который мы приводили выше, народное творчество не можетъ удержаться, чтобъ не указать на свирѣпость Ивана: „собакѣ собачья смерть", говоритъ онъ; когда ему приносятъ голову сына.

Коллинсъ, въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи, говоритъ, что „Иванъ Васильевичъ былъ любимъ народомъ, потому что съ нимъ обходился хорошо" [1]). Любовь эта дѣйствительно выразилась въ нѣсколькихъ сказкахъ, но замѣчательно, что въ пѣсняхъ нѣтъ почти ни одного факта, указывающаго на это „хорошее обхожденіе" на

[1]) Чтенія въ И. О. И. и Д. Р. 1846 г. № 1. стр. 14.

близкую связь царя съ народомъ. Въ пѣснѣ о Кастрюкѣ онъ, правда, говоритъ:

„Не то-то намъ дорого,
Что татаринъ похваляется,
А то-то намъ дорого,
Что русакъ насмѣхается (или потѣшается)",—

но мы скорѣе готовы согласиться съ г. Буслаевымъ, находящимъ въ этихъ стихахъ иронію надъ татарами, выражавшую постепенное освобожденіе изъ-подъ татарскаго ига [1]), чѣмъ усматривать въ нихъ указаніе на близкую связь съ народомъ, такъ какъ и вся пѣсня о единоборствѣ Кастрюка есть ничто иное, какъ позднѣйшій отголосокъ пѣсень о татарщинѣ. Намъ укажутъ, можетъ быть, на прощеніе царя въ пѣсняхъ о правежѣ—фактъ, правда, характеристичный, но не теряетъ-ли онъ своего значенія, когда мы сообразимъ, что наказаніе, послѣ котораго слѣдуетъ это прощеніе, установлено самимъ-же царемъ, по его закону?

Пѣсня—не изслѣдованіе, раскрывающее смыслъ того или другого событія; она ко всему относится объективно и, стало быть, для насъ важно знать, *къ чему* она относится. Если она поетъ о казняхъ новгородскихъ, о народѣ, стоящемъ на правежѣ, о вѣшаніи солдатъ за то, что у нихъ свѣчи тихо горятъ, о буйствѣ опричниковъ—то конечно поступаетъ такъ потому, что все это тяжело лежало на сердцѣ народа. Не даромъ въ вышеприведен-

[1]) Историч. Очерки, т. I, 541.

номъ стихѣ пѣсни время Ивана называется „злыми годами“, въ которые онъ „и *за правду—за неправду* дѣлалъ казни лютыя“. Есть-ли, послѣ этого какая-нибудь возможность утверждать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, что народу жилось легко и что только на бояръ обрушивалась жестокость Ивана? Весьма характеристичны въ этомъ отношеніи и совѣты, которые даетъ Ивану умирающая Софья Романовна: она завѣщаетъ ему не быть „ярымъ“, а быть „милостивымъ“ и въ число тѣхъ, къ кому онъ долженъ стать въ такія отношенія, помѣщаетъ „солдатушекъ служащихъ“ и „весь народъ православный“. Человѣку, который на самомъ дѣлѣ не считался „ярымъ“, пѣсня не сочла бы нужнымъ давать такіе совѣты.

Указанія въ пѣсняхъ на нѣкоторыя свѣтлыя стороны характера Ивана, рядомъ съ множествомъ темныхъ, объясняются по нашему мнѣнію временемъ, въ которое слагались эти пѣсни: однѣ составлялись въ первую, свѣтлую половину его царствованія, другія — въ слѣдующую, темную. Опредѣлительное указаніе на это мы находимъ въ пѣснѣ, на которую мы указывали выше и которая говоритъ именно о двухъ половинахъ Иванова царствованія, о двойственномъ характерѣ его. (стр. 66).

Указывая на разницу между Петровскими и Ивановскими пѣснями, мы замѣтили, что къ казнямъ бояръ народъ относится съ нѣкоторымъ злорадствомъ. Оно дѣйствительно высказывается въ тонѣ, съ которымъ упоминается объ этомъ

предметѣ. Ненависть къ боярамъ проявляется въ этихъ пѣсняхъ, кромѣ того, и въ другихъ случаяхъ, которые мы приводили: совѣтъ повѣсить Ермака даютъ бояре, палачемъ царевича является бояринъ, доносчиками на царевича видимъ, между прочимъ, и бояръ Годуновыхъ. Въ этой ненависти обнаруживается во всей силѣ демократическій элементъ, проникающій пѣсни объ Иванѣ Грозномъ; онъ же выражается и во многихъ другихъ подробностяхъ, приводившихся нами въ подлежащихъ мѣстахъ и повторять которыя мы считаемъ лишнимъ.

Мы не ошибемся, кажется, если скажемъ въ окончательномъ выводѣ, что: 1) характеръ пѣсень объ Иванѣ Грозномъ—монархически-демократическій; 2) личность самаго Ивана нашла себѣ въ этихъ пѣсняхъ сочувствіе на столько, на сколько народъ видѣлъ въ немъ *царя* въ общемъ значеніи, безъ примѣненія собственно къ нему; 3) пѣсни эти представляютъ опредѣлительно не только внѣшнюю, чисто-фактическую, но и внутреннюю сторону Иванова царствованія; 4) въ этомъ отношеніи онѣ рѣзко отличаются отъ всѣхъ пѣсень послѣдующаго времени, носящихъ на себѣ характеръ по преимуществу солдатскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Пѣсни.

I.

Женитьба Ивана Грознаго и единоборство Кастрюка.

1 *).

Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Произволилъ онъ женитися,
Произволилъ онъ обручатися,
Не у насъ на святой Руси
И не у насъ въ каменной Москвы,
А въ землѣ во невѣрныя,
Въ землѣ во Черкасскія,
На той ли на Марьѣ Кастрюковной,
И на той ли на Марьѣ Демьюковной.
Еще много бралъ онъ въ приданое,
Триста Татариновъ, да пятьсотъ Донскихъ казаковъ:
Затылки у нихъ были вшивые,
Гузна подхилыя, толстопяты, загузисты.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
На великихъ былъ онъ на радостяхъ.

*) Сборникъ Рыбникова, II, 221.

И заводилъ пированьице—почестенъ пиръ.
На своихъ на князей на бояръ,
На всѣхъ на могучихъ богатырей,
На всѣ паленицы удалыя.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися.
И всѣ на пиру порасхвастались.
Одинъ сидитъ молодецъ—призадумался,
Не ѣстъ, не пьетъ и не кушаетъ,
И ничѣмъ онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Вышелъ дядюшка князь Никита Романовичъ,
И ходитъ онъ по своей по свѣтлой по свѣтлицы,
По той ли по гридни по столовыя,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Что же ты, больше-царскій шуринъ,
Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
И ничѣмъ молодецъ не хвастаешь?
Какую ты думу думаешь?
Развѣ мѣсто тебѣ не по разуму,
Али чара ни рядо́мъ дошла,
Али невѣжа на пиру обезчестила?"
— „А я думаю думушку крѣпкую:
Есть ли у васъ въ Москвѣ борцы
Съ Кастрюкомъ поборотися,
Съ Демьюкомъ поломатися,
Силы отвѣдати и царя припотѣшити?
Я пятьсотъ борцовъ поборолъ,
Пятьсотъ городовъ за себя побралъ;
Еще какъ Московскихъ борцовъ поборў,
Всю Москву за себя возьму,
А царя Ивана Васильевича въ полонь полоню".

И выходилъ дядюшка Никита Романовичъ
На свое на крутое на красно крылечико,
Крикнулъ онъ во всю голову,
Свиснулъ онъ во всю Москву:
—„Есть ли у насъ въ Москвѣ борцы
Съ Кастрюкомъ поборотися,
Съ Демьюкомъ поломатися,
Силы отвѣдати и царя припотѣшити"?
По грѣхамъ учинилося,
Въ Москвѣ борцовъ не случилося;
Только случилося два братца Андреевича:
Одинъ Васенька Маленькій,
А другой Обросинька Хроменькій,—
На ножку припадываетъ,
Изъ-подъ ручки высматриваетъ.
Возговорилъ еще Васинька Маленькій:
—„Ай же ты, князь Никита Романовичъ!
Донеси Грозному царю Ивану Васильевичу:
Не хочу я съ нимъ боротися,
Со тѣмъ съ больше-царскимъ шуриномъ,
А возьму его за праву руку,
И возьму его за лѣву ногу,
И кину его за Днѣпру рѣку".
Говорилъ Обросинька Хроменькій;
—„Какъ пособитъ мнѣ Богъ поборотися,
Такъ смѣть ли его изъ платья вытряхнуть,
Нагого по двору спустить,
По тому ли двору государеву,
По тому ли крылечику красному?"
Приходитъ Никита Романовичъ:
—„Ой же вы, князья-бояра!

У насъ хлѣбъ и соль на столѣ,
У насъ есть и борцы во дворѣ".
И скочилъ больше-царскій шуринъ,
На тѣхъ на великихъ на радостяхъ
Дубовую скамеечку подломилъ,
Онъ много князей-бояръ придавилъ.
Не два ясные сокола слеталися:
Два добрые молодца схватилися;
Какъ сталъ Кастрюкъ на ногахъ—
А очутился Кастрюкъ на буйной головы.
Платьице у него треснуло,
Кожа у него вереснула;
Три ребра онъ въ боку сломилъ,
И сломилъ онъ у него ручку правую,
И сломилъ у него ножку лѣвую;
Взялъ его за праву руку,
Изъ платья его вонъ повытряхнулъ,
Нагого по двору спустилъ,
По тому ли двору государеву,
По тому ли крылечику красному.
И не пошелъ по двору гасудареву,
А ушелъ подъ крылечико красное,
И самъ говоритъ таковы слова:
— „Не дай-ко мнѣ съ московскими борцами боротися,
Со тымя съ молодымя, съ ученымя".

2 *).

Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядучись-смотрючись со черныхъ кораблей,

*) Карѣевскій, VI, 114.

И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ,
И на тѣ на красны-круты бережки.
Пріутихли-пріуныли круты-красны бережки,
Глядучись-смотрючись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на горы высокія,
И на тѣ на поля зеленыя,
Глядучись-смотрючись на государевъ дворъ.
Преставляется Царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна;
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ Царица таковы рѣчи:
„Ужъ ты слушай, Царь, послушай-ко,
Что я тебѣ, Царица, повыскажу:
. . . .
Когда я, Царица, преставлюся,
Не женись ты, Царь, въ проклятой Литвѣ
На той ли Марьѣ Темрюковнѣ,
А женись ты, Царь, въ каменной Москвѣ,
На той Супавѣ Татарскіе,
Хоша есть у ней много приданого
Пановей-улановей и злыхъ поганыхъ Татаровей,
Есть у ней брателко родимое
Молодой Кастрюкъ сынъ Темрюковичь“.
И тутъ Царица просыпалась
Тутъ Царицѣ славу поютъ.

Прошло времени три мѣсяца,
Похотѣлъ сударь Грозенъ Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
И покатился онъ во ту ли матушку прокляту Литву,
Покатагися и женитися
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Пріѣзжалъ онъ скоро въ проклягу Литву
И бралъ онъ Марью Темрюковну,
И со тѣмъ со брателкомъ родимыимъ,
Кастрюкомъ Темрюковичемъ.
Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы.
. . . .
Заѣзжалъ сударь Грозенъ Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ
И во ту церковь Божію,
Принималъ златы вѣнцы—
И со той Маріей Темрюковной.
На той на радости великія
Заводилъ онъ почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на думныхъ бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей.
Солнышко идетъ къ западу,
И къ западу идетъ—ко закату,
А почестенъ пиръ на весело,
И всѣ на пиру пьяны-веселы.
Говоритъ ему шуринъ любимый,
Молодой Кастрюкъ сынъ Темрюковичь:
— „Ай ты, мой зятюшка любезный,
Грозенъ ты Царь Иванъ Васильевичь!
Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
Борцы-молодцы пріученые,

Кабы мнѣ съ ними поборотися?“
Требовалъ сударь Грозенъ Царь,
Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь:
Борцей-молодцей не случилося.
Только случился Васенька Хромоногенькой:
На лѣву онъ ножку припадываетъ,
По двору прихрамываетъ,
И ко двору государеву придвигается,
И входитъ въ палаты царскія.
И говоритъ Кастрюкъ сынъ Темрюковичъ
Своему зателку любезному:
— „Чортъ у васъ, не борцы-молодцы,
Не борцы-молодцы и не прiученые!“
Говоритъ Вася Хромоногенькой:
— „Ай же ты сударь-таки Грозенъ Царь!
Ежели Богъ пособитъ, Никола поможетъ
Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить
И по двору его нага спустить?“
Говоритъ сударь Грозенъ Царь,
И Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь:
— „Ежели бы тебѣ Богъ помогъ
И Микола пособилъ Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить
И по двору нага спустить,—
Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья!“
На лѣвую ножку онъ, Вася, припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ,
И металъ Кастрюка о кирпичной полъ;
На брюхѣ его кожа треснула,
На хребтѣ его кожа лопнула.

Изъ платья онъ его нагого вылупилъ.
Не Кастрюкъ былъ Темрюковичь,
Да и не брателко-то ей былъ родимое:
Была поляница удалая.
Бралъ Царь свою Марью Темрюковну;
И велъ онъ въ далече-чистое поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце;
Тутъ ей и славу поютъ.

3 *).

. . . .

Преставляется Царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна.
При смерти она наказываетъ,
Наказываетъ и допрашиваетъ:
— „Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
Будешь ли послѣ меня женитися,
Али ты, надежа Царь, будешь холостъ ходить,
Холостъ ходить, неженатый слыть?“
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
— „Я не буду послѣ тебя женитися,
Надёжа-Царь буду холостъ ходить.
Холостъ ходить, неженатой слыть“.
Говоритъ Царица благовѣрная:
— „Ай же ты, Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
Не мани меня, не омманывай;
Будешь послѣ меня женитися
Во той же матушкѣ проклятой Литвѣ,
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.

*) Кирѣевскій, VI. 119.

Принесетъ она рубашки красна золота;
Не моги надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,
Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыихъ:
Увидишь тутъ чудо великое!
За тѣмъ будь добръ да милостивъ
До тѣхъ двухъ ясныхъ соколовъ, до царевичей;
Будь ты добръ, будь ты милостивъ
До тѣхъ до слуговъ вѣрныихъ,
До того народу христіанскаго".
Затѣмъ преставилась Царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна.
За тѣмъ женился Царь въ проклятой Литвѣ,
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Принесла она рубашки пасынкамъ красна золота;
Надѣли какъ на псомъ ядовитыихъ,
Тѣхъ псовъ разорвало.
За тѣмъ сталъ Грозенъ Царь
Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь.
Сталъ его дядька спрашивать:
„Зачѣмъ исхудалъ?—Не могу поляницой удалой владѣть: руку-ногу закинетъ на меня жена,—не могу духу перевести *).

---

*) Тутъ пѣвшая старуха спуталась и не хотѣла продолжать дальше, „стыдно, де, нехорошее такое поется".

II.

Понушеніе на жизнь сына.

1*).

Когда жъ то возсіяло солнце красное,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почесный пиръ;
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повынесъ царенье изъ Царя-града,
Царскую порфиру на себя одѣть,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
И повыведу измѣну съ каменной Москвы!
Съ-по тыя было палаты бѣлокаменной
Какъ не красное солнышко катилося,
А не скатный жемчугъ разсыпается,
Ходитъ маленькой Иванушко царевичъ-государь,

*) Сборникъ Рыбникова. I. 383.

Испроговоритъ онъ таково слово:
— „Что не вывести измѣны съ каменной Москвы:
Сидитъ-то измѣна за однимъ столомъ,
Исъ—пьетъ измѣна одни кушанья,
Платьица носитъ одноцвѣтныя,
Сапожки на ножкахъ одноличныя“.
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— „Ужъ ты маленькой Иванушко, царевичъ-государь!
Ты подай же измѣнщика мнѣ на очи,
Я измѣнщику голову срублю“.
Испроговорилъ Иванушко царевичъ-государь,
Глупымъ дѣтскимъ разумомъ промолвился:
— „Какъ на братца сказать, такъ мнѣ братца жалъ,
На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;
Буде сказать мнѣ на братца своего,
На того на Ѳедора Ивановича.
Ей ты, государь родной батюшка!
Когда жь мы брали съ тобой Царскій-градъ,
Ты-то ѣхалъ по краечку,
Я-то ѣхалъ по другому,
А братецъ мой ѣхалъ по середочки.
Напередъ славъ онъ поразсылалъ,
Чтобы удалые поразбѣгались,
А малые по кувыркъ-травы разваляліся,
А старые при домахъ оставалися.
Теперича измѣна вся повыстала“.
Разгорячился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Скричалъ же своимъ зычнымъ голосомъ:
— „Ай вы ей, палачи немилостивы!
Вы возьмите-ка Ѳедора Ивановича
За тыя за ручки за бѣлыя,

За тыя за перстни за злаченые,
Сведите-ка Өедора въ чисто поле
На тое болотцо на Житное,
На тую на плашку на липову,
Отрубите ему буйну голову“!
Во тую ли пору, во то время,
Всѣ палачи поразбѣгались,
Которые разумные, растулялися.
Остался воръ Малютушка Скуратовъ сынъ.
Самъ говорилъ таково слово:
— „Я много казнилъ царей, царевичей,
Безъ счету королей королевичей,
И тебя Өедора не спущу!“
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
За тые за перстни за злаченые,
Повелъ Өедора въ чисто поле
На тое болотцо на Житное,
Срубить Өедору буйну голову.
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыня родна матушка,
Она чеботы обула на босу ногу,
Кунью шубоньку одѣла на одно плечо,
Побѣжала на горку на Вшивую
Ко своему ко братцу ко родимому,
Ко тому Никиты Романовичу.
Срѣтаетъ братецъ ей родимый,
А самъ говоритъ таково слово:
„Что же ты, сестрица, не въ покрутѣ,
Въ одной ты шубы черныхъ соболей?“
Говоритъ Авдотья Романовна:
— „Ты ей же, братецъ мой родимый,

Ты ей, Никита Романовичъ!
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
Того жь де Ѳедора Ивановича;
Повелъ воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
На тое болотцо на Житное,
На тую плашку липову,
Срубить Ѳедору буйну голову".
Какъ тотъ Никита Романовичъ,
Онъ кидается, скоро бросается,
Беретъ узду въ руки тесмяную.
Одѣвалъ онъ мала бурушка-кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, не на уздана,
Городомъ ѣдетъ, голосомъ крычитъ,
„Ты ей, воръ, Малютушка Скуратовъ сынъ!
Не казни-ка ты молодого царевича,
Ты не тѣмъ ли кусомъ самъ задавишься."
Малютка того не пытаючи,
Беретъ Ѳедора за желты кудри,
Клонитъ на плошку на липову,
Хочетъ срубить буйну голову.
Наѣхалъ Никита Романовичъ,
Смахнулъ саблей востроей
Отнесъ Малютки буйну голову,
За него поступки неумильные.
Онъ бралъ де Ѳедора Ивановича,
Увозилъ на горку на Вшивую,
Сегодня день былъ суботній,
Завтрѣ день воскресный де,
Ѣхать намъ ко ранной ко заутрени,

Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ нѣтъ жива молодого царевича,
Сокрутился онъ во платье опальное,
Заложилъ лошадей вороныхъ
Подъ ты (кареты) подъ черныя,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
А тотъ Никита Романовичъ
Со тыя со великія радости
Одѣлъ на себя платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самолучшее,
Поѣхалъ ко ранной ко зартрени.
Кресть кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ три-четыре стороны,
А Ивану Васильевичу въ особину:
„Ты здраствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Со своей со любимой семьей,
Со молодой со Авдотьей со Романовной,
Со своими со малыми дѣтушками,
Со тымъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!“
Говорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Ты ей же, шуринъ мой любимый,
Ты ей, Никита Романовичъ!
Знать, ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
Того де Ѳедора Ивановича:
Увелъ воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
На тое на болотцо на Житное,
На тую плошку на липову,
Срубить де ему буйну голову“.

Говорилъ Никита Романовичъ:
— „Здраствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Со своей съ молодой семьей,
Съ молодой Авдотьей Романовной,
Со своими со малыми дѣтушкамы;
Со тымъ Θедоромъ Ивановичемъ,
Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!"
Говорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— „Ты ей же, шуринъ мой любимый,
Ты ей, Никита Романовичъ!
Знать, ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
Того жь де Θедора Ивановича:
Увелъ воръ Малютушка Скуратовичъ
На тое болотце на Житное,
На тую на плаху на липову,
Срубить де ему буйну голову".
Третій разъ говоритъ Никита Романовичъ:
— „Ты здраствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Со своей любимой эемьей,
Со молодой Авдотьей Романовной,
Со своима со малыма со дѣтушкамы,
Со тымъ со Θедоромъ Ивановичемъ,
Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!"
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— „Ты ей же, шуринъ мой любимый,
Ты ей же, Никита Романовичъ!
Знать, ты надо мной насмѣхался!
Отстою какъ я раннюю заутреню,
Прикажу тебѣ Никиты голову срубить".
Самъ говоритъ таково слово;

—„Какъ по ворахъ было по разбойникахъ,
По разбойникахъ по ворахъ есть заступщики:
По моемъ было рожономъ по дитятки,
По немъ не было никакой заступушки!“
Говоритъ Никита Романовичъ:
—„Бываетъ ли грѣшному прощенье-то!“
—„Хоть бываетъ прощенье, да теперь взять негдѣ“.
Говоритъ Никита Романовичъ:
—„Что не отрублена буйна голова
Тому жь де Ѳедору Ивановичу,
А отрублена буйна голова
Тому Малюты Скуратову“.
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ кидается скоро, бросается
Ко тому ко Никиты ко Романовичу,
Беретъ его за ру̀чки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говоритъ таково слово:
—„Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?
Дать тебѣ села со приселкамы,
Али дать города съ пригородкамы,
Али дать тебѣ золотой казны?“
Говоритъ Никита Романовичь:
—„Есть у меня золотой казны,
Есть городовъ съ пригородкамы,
И есть и селъ со приселкамы,
То мнѣ молодцу не похвальба;
А ты дай-ка мнѣ Микитину вотчину;
Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину—

Того добраго молодца Богъ проститъ".
Онъ пожаловалъ Микитиной его вотчиной:
Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину—
Того добраго молодца Богъ проститъ".
Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ, добрымъ молодцамъ, на послушанье.

2*).

Грозный царь Иванъ Васильевичь.
Когда возсіяло на небѣ красное солнышко,
Когда становилася звѣзда подвосточная,
Тогда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичь.
Тутъ забиралъ столованье-почестный пиръ,
Сбиралъ онъ всѣхъ князей, всѣхъ бояриновъ думныихъ,
Вельможь, купцовъ богатыхъ, поляницъ да удалыихъ,
Сильныхъ—могучихъ богатырей
Пошло у нихъ столованье-почестный пиръ.
Всѣ на пиру наливалися,
Всѣ на почестномъ наѣдалися,
Всѣ похвальбами похвалялися.
Кто чѣмъ хвастаетъ,
Кто чѣмъ похваляется:
Инный хвастаетъ несчетной золотой казной,
Инный хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Инный хвастаетъ добрымъ конемъ,
Инный хвастаетъ славнымъ отечествомъ,

*) Сборникъ Рыбникова II, 211.

Инный молодымъ молодечествомъ,
Умный-разумный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.
Какъ царь по полатушки похаживатъ,
Царь да выговариватъ:
—„Ай же вы, князя и бояра думные,
Вельможи, купцы богатые, поленицы удалыя,
Сильные-могучіе богатыри!
Всѣ вы у меня на честномъ пиру,
Всѣ вы у меня пьяны веселы,
Всѣ вы у меня похвальбами похвалялися.
Я какъ царь, похвастаю:
Повывелъ измѣну изъ Казани, Рязани и изъ Астрахани,
Повывелъ измѣну изъ Чернигова,
Да повывелъ измѣну изъ Нова-города,
Какъ повыведу измѣнушку изъ каменной Москвы!"
За тыма столами дубовыма, за скамейками окольныма,
За ѣствами за сахарныма, за напитками медовыма,
Сидѣлъ его сынъ да любезный Иванъ да Ивановичъ,
Говоритъ онъ таковы слова:
—„Ай же, свѣтъ-государь мой батюшка,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Небылицей ты, государь, хвастаешь,
Небылицей похваляешься".
Тутъ стемнѣлъ царь, какъ темная ночь.
Зревѣлъ царь, какъ левъ да звѣрь:
—„Сказывай, собака, про измѣну великую!"
Тутъ-то Иванъ да на двѣ бѣдушки попалъ,
Тутъ-то Иванъ да пораздумался:
—„Жаль-жаль братца, да не такъ, какъ себя...

Ай же, свѣтъ-государь мой батюшка;
Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Какъ сидитъ измѣна за однымъ столомъ,
Пьетъ да ѣстъ измѣна съ одного мѣста,
Носитъ платье одного сукна.
Небылицей царь ты хвастаешь,
Небылицей государь похваляешься:
Повывелъ ты измѣну изъ Казани, и Рязани, и изъ Чернигова,
Не могъ повывести измѣны изъ Нова-города,
Подавно не вывести измѣны изъ каменной Москвы!
Потому тебѣ не вывести:
Когда мы были во Новѣ-городѣ,
Которыми мы съ тобой улицами ѣхали,
Сѣкли-рубили до единаго;
Которыми улицами ѣхалъ мой старый дядюшка,
Старый дядюшка Никита Романовичь,
Тоже сѣкъ да рубилъ до единаго;
На воротахъ мы записи повыписали,
По угламъ номера выставливали,
Что эти улица плѣненыя-казненыя;
А которыми улицами ѣхалъ твой сынъ,
А мой братецъ Ѳедоръ Ивановичь,
Такъ сѣкъ изъ пяти и десяти головы гусиныя,
На воротахъ записи подписывалъ,
На углахъ номера повыставлялъ.
Тутъ была измѣна великая!“
Выходилъ тутъ царь да на крутой крылецъ,
Скрычалъ какъ царь да громкимъ голосомъ:
—„Гдѣ мои палачи немилостивы?
Берите Ѳедора Иваныча за бѣлы руки,
Ведите на то болото на Житное,

На ту плаху на дубовую,
Отрубите ему голову буйную,
Предайте ему смерть да скорую!“
Вси палачи да разбѣжалися,
Другъ за друга туляются и окучаются,
Большій за средняго, средній за меньшаго,
Съ меньшаго отвѣту нѣтъ.
Тутъ скрычалъ царь второй наконъ:
— „Гдѣ мои палачи немилостивы?
Берите вы Ѳедора Ивановича за бѣлы руки.
Ведите на то болото на Житное,
На ту плаху дубовую,
Отрубите ему буйну голову,
Предайте ему смерть да скорую!“
Всѣ палачи да разбѣжалися,
Другъ за друга туляются и окучаются,
Большій за средняго, средній за меньшаго,
Съ меньшаго отвѣту нѣтъ;
Потому что за царскіе роды приняться не осмѣлятся.
Скрычалъ какъ царь наконъ третній:
— „Гдѣ мои палачи немилостивы?
Берите Ѳедора за бѣлы руки,
Ведите на то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую-
Отрубите ему буйну голову,
Предайте вы ему смерть да скорую!“
Какъ во томъ ряду во гостиноемъ,
Во той во лавкѣ во угольныя,
Стоялъ малая-Малюта Стенька воръ Скурлатовъ сынъ.
Торговалъ онъ товарами заморскима,
Услышилъ голосъ Грознаго царя Ивана Васильева,

Онъ на Өедора Ивановича сердитъ-то былъ,—
Запиралъ онъ да свою лавочку,
Шолъ и бралъ Өедора за бѣлы руки,
За бѣлы руки да за златы персни,
Выводилъ онъ Өедора на крутой крылецъ,
Скидывалъ онъ платья цвѣтныя,
Надѣвалъ платья опальныя,
Садилъ во (карету) во темную,
Повезъ его на то болото на Житное,
Ко той ко плаха дубовыя.
Была служанка, дѣвка вѣрная,
Бѣжала во спальну во теплую
Ко царицѣ благовѣрноей,
Ко Настасьи Романовной,
Скрычала громкимъ голосомъ:
—„Ай же, царица благовѣрная, Настасья Романовна!
Спишь-усыпаешься, надъ собой невзгоды не чаешься:
Померкло наше красно солнышко.
Потухла звѣзда подвосточная!
Воспалился Грозный царь Иванъ Васильевичъ
На свои сѣмена на царскія,
На своего на сына любезнаго,
На Өедора Ивановича,
Приказалъ его отвести на то болото на Житное,
Не ту на плаху дубовую,
Какъ повезъ его малая-Малюта Стенька воръ Скарлатовъ сынъ".
Она вставала на рѣзвы ноги,
Какъ надѣвала на ноги
Однѣ тоненьки чулочки безъ чоботовъ,
На плеча надѣвала одинъ дорогой накидничекъ,
Подвязалася платкомъ она шелковымъ,

Побѣжала она по матушки каменной Москвы,
Къ старому братцу Никиты Романовичу.
Бѣжитъ она по матушки каменной Москвы,
Кричитъ да громкимъ голосомъ:
— „Разодвинься, народъ православный,
Дайте мѣстечка немножечко царицы благовѣрныя!“
А народъ-то волнуется—дивуется:
— „Куда бѣжитъ царица благовѣрная?“
Какъ прибѣжала она къ братцу родимому,
Никитѣ Романовичу,
Приходила въ его палаты бѣлокаменныя,
Господу Богу не молилася,
На всѣ стороны да не клонилася.
Сама говорила таковы слова
Братцу родимому Никитѣ Романовичу:
— „Ай же ты, старая курва, сѣдатой песъ!
Пьешь-ѣшь-кушашь и прохлаждаешься,
Надъ собой невзгоды не чаешься!“
- „Ай же, сестрица родимая,
Благовѣрная царица Настасья Романовна!
Чѣмъ тебя пріобидѣлъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ?
Что я захочу, то и сдѣлаю:
Потому—у меня сидитъ тридцать россійскихъ могучихъ
И сидитъ у меня дружина хоробрая“. [богатырей.
Она говоритъ таковы рѣчи:
„Какъ воспалился Грозный царь Иванъ Васильевичъ
На свой-то на сѣмена царскія,
На Ѳедора Ивановича,
Повезъ его малая-Малюта Стенька воръ Скурлатовъ сынъ
На то болото на Житное,

На ту на плаху дубовую".
Какъ вставалъ старый Никита Романовичъ на рѣзвы ноги,
Говорилъ какъ самъ таковы слова:
— „Ай же, любезный конюхъ мой!
Ступай-ка ты скорымъ-скоро, скорымъ на-скоро,
Ступай на стойлы конинья,
Бери-ка ты моего добра коня,
Не сѣдлай, не уздай ты добра коня,
Выводи-ко ты на широкій дворъ".
Какъ самъ онъ надѣвалъ шубу на одно плечо,
Какъ кладывалъ онъ шляпу на одно ухо,
Бралъ немилаго постельника подъ полу подъ правую,
Выбѣжалъ онъ скоро на широкъ на дворъ,
Самъ садился скоро на добра коня,
Поѣхалъ скоро по матушки по славной каменной Москвы,
Самъ шляпой машетъ и голосомъ кричитъ:
— „Разодвиньтесь-ка, народъ православный,
Дайте мнѣ мѣстечка немножечко,
Проѣхать старому Никитѣ Романовичу
По матушкѣ славной каменной Москвы!"
Какъ сталъ подъѣзжать ко болоту ко Житному,
Увидѣлъ, какъ поваленъ племничекъ да кресничекъ
На тую плаху на дубовую;
У малаго-Малюты Стеньки вора сына Скурлатова
Заздынута рука правая, здынута сабля кровавая.
Спрашивалъ у Өедора Ивановича:
— „На кого ты оставишь молоду жену,
Кому оставишь несчетну золоту казну?"
Какъ тутъ закричалъ старый Никита Романовичъ,
Громкимъ голосомъ на всю голову:
— „Съѣшь волкъ пса, такъ и выглякнешь!"

Какъ увидѣлъ тутъ малая-Малюта
Стенька воръ Скурлатовъ сынъ, [ромъ конѣ,
Увидѣлъ ѣдучись стараго Никиту Романовича на доб-
Не смѣлъ спустить руки правыя, сабли кровавыя,
Отсѣчь буйныя головы.
Тутъ наѣхалъ старый Никита Романовичъ,
Соскочилъ онъ со добра коня,
Какъ взималъ онъ племничка да кресничка,
Взималъ со плахи со дубовыя,
Кидалъ немилаго постельничка
На плаху на дубовую,
И отсѣкли ему буйную голову,
Окровавили саблю кровавую.
Тутъ говорилъ Ѳедоръ Ивановичъ,
Говорилъ крестному батюшку:
— „Ай же ты, крестный мой батюшка,
Никита Романовичъ!
Что же намъ будетъ отъ батюшка,
Грознаго царя Ивана Васильевича?“
Говоритъ тутъ Никита Романовичъ:
— „Ай же ты, любезный мой крестничекъ!
Что будетъ—надъ моей-то головкой надъ старою,
Моя головка при старости;
А твоя головка при младости!“
Тутъ поѣхали во матушку во славну каменну Москву.
Какъ тутъ малая-Малюта Стенька воръ Скурлатовъ
Представилъ онъ передъ царскими окошками [сынъ,
Свою-то саблю кровавую;
Какъ увидѣлъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Повѣшану саблю кровавую,
Самъ какъ говорилъ да таковы слова:

— „По ворахъ по разбойникахъ есть заступники,
Есть заступники-помощники крѣпкіе,
А по насъ, по сѣменахъ царскихъ, не находится“.
(Побликовалъ) онъ указы строгіе
По матушки каменной Москвы,
Приказалъ завѣсить окна сукномъ чернымъ,
А по церквамъ велѣлъ служить онъ,
Служить обѣдни по печальному.
У собора Успенскаго, у Ивана Великаго,
Зазвонили обѣдни воскресенскія,
Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Всѣмъ велѣлъ надѣть онъ платья черныя,
Платья черныя, все печальныя.
Старый Никита Романовичъ
Надѣвалъ шубу, которой лучше нѣтъ,
Племничку и кресничку тоже надѣвалъ
Платья, которыхъ лучше нѣтъ;
Пошли они къ обѣдни воскресенскія,
Приходили во соборъ да во Успенкій.
Тутъ старый Никита Романовичъ
Становился онъ подлѣ Грознаго царя Ивана Васильевича,
Племничка-крестничка бралъ подъ полу подъ правую,
Самъ крестъ даетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину
Съ царицей Настасьей Романовной:
— „Здраствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Со своей царицей благовѣрною,
Со своими со царскими сѣменами!“—
Какъ тутъ говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,

Говоритъ таковы слова:
— „Ай же ты, старая курва, сѣдатый песъ!
Развѣ ты про невзгоду не знаешь и не вѣдаешь,
Развѣ тебѣ да неизвѣстно было,
Аль ты надо мной да надсмѣхаешься?
Выду отъ обѣдни воскресенскія,
(Публикую) я указы да строгіе,
Съ господъ со всѣхъ и князей
Со живыхъ скуры сдеру,
А съ тебя, старая курва,
Скуру сдеру и на свѣтъ не выпущу!“
торой наконъ онъ опять проздравствовалъ:
— „Здраствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Со своей царицей благовѣрною,
Со всѣми со царскими со сѣменами!“
Какъ тутъ говоритъ Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
Говоритъ таковы слова:
— „Ай же ты, старая курва, сѣдатый песъ!
Развѣ ты про невзгоду не знаешь и не вѣдаешь,
Развѣ тебѣ да неизвѣстно было,
Аль ты надо мною надсмѣхаешься?
Выйду отъ обѣдни воскресенскія,
(Публикую) я указы все строгіе,
Что со всѣхъ господъ, со всѣхъ князей
Со живыхъ скуры сдеру,
А съ тебя, старая курва,
Скуру сдеру и въ волчью зашью!“
Опять поздравствовалъ онъ и въ третій наконъ:
— „Ты здраствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Со своею царицей благовѣрною,
Со всѣми со царскими со сѣменами

И съ Өедоромъ Ивановичемъ!“
Тутъ онъ выпущалъ изъ-подъ полы изъ-подъ правыя,
Становилъ передъ Грознаго царя Ивана Васильевича.
Тутъ говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— „Ай же, шуринъ мой любезныйй,
Старый Никита Романовичъ!
Не знаю я, чѣмъ тебя пожаловать?
Аль тебя жаловать селы со приселками,
Города съ пригородками,
Улицы съ переулками,
Аль тебя несчетной золотой казной?“
Говоритъ Никита Романовичъ:
— „Мнѣ не надобно селъ съ приселками,
Городовъ съ пригородками,
Улицъ съ переулками,
И мнѣ не надо несчетной золотой казны;
А дай ты мнѣ Никитину вотчину и улицу:
Кто голову убьетъ, да коня уведетъ,
По той улицѣ уведетъ,
Того и Богъ проститъ“.
— „Вотъ тебѣ, Никита, улица,
Своя тебѣ отчина пожалована!
А Өедора Ивановича вмѣсто себя,
Вмѣсто себя я царемъ поставлю!“
Тутъ простоялъ онъ обѣдню воскресенскую,
Бралъ Өедора Ивановича за бѣлы руки,
Повелъ въ свои палаты во царскія,
А также вслѣдъ себя велъ
Стараго Никиту Романовича, шурина любезнаго,
Пришелъ онъ въ свои палаты во царскія,
Тутъ забиралъ для нихъ столованье-почестный пиръ,

Многихъ сбиралъ онъ князей-бояръ,
Вельможъ, купцовъ богатыихъ, поляницъ удалыихъ
И росейскихъ могучихъ богатырей,
Для ради своего сына любезнаго,
Өедора Ивановича,
И стараго Никиты Романовича.

III.

Взятіе Казани [1]).

Середи было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты.
А изъ спальни, бѣлокаменной палаты,
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
Пробуждалася цнрица Елена,
Симеону царю она сонъ разсказала:
„А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
Что ночесь мнѣ, царицѣ, мало спалося,
Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
Какъ отъ сильнаго московскаго царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь царство наплывала“.
А изъ сильнаго московскаго царства,
Подымался Великій Князь Московскій,
Иванъ, сударь, Васильевичъ, Прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили подъ Казанское царство,

[1]) Древн. Россійск. Стихотв. 194.

За пятнадцать верстъ становились,
Становились они подкопью подъ Булатъ-рѣку;
Подходили подъ другую подъ рѣку—подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ;
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ то идетъ свѣча тишѣя,
Воспалился тутъ Великій Князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ Прозритель,
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна.
   Что большой за меньшаго хоронился,
Отъ меньшаго ему, Князю, отвѣту нѣту;
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
„Ты великій, сударь, Князь Московскій!
Не вели ты насъ, канонеровъ, казнити:
Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе
А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе“.
   Позадумался Князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собой,
Еще какъ-бы это дѣло оттянути.
   Они тѣ-то рѣчи говорили—
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ;
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Поднимало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны палаты.
   И бѣжалъ тутъ Великій Князь Московскій

На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго Князя встрѣчала,
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, Прозрителя;
И за то онъ царицу пожаловалъ,
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ Великаго Князя,
Онъ и вынялъ ясны очи косицами,
Онъ и взялъ съ него царскую корону,
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскій костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился,
И насѣлъ въ Московское Царство:
Что тогда, де, Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава.

IV.

Покореніе Сибири[1]).

Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы добры молодцы,
Донскіе славны атаманы казачіе
Ермакъ Тимофѣевичь, Самбуръ Андреевичь и Анофрій
И стали они во единой кругъ, [Степановичь;
Какъ думати думушку за единое,
Съ крѣпка ума, съ полна разума.
Атаманъ, говорилъ донскимъ казакамъ.
По имени Ермакъ Тимофѣевичь:
„А и вы, гой еси братцы, атаманы казачіе!
Некорыстна у насъ шутка защучена;
Гуляли мы по морю синему,
И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,
Убили мы посла персидскаго.
Со всѣми его солдатами и матросами,
И всѣмъ животомъ его покорыстовались;

[1]) Древн. Россійск. Стихотв. 78.

И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
Въ Астрахани жить нельзя,
На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ,
Въ Казань идти—Грозенъ Царь стоитъ,
Грозенъ Царь Осударь Иванъ Васильевичь:
Въ Москву идти—перехватиннымъ быть,
По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ.
Пойдемте мы въ усолья ко Строгоновымъ,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
Къ тѣмъ господамъ къ Вороновымъ—
Возьмемъ мы много свинцу, пороху и запасу хлѣбнаго.
И будутъ они въ усольѣ у Строгонова,
Взяли запасы хлѣбные, много свинцу, пороху,
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зима зимовать.
И нашли они пещеру каменну
На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущалися въ ту пещеру казаки,
Много не мало двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похужѣе,
На другой сторонѣ въ малую жъ они пещеру убиралися.
И тутъ имъ было хорошо зима зимовать.
Та зима проходитъ, весна настаетъ;
Гдѣ Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебреной рѣкѣ.
Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарищами
По Серебреной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили они тутъ лодки коломенки;

На той Баранченской переволокѣ.
Одну тащили, да надсѣлися,
Тамъ ее и покинули.
И въ то время увидѣли Баранчу рѣку, обрадовались,
Подѣлали боты сосновые
И лодки набойницы;
Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ
И скоро они выплыли на Тагиль рѣку;
У того Медвѣдя камня у Магницкаго горы становилися
А на другой сторонѣ было у нихъ плодбище;
Дѣлали большія коломенки,
Чтобъ можно имъ совсѣмъ убратися.
Жили они тутъ казаки съ весны до Троицева дня,
И были у нихъ промыслы рыбные,
Тѣмъ они и кормилися;
И какъ имъ путь надлежалъ,
Совсѣмъ въ коломенки убиралися,
И поплыли по Тагиль рѣкѣ;
А и выплыли на Туру рѣку,
И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку;
И тутъ они жили до Петрова дня.
Еще они тутъ управлялися,
Подѣлали людей соломеныхъ,
И нашили на нихъ платье цвѣтное;
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.
Поплыли по Тоболь рѣкѣ,
Въ Мяденски юрты приплыли,
Тутъ они Князька полонили небольшаго,
Дабы показалъ онъ путь по Тоболь рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскихъ на изголовѣ становилися,

И собиралися во единой кругъ,
И думали думушку крѣпко за едино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?
Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхнiимъ,
Самбуръ Андреевичъ устьемъ среднiимъ,
Анофрiй Степановичъ устьемъ нижнiимъ,
Которое устье впало противъ самой горы Тобольскiя.
И выплыли два атамана казачiе,
Самбуръ Андреевичъ и Анофрiй Степановичъ
Со своими товарищами на Иртышъ рѣку,
Подъ саму высоку гору Тобольскую.
И тутъ у нихъ стала баталiя великая
Со тѣми Татары Котовскими;
Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
Стрѣлы летятъ какъ часты дожди,
А казакамъ взять не можно ихъ.
И была баталiя цѣлой день,
Прибили казаки тѣхъ Татаръ не мало число.
И тому Татары дивовалися,
Каковы Руски люди крѣпкiе,
Что ни единаго убить не могутъ ихъ;
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ какъ въ снопики налѣплено.
Только казаки всѣ невредимы стоятъ,
И тому Татары дивуются наипаче того.
Въ тоже время пришелъ атаманъ Ермакъ Тимофѣевичъ
Со своею дружиною, тою лукою Соуксонскою;
Дошелъ до устья Сибирки рѣки,
И въ то время полонилъ Кучума царя татарскаго;
А перваго князька пойманнаго
Отпустилъ со извѣстiемъ
Ко всѣмъ Татарамъ Котовскiимъ.

Чтобы они въ дракѣ съ казаками помирилися;
Ужъ-де царя вашего въ полонъ взяли
Тѣмъ атаманомъ Ермакомъ Тимофѣевымъ.
И таковы слова услыша, Татары сокротилися.
И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками,
Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ сибирскiихъ,
И принималъ Ермакъ у нихъ, не отсылаючи;
А на мѣсто Кучума царя утвердилъ Сабанока Татарина,
И далъ ему полномочiе владѣть ими.
И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова
До зимняго Николина дня.
Втопоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
Нахтармами вмѣстѣ сшивалъ,
А теплые мѣхи на верхъ обоихъ сторонъ;
Таковымъ манеромъ и шапки шилъ.
И убравши, Ермакъ со всѣми казаки,
Отъѣзжалъ въ каменну Москву,
Ко Грозному Царю Ивану Васильевичу.
И какъ будетъ Ермакъ въ каменной Москвѣ
На канунъ праздника Христова дня;
Втопоры подкупилъ въ Москвѣ
Большаго боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложилъ объ немъ Царю Грозному.
На самой праздникъ Христовъ день,
Какъ изволилъ Царь Государь идти отъ заутрени,
Втопоры доложилъ объ нихъ Никита Романовичъ:
Что-де атаманы казачiе,
Ермакъ Тимофѣевъ съ товарищи
Къ твоему Царскому Величеству съ повинностью пришли,
И стоятъ на Красной площади.
И тогда Царь Государь

Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
Того атамана Ермака Тимофѣева,
Со тѣми его товарищи;
Тотчасъ ихъ ко Царю представили
Въ тѣхъ шубахъ соболиныхъ,
И тому Царь удивляется;
И не сталъ больше спрашивати,
Велѣлъ ихъ разослать по квартирамъ,
До того часу, когда спросятся.
Втопоры Царю праздникъ радошенъ былъ,
И было пированіе почестное
На великихъ на радостяхъ
Что полонилъ Ермакъ Кучума царя татарскаго
И вся сила покорилася тому Царю Грозному
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествіи того праздника
Приказалъ Царь Государь
Того Ермака предъ себѣ привести.
Тотчасъ ихъ собрали
И ко Царю представили.
Вопрошаетъ тутъ ихъ Царь Государь:
„Гой, ты еси, Ермакъ Тимофѣевъ сынъ!
Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ?
И напрасныхъ душъ губилъ,
И какимъ случаемъ татарскаго
Кучума царя полонилъ,
И всю его татарскую силу
Подъ мою власть покорилъ?“
Втопоры Ермакъ передъ Грознымъ Царемъ на колѣни палъ
И письменное извѣстіе обо всемъ своемъ похожденіи
[подавалъ.

И при томъ говорилъ таковыя слова:
„Гой еси, вольной Царь, Царь Иванъ Васильевичь!
Приношу тебѣ, Осударь, повинность свою.
Гуляли мы, казаки, по морю синему.
И стояли на протокѣ на Ахтубѣ;
И въ то время годилося мимо идти
Послу персидскому Карамышеву Семену Константиновичу
Со своими солдаты и матросами,
И они напали на насъ своею волею.
И хотѣли отъ насъ поживитися.
Казаки наши были пьяные.
А солдаты упрямые —
И тутъ персидскаго посла устукали
Со тѣми его солдаты и матросами."
И на то Царь Государь не прогнѣвался;
На и паче умилосердился,
Приказалъ Ермака пожаловати
И посылалъ его въ ту сторону Сибирскую
Ко тѣмъ татарамъ Котовскіимъ,
Брать съ нихъ дани, выходы въ казну Государеву.
И по тому приказу Государеву
Поѣхалъ Ермакъ Тимофѣевичь
Со своими козаками въ ту сторону Сибирскую.
И будетъ онъ у тѣхъ татаръ Котовскіихъ;
Сталъ онъ ихъ наибольше
Подъ власть Государеву покоряти,
Дани, выходы безъ запущенія выбирати.
И годъ, другой тому времени поизойдучи,
Тѣ татары взбунтовалися,
На Ермака Тимофѣева.
Напущалися на той большой Енисеѣ рѣкѣ;

Втопоры у Ермака были казаки разосланы
По разнымъ дальнимъ странамъ,
А при немъ только было казаковъ на дву коломенкахъ
И билися, дралися съ татарами время немалое;
И для помощи своихъ товарищевъ
Онъ Ермакъ похотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся онъ
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,
Разшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей быстру рѣку.
Туть Ермаку такова смерть случилась.

———

V.

Проклятіе Вологдѣ *)

Что на славной рѣкѣ Вологдѣ
Во Насонѣ было городѣ,
Гдѣ доселѣ было Грозный Царь
Основать хотѣлъ престольный градъ;
Для своево ли для величества
И для царскаго могущества.
Укрѣпилъ стѣной градъ каменный
Со высокими со башнями,
Съ неприступными бойницами.
Посреди онъ града церковь склалъ,
Церковь лѣпую, соборную,
Что во имя Божьей Матери,
Ея чистаго Успенія;
Образецъ онъ взялъ съ Московскаго,
Со собору, со Успенскаго.
Стѣны града поднималися,
Христіане утѣшалися.
Ужъ какъ стали послѣ сводъ сводить.

*) Р. Слово. 1859. № 1

Туда Царь самъ не коснѣлъ ходить,
Надзиралъ онъ надъ наемники,
Чтобы Божій крѣпче клали храмъ,
Не жалѣли бы плинѳы красныя
И той извести горючія.
Когда Царь о томъ кручинился,
Въ храмѣ Божіемъ похаживалъ.
Какъ изъ свода туповатова
Упадала плинѳа красная
Во головушку во буйную,
Въ мудру голову во царскую.
Какъ нашъ Грозный Царь прогнѣвился,
Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь,
Закипѣла молодецка грудь,
Ретиво сердце взыгралося;
Выходилъ изъ храма новаго,
Онъ садился на добра коня,
Уѣзжалъ онъ въ каменну Москву,
Насонъ городъ проклинаючи
И съ рѣкой славной Вологдой.
Отъ того проклятья царскаго
Мать-сыра земля трехнулася
И въ Насонъ-градѣ гористоемъ
Стали блата быть топучія,
Рѣка быстра славна Вологда
Стала быть рѣкой стоячею,
Водой мутною, вонючею,
И покрытая все тиною,
Скверной зеленью со плесенью.

VI.

Смерть Ивана Грознаго.

1 *).

Плачъ царицы.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ было высокіихъ,
Не ясно солнце выкаталося,
Выходила тутъ благовѣрная Царица,
Благовѣрная Царица Мароа Матвѣевна,
По мосту-мосту по калинову,
По сукну-сукну багрецовому
Ужъ какъ шла Царица благовѣрная,
Благовѣрная Царица Мароа Матвѣевна,
Приходила она къ церкви соборноей,
Закричала она громкимъ голосомъ:
„Ужъ а есть ли у церкви церковнички?
Отпирали бы церковь соборную,
Что впущали бъ Царицу благовѣрную!"

*) Сборникъ Кирѣевскаго VI, 207

Что входила Царица въ церковь соборную,
На три стороны помолилася,
На четвертую она только взозрѣла,
Какъ увидѣла гробницу бѣлу-каменную
Закричала Царица громкимъ голосомъ:
„Охъ, ты гой еси, благовѣрный Царь,
Благовѣрный Царь Иванъ Васильевичь!
Что ты спишь крѣпко—не проснешься?
Безъ тебя все царство помутилося,
Всѣ стрѣльцы-бойцы взволновалися,
Всѣхъ князей-бояръ во тынахъ рубютъ,
А меня-то Царицу не слушаютъ!"
Ахъ, ты гой еси, Царица благовѣрная,
Благовѣрная Царица Мареа Матвѣевна!
Ужь и мы-то тебя слушаемся,
Ужь и мы-то тебѣ повинуемся!"

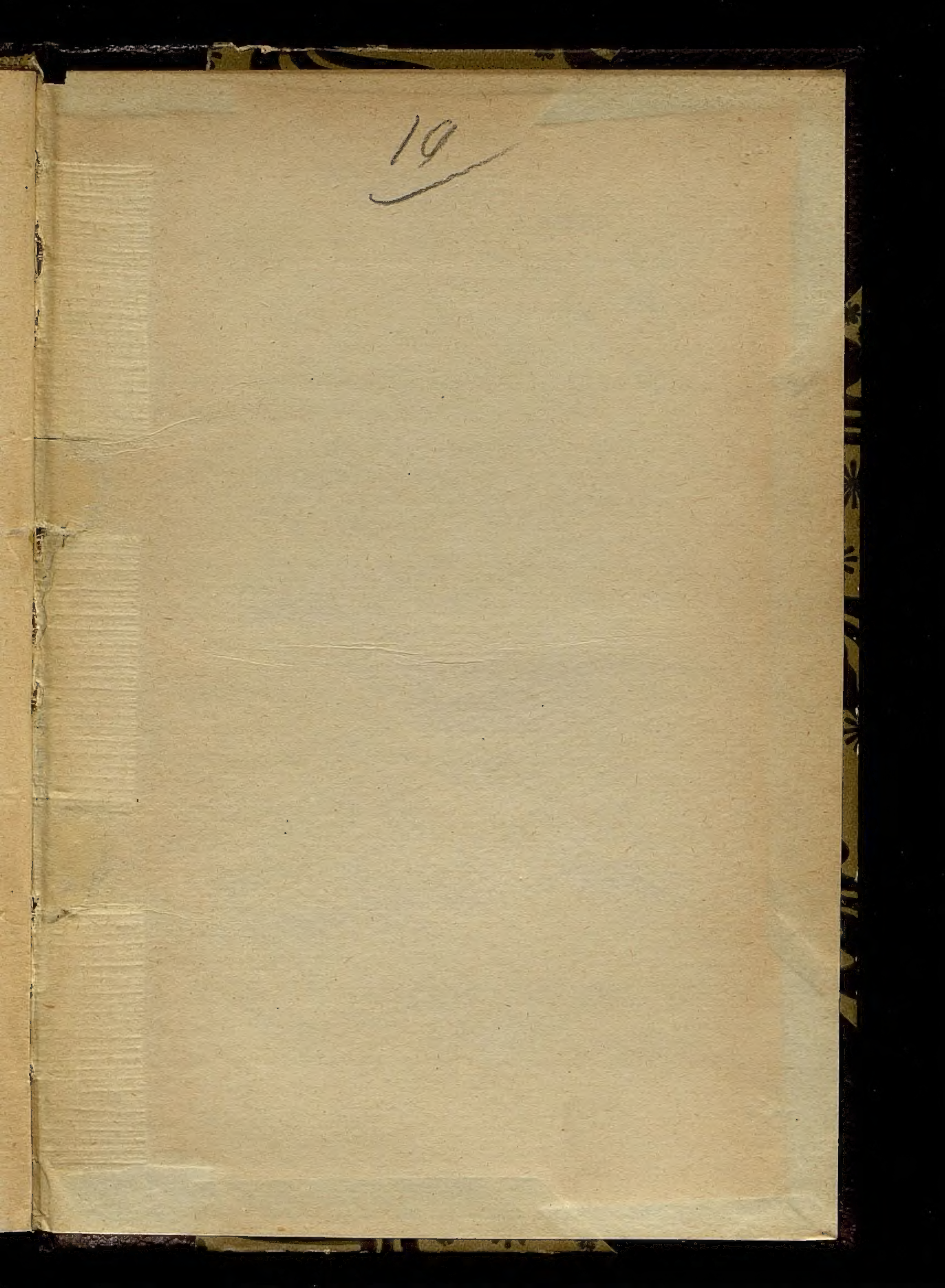
2 *).

Плачъ войска.

Ужъ ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Ужъ ты свѣтишь, мѣсяцъ во всю темную ночь—
Освѣти-ка, мѣсяцъ, каменну Москву!
Въ каменной-то Москвѣ, во святой Русѣ,
У собора было у-во Спленскаго,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ-то стоитъ, Богу молится,
Богу молится, самъ слезно плачетъ:

*) Тоже. VI, 212

„Понесите съ горъ, буйны вѣтры,
Разнесите, вѣтры, всѣ желты пески!
Разступись, матушка сыра земля,
Вскройся, гробова доска,
Распахнись-ка, бѣлъ-тонкой саванъ,
Ты возстань, возстань, православный Царь,
Православный нашъ Царь, Иванъ Васильевичь!"

19

